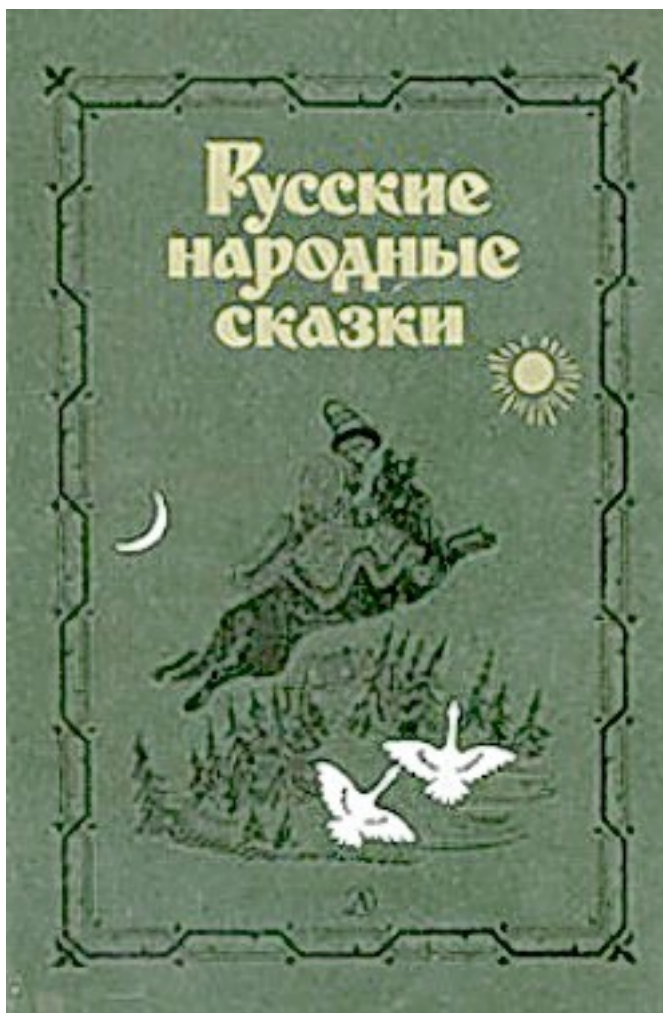

Русская Народная Сказка

Русские народные сказки (Сост. В. П. Аникин)

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Аникин. Чудо чудное, диво дивное

Лисичка-сестричка и волк. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунки К. Кузнецова*

Лиса и заяц. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Лиса и журавль. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Лиса-исповедница. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Как лиса училась летать. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Лиса и кувшин. (В пересказе К. Д. Ушинского). *Рисунок К. Кузнецова*

Лиса и рак. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Петушок — золотой гребешок. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Думы. (В пересказе М. Л. Михайлова)

Лиса и тетерев. (В пересказе Л. Н. Толстого)

Лиса и дрозд. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Медведь и лиса. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Кот и лиса. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Лиса и козел. (В пересказе К. Д. Ушинского)

Коза-дереза. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Нет козы с орехами. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Звери в яме. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Терем мышки. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Зимовье зверей. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунки К. Кузнецова*

Кот — серый лоб, козел да баран. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Хитрый козел. (Из сборника В. Н. Серебренникова, в обработке В. П. Аникина)

Овца, лиса и волк. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Волк и коза. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунки К. Кузнецова*

Медведь и собака. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Заяц-хваста. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Зайцы и лягушки. (В пересказе Л. Н. Толстого)

Байка про тетерева. (В обработке А. Н. Толстого)

Журавль и цапля. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунок К. Кузнецова*

Ворона и рак. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Бобовое зернышко. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Кочеток и курочка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Колобок. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Репка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Пузырь, соломинка и лапоть. (В обработке А. Н. Толстого).

Старик и волк. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Мужик и медведь. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Медведь — липовая нога. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Маша и медведь. (В пересказе М. А. Булатова). *Рисунок И. Кузнецова*

Снегурушка и лиса. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок И. Кузнецова*

Кузьма Скоробогатый. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Гуси-лебеди. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Терёшечка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Морозко. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Дочь и падчерица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Арысь-поле. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Хаврошечка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Мальчик с пальчик. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Лев, щука и человек. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Петушок — золотой гребешок и жерновцы. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунки К. Кузнецова*

Война грибов. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Мизгирь. (В обработке А. Н. Толстого)

О щуке зубастой. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

О Ваське-Муське. (Из сборника «Перстенок — двенадцать ставешков»)

Глиняный парень. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунок К. Кузнецова*

Как старуха нашла лапоть. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Яичко. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунок К. Кузнецова*

Скатерть, баранчик и сума. (В пересказе М. А. Булатова)

Чивы, чивы, чивычок... (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Кривая уточка. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Чернушка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Девушка в колодце. (Из сборника И. В. Карнауховой) .

Козел. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Иван-царевич и серый волк. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Финист — ясный сокол. (Из сборника «Сказки А. Н. Корольковой»). *Рисунок Б. Шахова*

Царевна-лягушка. (В пересказе М. А. Булатова). *Рисунки К. Кузнецова*

Белая уточка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Солнце, Месяц и Ворон Воронович. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Притворная болезнь. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Морской царь и Василиса Премудрая. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Сказка о молодильных яблоках и живой воде. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*

Марья Моревна. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»). *Рисунки Н. Кочергина*

Сивка-бурка. (В пересказе М. А. Булатова). *Рисунок К. Кузнецова*

Иван Бесталанный и Елена Премудрая. (В пересказе А. П. Платонова)

Хрустальная гора. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Чудесная рубашка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Волшебное кольцо. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»).

Рисунки Б. Шахова

Никита Кожемяка. (В пересказе К. Д. Ушинского). *Рисунок В. Милашевского*

Иван — крестьянский сын и чудо-юдо. (В пересказе М. А. Булатова)

Волшебная дудочка. (В пересказе А. Н. Нечаева)

Иван-царевич и Белый Полянин. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Королевич и его дядька. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Булат-молодец. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Окаменелое царство. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Во лбу солнце, на затылке месяц, по бокам звезды. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Скорый гонец. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Царевна-змея. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Заколдованная королева. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Вещий сон. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Птичий язык. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Вещий мальчик. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина),

Соль. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Два Ивана — солдатских сына. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Семь Симеонов. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Хитрая наука. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Елена Премудрая. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Неумойка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Царевна-отгадчица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)

Сказка о богатыре Голе Воинском. (В пересказе Б. Бронницина)

Про глупого змея и умного солдата. (В пересказе М. А. Булатова)

Шабарша. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Дурак и береза. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Дочь-семилетка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»). *Рисунок Е. Коротковой*

Мудрые ответы. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)
По щучьему веленью. (В обработке А. Н. Толстого). *Рисунки К. Кузнецова*
Солдат и смерть. (Из сборника Е. В. Барсова)
Мена. (В пересказе К. Д. Ушинского). *Рисунок В. Милашевского*
Два Мороза. (В пересказе М. Л. Михайлова)
Про одного солдата. (Из сборника «Перстенок — двенадцать ставешков»)
Про нужду. (Из сборника Д. Н. Садовникова). *Рисунок В. Милашевского*
Сердитая барыня. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых). *Рисунок Е. Коротковой*
Умный работник. (В пересказе А. Н. Нечаева)
Глупая барыня. (В обработке М. М. Сергеевко). *Рисунок И. Кузнецова*
Как мужик гусей делил. (В пересказе Л. Н. Толстого). *Рисунок И. Кузнецова*
Мужик и барин. (Из сборника Н. А. Иваницкого, в обработке В. П. Аникина)
Барин и плотник. (В пересказе А. Н. Нечаева). *Рисунки Н. Кочергина*
Барин и собака. (Из сборника «Сказки Карельского Беломорья»)
Барин и мужик. (Из сборника «Фольклор Саратовской области»)
Барин-кузнец. (Из сборника Д. Н. Садовникова)
Как барин овцу купил. (Из сборника Д. Н. Садовникова)
Ночь на Ивана Купалу. (Из сборника И. А. Худякова, в обработке В. П. Аникина)
Лихо одноглазое. (В пересказе К. Д. Ушинского)
Клад. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)
Черт и мужик. (Из сборника В. Н. Серебренникова)
Церковная служба. (Из сборника Н. Е. Ончукова)
Поп и батрак. (Из сборника «Сказки И. Ф. Ковалева»)
Похороны козла. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)
Черт-заимодавец. (Из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии»)
Как поп работницу нанимал. (В пересказе С. Г. Писахова)
Горе. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)
Беззаботный монастырь. (В пересказе А. Н. Нечаева)
Петр I и мужик. (В пересказе Л. Н. Толстого)
Горшеня. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»). *Рисунок В. Милашевского*
Добрый поп. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)
Как дьякона медом угощали. (В обработке М. М. Сергеевко)
Мужик и поп. (Из сборника «Сказки Ф. П. Господарева»)
Петухан Куриханых. (Из сборника А. М. Смирнова). *Рисунок В. Милашевского*
Чего на свете не бывает. (Из сборника «Народные сказки Костромской губернии»)
Солдатская шинель. (Из сборника А. М. Смирнова), *Рисунок В. Милашевского*
Как старик домовничал. (Из сборника А. П. Анисимовой)
Что дальше слышно. (Из сборника Н. Е. Ончукова)
Три калача и одна баранка. (В пересказе Л. Н. Толстого)
Наговорная водица. (Из сборника М. М. Серовой, в обработке И. В. Воробьевой)

Кашица из топора. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»).
Рисунок В. Милашевского

Хорошо, да худо. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Хлыст и Подлыгало. (Из сборника В. Н. Серебренникова, в обработке В. П. Аникина)

Солдат и черт. (Из сборника Д. Н. Садовникова)

Солдатская школа. (Из сборника А. М. Смирнова)

Как Иван-дурак дверь стерег. (Из сборника В. Н. Серебренникова, в обработке В. П. Аникина)

Солдат и пельмени. (Из сборника В. Н. Серебренникова)

Разговор. (В пересказе И. В. Воробьевой)

Рифмы. (В пересказе Б. В. Шергина)

Привычки. (Из сборника Н. А. Иваницкого, в обработке В. П. Аникина)

Лень да Отеть. (В пересказе С. Г. Писахова)

Лутонюшка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»). *Рисунок И. Кузнецова*

Глупый жених. (Из сборника И. В. Карнауховой)

Как дела в Ростове? (Из сборника Н. А. Иваницкого)

Иванушко-дурачок. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Иванушка и домовой. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых)

За дурной головой — ногам работа! (В пересказе И. В. Воробьевой)

Заяц. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Завещание. (Из сборника И. А. Худякова)

Жена-спорщица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Неумелая жена. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Беспамятный зять. (Из сборника Н. А. Иваницкого)

Беззаботная жена. (Из сборника Н. А. Иваницкого)

Брат и сестра. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)

Горшок. (Из сборника М. М. Серовой). *Рисунок Е. Коротковой*

Шемякин суд. (В пересказе А. Н. Нечаева). *Рисунки В. Милашевского*

На суде. (Из сборника А. М. Смирнова)

Местные и устаревшие слова

ЧУДО ЧУДНОЕ, ДИВО ДИВНОЕ

...Сказки открывали передо мною просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная, бесстрашная сила.

М. Горький

В народном творчестве сказка — вероятно, самое большое чудо. В ней обычны слова и выражения: «жили-были», «братец», «сестрица», «дед», «баба», «избушка», «пеки пироги», «поеду за рыбой», — а реальный мир преображен. Мы узнаём и не узнаём его.

Лежит на дороге лиса — притворилась мертвой; увидел ее дед, смекнул — сгодится на воротник: «Вот будет подарок жене!» Взял лису, положил на воз, а она улучила время и ну бросать из воза рыбу — рыбку за рыбкой. Повыбросила всю и сама ушла. Обманула лиса деда.

Дед мог ошибиться, лиса — схитрить, но не все правдоподобно в этом рассказе, а чем дальше, тем больше выдумки. Собрала лиса рыбу, села и ест. Бежит волк, увидел лисицу и говорит:

— Здравствуй, сестрица!

И «сестрица» отвечает:

— Здравствуй, братец!

Увидев у лисы рыбу, волк стал просить:

— Дай мне рыбки!

Но лиса не для того рисковала собой, хитрила, чтобы делиться с кем-нибудь своей добычей.

Она говорит:

— Налови сам. Волк жаловаться:

— Я не умею.

Лиса словно ждала этих слов:

— Эка, ведь я же наловила!

Волку сказать нечего.

Лиса учит:

— Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика! Ловись, рыбка, и мала и велика!» Рыба к тебе сама на хвост нацепится... Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Видно, лиса очень зла на волка, если вздумала так жестоко обмануть его. Волк поверил лисе — и едва не поплатился головой.

Мы и не заметили, как оказались во власти вымысла и каким интересным становится все, о чем ведет речь сказочник. Звери в сказках говорят, рассуждают, хитрят, обманывают, враждуют, дружат. Сам собой является вопрос: что это — досужая выдумка?

Давно, более двухсот лет назад, Михаил Васильевич Ломоносов признал у сказочного вымысла серьезное значение. По словам ученого, издревле в сказках всех народов мира ведется правило придавать «бессловесным животным слово». Ломоносов обратил внимание на то, что фантастика может быть самой невероятной: чудовищные кентавры в мифах древних греков наделены «половиной из человека», «половиной из коня», морские деви-сирены — в «верхней части» как девицы, а в «нижней» как рыбы, у страшилищ-химер львиная голова, хвост змеиный, а «середка» — козья. В русских сказках немало похожих созданий фантазии: Змей Горыныч, русалки, баба-яга, Кощей, морской царь. Фантастический вымысел, писал Ломоносов, есть «идея, противная натуре или обыкновениям человеческим». Действительно, фантастика неправдоподобна, противоположна тому, что есть в жизни, в природе. В сказках всегда повествуется о чем-то невероятном, невозможном в реальной жизни, но вместе с тем фантастический вымысел включает в себе, как говорил Ломоносов, «идею обыкновенную и натуральную», то есть в вымысле есть и правда.

Правда сказок в том, что хотя и говорится о зверях, а воспроизводятся похожие человеческие ситуации — тем сказки и интересны. Сказочники потому и говорят о зверях, чтобы нагляднее передать прежде всего человеческий смысл фантастической истории. Действия зверей откровеннее обнажают негуманные стремления, помыслы, причины поступков, совершаемых людьми. Это выразительный художественный прием. Ломоносов писал, что, благодаря фантастическому вымыслу, «обыкновенная и натуральная идея», то есть жизненная правда, выражается «сильнее», чем если бы повествование велось без вымысла.

Вот и получилось, что сказка — и неправда и правда одновременно. На наших глазах свершилось чудо искусства. Сказки говорят нам больше, чем непосредственно заключено в их выдумке. История волка и лисы, кота и лисы, петушка, козы-дерезы, козла, журавля и цапли, вороны и рака, тетерева, лягушки, мышки и десятка других зверей, птиц, с которыми случаются удивительные приключения,— это все истории, в которых есть место не только для забавы, но и для выражения серьезного смысла.

Выросла репка такая большая, что дед один не смог выдернуть ее. Позвал он на помощь бабушку — опять никак не вытянуть. Позвали внучку, потом собачку, потом кошку, но все никак не вытянуть репку. Позвала кошка мышку. Потянули— вытянули. Конечно, все это одна забавная выдумка, но и у этой истории есть смысл: не хватало только мышьиной силы, чтобы вытянуть репку. Оказалось, что никакая, даже самая малая сила в деле не лишняя, а случается, что ее-то и не хватает, чтобы добиться результата.

Катится по дороге задорный колобок и поет: всюду ему удача — от дедушки, от бабушки ушел, не съели. Ушел колобок от зайца, от волка, от самого медведя — и так уверился в своей удачливости, что дерзнул сесть лисе на язычок. Она его — гам! — и съела. Вот что случилось с неосторожным колобком: он совсем забыл, что замешен на сметане, изжарен в масле, что всем лаком.

Напугала лиса дрозда — напугала до смерти. Согласился он накормить лису. Захотела лиса пить — он напоил ее. Захотела лиса смеяться — насмешил ее дрозд. Лисе так понравились удовольствия, что велела напугать себя. Навел на нее дрозд собак. Едва ушла от них лиса и, досадуя на хвост за то, что мешал ей бежать, дала собакам разорвать себя. Поучительная для глупцов история!

Лиса рассказывает тетереву о новом указе — теперь птицам можно никого не бояться, гуляй себе по лугам: «Нынче уже звери друг друга не трогают».

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Бежала лиса с позором, хотя и тут нашлась — успела сказать, что, может быть, собаки указа не слыхали. Не удалось лисе сманить тетерева на землю. Хитрецу нет веры.

Сказки о зверях и птицах долгие столетия были на Руси своего рода социальной, бытовой энциклопедией. Тут осуждены хитрецы, лжецы, пройдохи, недотепы, лентяи, воры, невежды, дураки, скупцы, забияки, грубияны, лицемеры, ханжи. Людские пороки выставлены на позор и смех.

Давно замечено, что сказки разных народов очень схожи между собой: повторяются сюжетные ситуации, действия зверей и птиц. Но при всем том у каждого народа сказки особенные. Свой облик и у русских сказок. На сказках о косолапом медведе Михайле

Ивановиче, который делит с мужиком вершки и корешки, о лисе Лизавете, коте-бурмистре из сибирских лесов, о волке, который идет к присяге и целует капкан, — на всех наших сказках лежит печать старинного быта, обычаев, порядков.

Вот лиса, подделываясь под тон гостеприимной и щедрой хозяйки-кумы, зовет в гости журавля:

— Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Журавль пришел на «званный пир».

За столом лиса хлопочет:

— Покушай, голубчик куманек, — сама стряпала.

А каша-то размазана по тарелке. Как журавлю склевать ее?!

Лиса лицемерит:

Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.

Журавль не остался в долгу — отплатил за насмешку: позвал лису в гости и все приговаривал:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Угощение-окрошка была налита в кувшин с узким горлом: лиса и так и эдак, но никак не достать ее.

В народном обычае вести дружбу, а когда добрым расположением пренебрегают, то дело оборачивается теми отношениями, про которые пословица говорит: «Как аукнется, так и откликнется». Конечно, и у других народов столь же обычны и гостеприимство, и дружество, и осуждение тех, кто попирает добрые обычаи, но сказки каждого народа говорят об этом по-своему. Именно о таком проявлении национальных особенностей в художественном творчестве писал А. С. Пушкин: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

И в стиле, в языке, выразился особенный склад русской сказки. Так, в сказке «Лиса-исповедница» говорится: «Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам». Кажется, совсем просто сказано, но как характерны эти слова и обороты, они отмечены таким своеобразием, что нельзя заменить ни одного слова другим, ни одного из них нельзя переставить на другое место без риска утратить своеобразие стиля. Попробуем сказать по-другому: «Один раз осенью лиса проходила в лесу без пищи. Утром пришла она в деревню и полезла в курятник». Смысл остался, а сказки не стало — она исчезла, как пропадают узоры на крыльях бабочки, когда к ней грубо прикасаются пальцами. Фразы сказочника запечатлевают непередаваемые другими словами художественные оттенки. Здесь все важно: и то, что лиса всю-то томительную, долгую, темную, «большую осеннюю ночь» пробродила по лесу, и не проходила, а «протаскалась... не евши». Сказочник явно не жалеет лису: про того, кому сочувствуют, не скажут: «протаскалась». Поутру, при свете зари лиса «взошла на двор» к мужику и не просто оказалась в курятнике, а «полезла» туда — полезла сразу: ведь голодная.

В каждом слове и обороте нам нетрудно ощутить особую манеру рассказывания. Заметна устойчивая привычка сказочника ясно и твердо определять свое отношение ко всему, о чем заходит речь. Рассказчик и сам хорошо знал томление долгой голодной осенней ночи и то, как мало радуется холодная утренняя заря. Это ощущение и выразилось в сказке, как

выразилось оно и в другом народном произведении — в песне о тоскливой осенней ночи «Эх ты ноченька, ночка темная, ночь осенняя...». Почти незаметно, по крупницам, в стиле и смысле сказок оттеняется их речевое своеобразие, но оно в итоге и создает впечатление народной неповторимости сказок.

Волшебные сказки по сравнению со сказками о животных открывают перед нами мир иных чудес. О чем только не узнаешь из волшебных сказок! Чудо начинается с присказки: «Было это дело на море, на океане, на острове Кидане стоит древо — золотые маковки: по этому древу ходит кот Баюн; вверх идет — песню поет, а вниз идет — сказки рассказывает... Это не сказка, а еще присказка идет, а сказка вся впереди». Умелый сказочник с самого начала обещает занимательную историю. Когда сказочники обходятся без присказки, они находят другой способ сразу заинтересовать слушателей. Сказки почти неизменно начинаются с интригующего зачина: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха...» или: «За тридцать земель, в тридцатом государстве жил-был царь с царицею...»

Так начинается и сказка о семи Симеонах. Взял к себе на службу царь семерых братьев, семерых близнецов. У всех одно имя — все Симеоны и такие удалы, что равных не найти. Один из братьев сковал железный столб в двадцать сажень (а каждая сажень — расстояние от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой), второй брат поднял столб и врыл его в землю, третий залез на столб — уселся на самом верху и увидел, «как и что творится по белу свету», увидел синие моря и как на них пятнами мреют корабли, увидел села, города, даже усмотрел в далеком тереме прекрасную царевну. Четвертый брат построил корабль, да не простой — ходит по морю, «как по суху». Пятый сумел удачно торговать разными товарами в чужих землях, шестой смог вместе с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плыть под водой и вынырнуть где надо, а последний, седьмой брат умудрился заманить на корабль чудную царевну. Умение и удаль всех семерых пригодились — братья увезли царевну и от погони ушли. Веселая, полная невероятных приключений сказка — откровенная небылица. Поэтому в конце сказки сказочник и дал волю, насмешке: «Была у меня клячонка, восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали». Тут уж никак нельзя усомниться в том, что и сказка — шутка. Тем не менее сказочная история увлекает мечтой о неограниченных возможностях человека.

В сказках часто трудно понять, когда сказочник шутит, а когда он серьезен. Случается, что сказочник остается серьезным даже тогда, когда рассказывает про самое невероятное. За проложенный по болоту мост-настил, который сделал путь коротким, некие старцы отблагодарили доброго молодца — научили его обращаться в быстрого оленя, зайца и в птицу. Умение пригодилось Семену (так звали молодца), но у негр оказался недруг — лукавый и жестокий генерал. Быстрее ветра бежал Семен, чтобы в срок принести царю забытый во дворце меч, а генерал себе присвоил подвиг, а Семена столкнул в море. Сказочник рассказывает о злоключениях юноши — тут нет и тени шутки или насмешки.

Живет Семен в глубине морской, скучно ему, горько, морской царь спрашивает:

— Что, Семен — малый юныш, скучно тебе здесь?

— Скучно, ваше величество!

— Хочешь на русский свет?

— Хочу...

Дважды выносит царь Семена в самую полночь на берег и перед восходом солнца уносит обратно в море. После возвращения назад еще горше становится молодцу. На третий раз, когда вынес его морской царь на берег, проговорил молодец в отчаянии:

— Солнышко, покажись, красное, покажись!

И случилось чудо. Раньше времени солнышко осияло юношу — не смог морской царь унести его на дно. Семен вернулся домой.

Мысль о привязанности человека к родному краю передается в сказке с заметным волнением. Родина — тот милый предел, к которому всеми помыслами стремится герой. Вообще какую бы удачу и счастье ни сулила жизнь в далеких от отчизны краях, герои сказок не мыслят своего существования без родины.

Сказки не знают непоправимых несчастий. Они неизменно ставят героев в положение победителей, заставляют слушателей ликовать, когда чудовище повергнуто в прах, а злодей наказан. Люди, создавшие фантастические истории, мечтали о торжестве справедливости, о счастье. Вопреки козням злой мачехи и ее злонравных дочерей Хаврошечка становится счастливой, дочь старика из сказки «Морозко» избавляется от смерти и возвращается домой с подарками.

Ни одна людская обида не остается неотомщенной, безутешное горе в сказках можно развеять, беду поправить. Это и есть то, ради чего складывали волшебные, полные невероятных чудес истории.

В иной сказке, по словам Анатолия Васильевича Луначарского, «правда слышится». Это правда отраженных сказками чаяний и ожиданий простых людей. Своя правда есть в каждой сказочной истории — в историях Ивана-царевича, Марьи Моревны, Финиста — ясного сокола, Ивана — купеческого сына, Булата-младца, Царевны-лягушки, Хаврошечки, Аленушки, доброго Мартышки из сказки «Волшебное кольцо» и героев других сказок.

Часто в сказках презираемому и унижаемому человеку даруются благополучие и высокий сан. Сказочники рядят крестьянских сыновей в одежды царей, делают их правителями, которых все любят непритворной любовью за справедливость и доброту. Это мечта о счастье и свободе простого человека.

Серьезный смысл некоторых волшебных сказок давал основания для суждений по самым важным жизненным вопросам. Находясь в изгнании, далеко от России, Александр Герцен написал статью «Русский народ и социализм». Она была опубликована на французском языке. Великий русский революционер рассказал о свободолюбивых стремлениях и борьбе русского народа против произвола и угнетения. Герцен припомнил волшебную сказку об оклеветанной жене: «Очень распространенная в России сказка гласит, что царь, подозревая жену в неверности, запер ее с сыном в бочку, потом велел засмолить бочку и бросить в море.

Много лет плавала бочка по морю.

Между тем царевич рос не по дням, а по часам и уже стал упираться ногами и головой в донья бочки. С каждым днем становилось ему теснее и теснее. Однажды сказал он матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться вволюшку.

— Светик мой царевич, — отвечала мать, — не протягивайся. Бочка лопнет, а ты

утонешь в соленой воде.

Царевич смолк и, подумавши, сказал:

— Протянусь, матушка; лучше раз протянуться вволюшку да умереть...

В этой сказке, милостивый государь, — закончил свою статью Герцен, обращаясь к одному из деятелей революционного движения в Европе, — вся наша история».

О чем бы ни заходила речь, сказочники рассказывают так, как будто сами были свидетелями событий. Живая картинность волшебных сказок захватывает воображение. Пришел Иван — крестьянский сын к реке Смородине. Настала полночь. Сырая земля заколебалась, взволновалась вода в реке, подули буйные ветры, закричали орлы на дубах. Это едет двенадцатиглавое чудо-юдо. Все головы свистят, все двенадцать огнем-пламенем пышут. Конь у чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медная, хвост и грива железная. Как тут не испугаться, но Иван — крестьянский сын победил чудовище.

Вместе со сказочниками мы уносимся воображением в подземные царства, в поднебесную высь, говорим с солнцем, месяцем, достигаем звезд, попадаем в дремучие леса, переплываем через огненные реки, видим, как гибнет Кощей: смерть его была на конце иглы, а игла — в яйце, а яйцо — в утке, а утка — в гнезде, а гнездо — на дубу, а дуб — на острове, а остров — в океане-море. Зловещие гуси-лебеди служат бабе-яге.

Лесные звери и гады тоже у нее на посылках. Ведьма обращает княгиню в утку. Из неведомых стран прилетает в сад Жар-птица и клюет царские яблоки. Серый волк везет на себе Ивана-царевича, помогает ему, а когда Ивана убивают злые братья, заставляет ворона принести живую воду, чтобы воскресить убитого хозяина-друга. Чудесная дудка выговаривает правду о погубленной сестрице. Влезает в коровье ушко сирота — вылезает из другого и становится красавицей, а вся ее работа уже поделана. Лесной владыка Мороз одаривает терпеливую крестьянскую девушку свадебными подарками. Прилетают на взморье двенадцать голубиц и обращаются в красавиц: плещутся они в море и не замечают, что одежду одной из них унес царевич. Лягушка превращается в царевну и пляшет на царском пиру: махнет рукавом — делается озеро, махнет другим — плывут по озеру белые лебеди. Мир волшебной сказки — мир необычайный, удивительный. Его красота волнует. Первое знакомство с ним оставляет неизгладимый след в душе на долгие годы — на всю жизнь.

При всем том сказочники учили различать правду и ложь, выдумку и реальность. «Свадьба была веселая», — говорится в конце одной из сказок. Был пир, сказочник сам был на том пиру, пил мед-пиво, но вот «по усам текло, а в рот не попало». Сказочная выдумка не обманывает несбыточным. Сочетание выдумки и правды, чуда и чувства реальности ведомо лишь подлинно высокому искусству. Сказочники знали значение мечты, фантазии, вымысла в жизни людей. Сказки внушали дух уверенности, бодрости, радостного приятия жизненной борьбы за справедливость. И в этом их социальная ценность.

Волшебные сказки тем успешнее достигают этой цели, что радуют разум, как радует глаз затейливый рисунок. Веселое сочетание слов, развлекательный характер, особый тон делают волшебные сказки ярким образцом искусства, родственного раскрашенным коням и баранчикам из глины, тонким узорам народной вышивки, причудливым деревянным игрушкам.

Нет твердой границы, которая отделяет бытовую сказку от волшебной, равно как и от

сказок, в которых действуют животные. Это потому, что все сказки, в сущности, говорят об одном и том же, хотя и по-разному. В отличие от волшебной сказки бытовая сказка ироничнее, насмешливее. Шутка тут пронизывает всю историю.

Поймал Емеля в проруби щуку. В благодарность за возвращенную свободу она научила его говорить чудодейственные слова: «По щучьему веленью, по моему хотенью». Емеля тут же на реке произнес их — и ведра с водой сами поднялись в гору, пришли в избу, сами стали на лавку и капли не расплескали. Топор у Емели сам стал колоть дрова, а дрова пошли и в печь сложились.

Чудеса бытовых сказок — нарочитая выдумка, насмешка, но, как и в других сказках, они не бесцельны. Емеля-дурачок никому не желает зла, а люди вокруг него суетятся, ловчат, хитрят. И хотя им очень хочется быть и знатными и богатыми, но их минует удача. Удачливым становится Емеля: его, а ни кого другого, полюбила царская дочь — и сделался Емеля богат и знатен. Дурачок Емеля, как и похожий на него такой же «дурачок» Иванушка,— «иронический удачник». Смысл этих бытовых сказок не в прославлении дурачества, а в осуждении мнимого ума тех, кто кичится своим превосходством, не ценит простодушия, честности, доброты. Сказочники не видят ничего хорошего в том, что один человек обманет другого, возьмет верх над ним, схитрит, захочет поживиться чужим, солжет.

Напоминает сказку о Емеле сказка об удачливом солдате. Зазевался он в Петербурге на мосту и упал в Неву. Случилось это как раз против Зимнего дворца — и стояла царевна на балконе. Откуда ни возьмись, явились мышь, жук и рак. Они солдата из реки вытащили. Мышь солдата разула, жук портянки выжал, а рак клешни расставил да на солнышке портянки принялся сушить. Глядела-глядела царевна Несмеяна — и вдруг рассмеялась. А до этого не мог ее никто рассмешить. Солдата, по условию, объявленному царем, тут же на царевне женили. Повторилась история «иронического удачника», только на особый лад.

Совсем иная сказка о том, как крестьянин разделил за столом гуся: гусь почти целиком ему достался, а барин и его семья получили кое-что: крылья, голову, лапки, задок. Барин, однако, не рассердился: уж больно угодил ему крестьянин словами, которыми сопровождал дележ.

Батрак Шабарша уселся на берег вить веревку; любопытно стало чертям, послали чертенка-мальчика в черной курточке, в красной шапочке узнать, зачем Шабарша веревку вьет. Читатели легко узнают в Шабарше героя пушкинской сказки про попа и работника: тут почти все, как в сказке у поэта, — и бег наперегонки, и кидание дубины за облако, и другие действия героев. Пушкин по достоинству оценил сказку народа — сохранил ее смысл, украсив изложение блеском своего гения.

Молодой Мороз хотел было заморозить мужика, да не смог: не пронял его — крестьянин стал дрова рубить и согрелся. А еще и досталось от него Морозу: забрался Мороз в сброшенный во время работы полушубок — сделал его лубок лубком; взял мужик полено подлиннее и посучковатее и ну бить по полушубку, чтобы сделать его мягким. Едва Мороз спасся: думал — пропадет.

В бытовых сказках ирония и шутка часто становятся беспощадной сатирой. Жало этих сказок направлено против попов, бар, царских чиновников, судей барских и царских лакеев. Народ мстил угнетателям. Убил, говорит одна из таких сказок, крестьянин ненароком злую

барскую собаку. Суд решил лишить его «человеческого звания»: заставили его жить у барина, лаять и охранять барское добро. Что делать? Стал мужик у барина жить, лаять по ночам, но пришло время — и мужик заставил барина лаять. Ехали они темным лесом, боязно стало барину, крестьянин указал на сухое дерево-короину и сказал:

— Медведь! Теперь лай сам, а то медведь съест.

И барин залаял.

Завистливый поп захотел поживиться за счет крестьянина, говорит другая сказка, вздумал отобрать у него найденный клад. Надел козлиную шкуру на себя, подошел под окно и потребовал от крестьянина добро. Решил мужичок-бедняк, что сам черт явился к нему за червонцами. Отдал деньги, поп их унес, но только с той поры козлиная шкура приросла к попу, осталась на нем. Во всех таких сказках священнослужители изображены корыстными, лицемерными посягателями на крестьянское добро.

Занимательны и веселы сказки о неумных, болтливых и легкомысленных женщинах, о глупцах, но не мнимых, а настоящих. Захотелось одному мужику есть. Купил он калач и съел. Не наелся — купил другой. И другой калач его не насытил. Купил третий, а все есть хочется. Купил баранку — съел, стал сыт. Тут ударил мужик себя по голове и сказал:

— Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

Вошел в пословицу топор, который варил находчивый солдат. Явную нелепицу, которую выдумывают с целью извлечь пользу, называют «кашей из топора». Стало присловьем и выражение: «Хорошо, да худо»; на эту тему есть особая, другая сказка, откуда это выражение и перешло в нашу обиходную речь.

Такие сказочные истории очень схожи с анекдотами. Они и кратки, как анекдоты, и не менее их остроумны.

Лгун Хлыст сказал богачу, у которого заночевал:

— Что это у вас за дома! Вот у нас дома-то: курицы с неба звезды склеивают.

Дружок Хлыста — Подлыгало прибавил:

— Да, так... Я видел: у нас петух волочил полмесяца, как краюшку.

В бытовых сказках выражены острый иронический смысл и та шутка, в которой блещет ум народа.

* * *

В сборник включены образцы русского сказочного фольклора. Среди детских изданий это едва ли не самая полная книга. В ней читатели найдут весьма характерные, типичные сказки. Они представлены в писательских обработках и редакциях, но таких, которые удерживают художественное своеобразие народных сказок. Это касается в первую очередь сказок, обработанных в прошлом веке знаменитым издателем сказок Александром Николаевичем Афанасьевым, великим педагогом Константином Дмитриевичем Ушинским, Львом Николаевичем Толстым, а также советским писателем Алексеем Николаевичем Толстым. Некоторые тексты взяты из научных сборников и подвергнуты незначительной редакционной правке (к примеру, опущены малоупотребительные, местные слова, которые — здесь будет уместным это отметить — нередко опускали и сами сказочники).

В сборнике помещен список устаревших и местных, малопонятных слов, сохраненных в тех случаях, когда их замена другими, более понятными, повлекла бы за собой утрату художественного своеобразия. Словарь облегчит понимание сказок, поможет уяснить некоторые важные оттенки их разговорного стиля.

Нет сомнения, что чтение народных сказок доставит читателю много счастливых минут. Как на крыльях, они унесут его в воображаемый мир, не раз заставят дивиться богатству народной выдумки, а тем, кто станет размышлять о прочитанном, откроется и глубокий смысл народной фантазии. Сказки — умное чудо, сотворенное художественным гением народа, «чудо чудное, диво дивное», как говорят сказочники о своих творениях.

В. П. Аникин

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

— Вот будет подарок жене! — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу!

— Где?

— Там на возу — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа:

— Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуй, братец!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и мала и велика!
Ловись, рыбка, и мала и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

— Ясни, ясни на небе звезды,
Мерзни, мерзни, волчий хвост!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?
— То я тебе помогаю.
А сама, плутовка, поминутно твердит:

Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, сестрица!» Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, волчику-братику! — говорит лисичка-сестричка. — У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилиу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

— Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

— Что ты, сестрица, говоришь?
— Я, братец, говорю: «Битый битого везет».
— Так, сестрица, так!

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избенка ледяная, у зайца — лубяная.

Пришла весна красна — у лисы избенка растаяла, а у зайца стоит по-старому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избенки и выгнала. Идет дорогой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

— Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу. Подошли они к избенке. Собака забрехала:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала.

Зайчик опять идет дорогой, плачет. Ему навстречу медведь:

— О чем, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, я твоему горю помогу.

— Нет, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Медведь как закричит:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идет опять зайчик. Ему навстречу бык:

— Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

— Нет, бык, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Бык как заревел:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!
Бык испугался и убежал.
Идет опять зайчик дорогой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:
— Ку-ка-реку! О чем, зайчик, плачешь?
— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.
— Пойдем, я твоему горю помогу.
— Нет, петух, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.
— Нет, выгоню!
Подошли они к избенке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посйчи,
Слезай, лиса, с пйчи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услышала, испугалась и говорит:
— Обуваюсь...
Петух опять:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:
— Одеваюсь...
Петух в третий раз:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти выбежала, петух ее тут и зарубил косой. И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избенке.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружились.
Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:
— Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!
Пошел журавль на званный пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке.
Подавала и потчевала:
— Покушай, голубчик куманек, — сама стряпала.
Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!
А лисица лижет себе да лижет кашу, так все сама и съела. Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.
Журавль ей отвечает:
— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.
На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, налил в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:
— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.
Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдет, и эдак, и лизнет его, и понюхает-то,— никак достать не может: не лезет голова в кувшин.
А журавль клюет себе да клюет, пока все не съел.
— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.
Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — не солоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!
С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам.
Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришлось время петить: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.
Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает: скоро ли петух подойдет.
А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе.
В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала-думала, да и придумала:
«Дай прельщу его!»
Подходит к дереву и стала здороваться:
— Здравствуй, Петенька!
«Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает со своими хитростями:

— Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Ты, Петя, на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму.

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:

— Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за всё ответишь: попомнишь про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком,— а я в то время три дня ничего не ела,— и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..

— Ах, лиса! — говорит петух.— Ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

— Что, лисица, умеешь ли летать?

— Нет, не умею.

— Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унес ее журавль высоко-высоко.

— Что, лисица, видишь ли землю?

— Едва вижу: с овчину земля кажется! Журавль ее и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу. Журавль подлетел:

— Ну как, умеешь, лисица, летать?

— Летать-то умею — садиться тяжело!

— Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унес он ее и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю. Так лисица и не научилась летать.

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет,— отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать, — поиграл, да и полно!

Не отстает кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

— Погоди же ты, проклятый, не отстаешь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

ЛИСА И РАК

Лиса говорит раку:

— Давай перегоняться!

— Что же, лиса, давай. Начали перегоняться.

Лиса побежала, а рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добежала, обернулась посмотреть, вильнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я уж давно тут тебя жду.

ПЕТУШОК - ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок— золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису — кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса — тут как тут: села под окошечко и поет:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок все помалкивает. А лиса — опять:

— Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал — кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой — петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по Лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили — и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

ДУМЫ

Выкопал мужик яму в лесу, прикрыл ее хворостом; не попадется ли какого зверя.

Бежала лесом лисица. Загляделась по верхам — бух в яму!

Летел журавль. Спустился корму поискать, завязил ноги в хворосте; стал выбиваться — бух в яму!

И лисе горе, и журавлю горе. Не знают, что делать, как из ямы выбраться.

Лиса из угла в угол мечется — пыль по яме столбом; а журавль одну ногу поджал — и ни с места, и все перед собой землю клюет, все перед собой землю клюет. Думают оба, как бы беде помочь.

Лиса побегает, побегает да и скажет:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек!

Журавль поклюет, поклюет да и скажет:

— А у меня одна дума!

И опять примутся — лиса бегать, а журавль клевать.

«Экой, — думает лиса, — глупый этот журавль! Что он все землю клюет? Того и не знает, что земля толстая и насквозь ее не проклюешь».

А сама все кружит по яме да говорит:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек! А журавль все перед собой клюет да говорит:

— А у меня одна дума!

Пошел мужик посмотреть, не попалось ли кого в яму.

Как слышала лиса, что идут, принялась еще пуще из угла в угол метаться и все только и говорит:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек!

А журавль совсем смолк и клевать перестал. Глядит лиса — свалился он, ножки протянул и не дышит. Умер с перепугу, сердечный!

Приподнял мужик хворост; видит — попались в яму лиса да журавль: лиса юлит по яме, а журавль лежит не шелохнется.

— Ах ты, — говорит мужик, — подлая лисица! Заела ты у меня такую птицу!

Вытащил журавля за ноги из ямы; пощупал его — совсем еще теплый журавль; еще пуще стал лису бранить.

А лиса-то бежит по яме, не знает, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча, тысяча думушек!

— погоди ж ты! — говорит мужик. — Я тебе помню бока за журавля!

Положил птицу подле ямы — да к лисе. Только что он отвернулся, журавль как расправит крылья да как закричит:

— У меня одна дума была!

Только его и видели.

А лиса со своей тысячью, тысячью, тысячью думушек попала на воротник к шубе.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревонок, мой дружок, как услышала твой голосок, так и пришла тебя проводить.

— Спасибо на добром слове,— сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревонок, мой дружок, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев.— Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревонок, мой дружок, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо,— сказал тетерев, — а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услышала про собак, наострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лиса. — Может, они указа не слышали.

И убежала.

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да медом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдем со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдем скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

А пиво из бочки на дорогу льется. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в свое гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повел дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетет. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать. Долго лисица смеялась над глупым стариком. Улетел дрозд в свое гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?.

— Напоил!

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня! Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!:

Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз: не открывает.

Привел дрозд лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак — и наутек. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Натё, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили её из норы.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили-были медведь и лиса.

У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка меду.

Лиса про то сведала. Как бы ей до меду добраться?

Прибежала лиса к медведю, села под окошечко:

Кум, ты не знаешь моего горечка!

Что, кума, у тебя за горечко?

Изба моя худая, углы провалились, я и печь не топила.

Пусти к себе ночевать.

— Поди, кума, переночуй.

Вот легли они спать на печке. Лиса лежит да хвостом вертит. Как ей до меду добраться?

Медведь заснул, а лиса — тук-тук хвостом.

Медведь спрашивает:

— Кума, кто там стучит?

— А это за мной пришли, на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Вот лиса ушла. А сама влезла на чердак и почала кадушку с медом. Наелась, воротилась и опять легла.

— Кума, а кума, — спрашивает медведь, — как назвали-то?

— Починочком.

— Это имечко хорошее.

На другую ночь легли спать, лиса — тук-тук хвостом:

— Кум, а кум, меня опять на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Лиса влезла на чердак и до половины мед-то и поела. Опять воротилась и легла.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Половиночкой.

— Это имечко хорошее.

На третью ночь лиса — тук-тук хвостом:

— Меня опять на повой зовут.

— Кума, а кума, — говорит медведь, — ты недолго ходи, а то я блины хочу печь.

— Ну, это я скоро обернусь.

А сама — на чердак и dokonчила кадушку с медом, все выскребла. Воротилась, а медведь уже встал.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Поскрёбышком.

Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь.

Медведь напек блинов, а лиса спрашивает:

— Мед-то у тебя, кум, где?

— А на чердаке.

Полез медведь на чердак, а меду-то в кадушке нет — пустая.

— Кто его съел? — спрашивает. — Это ты, кума, больше некому!

— Нет, кум, я мед в глаза не видала. Да ты сам его съел, а на меня говоришь!

Медведь думал, думал...

— Ну, — говорит, — давай пытаться, кто съел. Ляжем на солнышке вверх брюхом. У кого мед вытопится — тот, значит, и съел.

Легли они на солнышке. Медведь уснул. А лисе не спится. Глядь-поглядь — на животе у нее и появился медок. Она ну-ко скорее перемазывать его медведю на живот.

— Кум, а кум! Это что? Вот кто мед-то съел!

Медведь — делать нечего — повинился.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса — домой. Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц.

Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисой. Медведь увидел их и говорит волку:

Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький! Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что этомышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

ЛИСА И КОЗЕЛ

Бежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного:

утонуть нельзя, да и выскочить — тоже.

Сидит лиса, горюет.

Идет козел — умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисанька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса, — там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козел.

— Отличная, — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. А она ему:

— Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

КОЗА-ДЕРЕЗА

Жили-были старик со старухой да их дочка.

Вот дочка пошла пасти коз. Пасла по горам, по долам, по зеленым лугам, вечером пригнала их домой. Старик вышел на крыльцо и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Отвечают ему козы:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза отвечает:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,

Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Рассердился старик на дочь и прогнал ее с глаз долой.
На другой день послал пасти старуху. Старуха пасла коз по горам, по долам, по зеленым лугам. Поздно вечером пригнала их домой.

Вышел старик на крыльцо:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Пуще прежнего рассердился старик, прогнал старуху с глаз долой.
На третий день сам пошел пасти коз. Пас по горам, по долам, по зеленым лугам.
Пригнал их вечером домой, сам забежал вперед и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушку не глодала,
Под берёзкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Старик поймал эту козу, привязал ее и давай бить. Бил, бил, половину бока ободрал и пошел нож точить.

Коза видит — дело плохо, оторвалась и убежала. Бежала, бежала, прибежала в заячью избушку, завалилась на печку и лежит.

Приходит зайчик:

— Кто, кто в мою избушку залез?

А коза ему с печи отвечает:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу, топу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Зайчик испугался и убежал. Идет, горько плачет. Попадаетеся навстречу ему петух в красных сапожках, в золотых сережках, на плече косу несет:

— Здравствуй, зайныка. Чего плачешь?

— Как мне не плакать? Забралась коза в мою избушку, меня выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу. Подошли они к избушке, петух постучался:

— Тук-тук, кто в избушке?

А коза ему с печи:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу, топу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

А петух как вскочит на порог да как закричит:

— Я иду в сапожках,
В золотых сережках,
Несу косу,
Твою голову снесу
По самые плечи,
Полезай с печи!

Коза испугалась да со страху упала с печи и убилась... А зайчика с петушком стали в избушке жить да быть да рыбку ловить.

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ

Пошел козел лыки драть, а коза орехи рвать. Пришел козел с лыками — нет козы с орехами. Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Ну, добро же, коза! Пошлю на тебя волка.

Волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными! — Добро же, волк! Пошлю на тебя медведя. Медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать. Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, медведь! Пошлю на тебя людей.

Люди неидут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, люди! Пошлю на вас дубье.

Дубье нейдет людей бить, люди неидут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать. Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, дубье! Пошлю на тебя топор.

Топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, топор! Пошлю на тебя камень.

Камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, камень! Пошлю на тебя огонь.

Огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, огонь! Пошлю на тебя воду.

Вода нейдет огонь заливать, огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, вода! Пошлю на тебя ветер.

Ветер послушался и пошел воду гнать, вода пошла огонь заливать, огонь пошел камень палить, камень пошел топор тупить, топор пошел дубье рубить, дубье пошло людей бить, люди пошли медведя стрелять, медведь пошел волка драть, волк пошел козу гнать.

Пришла коза с орехами, пришла коза с калеными!

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Жили-были петушок и курочка. Вот пошел град. Испугалась курочка и кричит:

Петушок, петушок! Беда! Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают! Бежим отсюда!

И побежали. Бежали, бежали. Им навстречу — заяц:

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали втроем. Им навстречу — лиса:

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали вчетвером. Им навстречу — волк:

- Куда, лиса, бежишь?
- Не спрашивай меня, спрашивай зайца!
- Куда, зайчик, бежишь?
- Не спрашивай меня, спрашивай петушка!
- Куда, петушок, бежишь!
- Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!
- Куда, курочка, бежишь?
- Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
- Возьмите меня!

И побежали впятером. Им навстречу — медведь:

- Куда, волк, бежишь?
- Не спрашивай меня, спрашивай лису!
- Куда, лисичка, бежишь?
- Не спрашивай меня, спрашивай зайца!
- Куда, зайчик, бежишь?
- Не спрашивай меня, спрашивай петушка!
- Куда, петушок, бежишь?
- Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!
- Куда, курочка, бежишь?
- Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
- Возьмите меня!

И побежали вшестером. Бежали, бежали да в глубокую яму и упали. Долго они в яме сидели, есть захотели, а выйти не могут.

Вот лиса и говорит:

— Давайте имена спрашивать! Чье имя хуже, того и съедим.

И запела лиса:

— Медведь-медведухно — имечко хорошее.
Лиса-олисава — имечко хорошее.
Волк-волчухно — имечко хорошее.
Заяц-зайчухно — имечко хорошее.
Петух-петушухно — имечко хорошее.
Кура-окурава — имя худое!

Тут курочку и съели.

Прошло немного времени — опять есть хочется. Лиса запела:

— Медведь-медведухно — имечко хорошее.
Лиса-олисава — имечко хорошее.
Волк-волчухно — имечко хорошее.
Заяц-зайчухно — имечко хорошее.

Петух-петушухно — имя худое!

И съели петушка.

Посидели — опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведухно — имечко хорошее.

Лиса-олисава — имечко хорошее.

Волк-волчухно — имечко хорошее.

Заяц-зайчухно — имя худое!

Съели и зайца. Долго ли, коротко ли, опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведухно — имечко хорошее.

Лиса-олисава — имечко хорошее.

Волк-волчухно — имя худое!

Разорвал медведь волка. Стали они с лисой есть. Лиса часть съела, а другую-то припрятала. Сидели-сидели, опять проголодались. Лиса потихоньку начала есть припрятанное, а медведь спрашивает:

— Чем, лисанька, лакомишься?

— Кишочки свои достаю и ем.

— А как ты их достаем?

— Распорола брюхо и достаю.

Медведь поверил и распорол себе брюхо.

Осталась лиса одна в яме. Прошло немного времени, летит мимо птичка-синичка. Лиса и кричит ей:

— Птичка-синичка, выручи меня из беды!

— А как я тебя выручу?

— Нанеси в яму веток!

Наносила птичка-синичка в яму веток, и выбралась лисица на волю.

ТЕРЕМ МЫШКИ

Лежит на поле лошадиный остов. Прибежала мышка-норушка и спрашивает:

— Теремок-теремок! Кто в тереме живет?

Никто не отвечает. Вот она и вошла и стала жить в лошадином остове. Прискакала лягушка-квакушка:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка, а ты кто?

— А я лягушка-квакушка.

— Ступай ко мне жить.
Вошла лягушка, и стали вдвоем жить. Прибежал заяц:
— Терем-теремок! Кто в тереме живет?
— Я, мышка-норушка, я, лягушка-квакушка, а ты кто?
— А я на горе увертыш.
— Ступай к нам жить.
Стали они втроем жить. Прибежала лисица:
— Терем-теремок! Кто в тереме живет?
— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, а ты кто?
— А я везде посकोиш.
— Иди к нам.
Стали четверо жить. Пришел волк:
— Терем-теремок! Кто в тереме живет?
— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде посकोиш, а ты кто?
— А я из-за кустов хватыш. — Иди к нам!
Стали пятеро жить. Вот пришел медведь: Терем-теремок! Кто в тереме живет?
— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде посकोиш, из-за кустов хватыш.
— А я вас давиш!
Сел на лошадиный остов и всех раздавил.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шел бык лесом, попадаетея ему навстречу баран.
— Куда, баран, идешь? — спросил бык.
— От зимы лета ищу,— говорит баран.
— Пойдем со мною!
Вот пошли вместе, попадаетея им навстречу свинья.
— Куда, свинья, идешь? — спросил бык.
— От зимы лета ищу,— отвечает свинья.
— Иди с нами.
Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.
— Куда, гусь, идешь? — спрашивает бык.
— От зимы лета ищу,— отвечает гусь.
— Ну, иди за нами!
Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.
— Куда, петух, идешь? — спросил бык.
— От зимы лета ищу,— отвечает петух.
— Иди за нами!
Вот они идут путем-дорогою и разговаривают промеж себя:
— Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?
Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замерзнем. Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

— А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую! Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить. Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбежусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

— А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

— Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на чердак и всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя, волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, кумушка! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперед!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брису и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать! Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне! Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет. А еще один на брису сидел да все кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

КОТ — СЕРЫЙ ЛОБ, КОЗЕЛ ДА БАРАН

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клоч и тот пополам. А коли вилы в бок — так одному коту Васке! Он такой вор и разбойник, каждый час на промысле, и где что плохо лежит, так у него брюхо болит.

Вот лежат себе козел да баран и разговаривают. Откуда ни возьмись — котикшко-мурлышко, серый лбишко, идет да таково жалостно плачет.

Козел да баран его спрашивают:

— Кот-коток, серенький лобок, о чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня хозяйка, уши выдирала, ноги приломала да еще и удавить обещала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— А за то мне погибель, что сметанку слизал!

И опять заплакал кот-мурлыка.

— Кот-коток, серый лобок, о чем же ты еще-то плачешь?

— Как мне не плакать? Баба меня била да приговаривала: «К нам-де придет зять, где будет сметаны взять? Поневоле придется колоть козла да барана!»

Заревели козел да баран:

Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут кот-мурлыка вину свою приносил и прощенья просил. Козел да баран его простили и стали втроем думать: как быть и что делать?

— А ну, середний брат,— спросил кот барана,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся баран, с разбегу стукнулся о ворота лбом — покачнулись ворота, да не отворились.

— А ну, старший брат,— спросил кот козла, — крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о

ворота.

Поднялся козел-козлище, разбежался, ударился — ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот — серый лоб.

Устал кот, взмолился названным братьям:

— Козел да баран, не оставьте меньшого брата...

Взял козел кота, посадил его на себя, и поскакали они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам.

Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, станова становище. Под тем крутищем — скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят.

Остановились козел, баран и кот отдыхать.

А ночь была осенняя, холодная. Где огня добыть?

Думают козел да баран, а кот — серый лоб уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами.

Стукнулись козел с бараном, да так крепко — искры из глаз посыпались, — береста и запылала.

Развели они огонь, сели и греются.

Не успели путем обогреться — глядь, жалует незваный гость — медведь:

— Пустите обогреться, отдохнуть, что-то мочи моей нет...

— Садись с нами, Михайло Иванович! Откуда идешь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками.

Стали они вчетвером делить темную ночь: медведь под стогом, кот — серый лоб на стогу, а козел с бараном — у костра.

Вдруг идут семь серых волков, восьмой — белый, и — прямо к стогу.

Заблеяли козел да баран со страху, а кот — серый лоб такую речь повел:

— Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшого брата: он сердит, как расходится — никому несдобровать. Али не видите у него бороды: в ней-то и сила, бороною он зверей побивает, а рогами только кожу снимает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть, силу попытать с меньшим братишкой, вон с тем, что под стогом лежит.

Волки на том коту поклонились, обступили медведя и стали его задирать. Вот медведь крепился, крепился — да как хватит на каждую лапу по волку! Перепугались они, выдрались кое-как — да, поджав хвосты, давай наутек.

А козел да баран тем временем подхватили кота, побежали в лес и опять наткнулись на серых волков.

Кот живо вскарабкался на макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубами лязгают.

Видит кот — серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да

приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, кот, давеча двух волков съел с косточками, так еще сытёхонек, а ты, большой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А кот знай свое кричит:

— Держи их, лови их!

Тут на волков напал такой страх — пустились бежать без оглядки. Так и убежали.

А кот — серый лоб, козел да баран пошли своей дорогой.

ХИТРЫЙ КОЗЕЛ

Жил старик со старухой. У них никого не было, только один козел. Этот козел три года за печкой жил.

Вот скочил козел по полю, побежал вдоль по дорожке, а ему волк навстречу. Испугался козел, скочил козел на десять сажен в лес и спрашивает у волка:

— Не видал ли ты, волк, двух волков — двух брателков?

— На что тебе-ко их?

— Подраться, побороться, побаталиться! Испугался волк и говорит:

— Видал — они за двумя болотами, за осиновыми колодами...

Козел опять побежал вдоль по дорожке и опять ему навстречу волк. Испугался козел, на три сажени в лес скочил и спрашивает:

— Не видал ли ты двух волков — двух брателков?

— На что тебе их?

— Подраться, побороться, побаталиться!

— Ну-ко, давай со мной бороться! Ему козел и говорит:

— Давай. Мне ведь надо рогами — так давай разбежимся! Согласился волк. Стал козел разбегаться — да и убежал домой.

А волк и доныне его ждет в лесу.

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

Убежала у одного мужика овца. Навстречу ей — лиса:

— Куда, овечка, идешь? Куда путь держишь?

— Ох, лисичка-сестричка! Была я у мужика, да житья мне не стало: где баран сдури-напроказит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куда глаза глядят.

— И я тоже! — говорит лиса. — Где коршун ли, ястреб ли курочку словят, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе!

Встретился им голодный волк:

— Овца и лиса, далече ли бредете? Лиса ему:

— А куда глаза глядят!

— Пойдемте вместе!

Пошли они втроем. Вдруг волк говорит овце:

— А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой! Лиса услышала это и подхватила:

— Вправду, братец, твой?

— Верно говорю, мой тулуп. — И к присяге пойдешь?

— Пойду,— говорит волк.

— Тогда целуй присягу!

Лиса сметила, что мужик на тропинке поставил капкан. Подвела волка к капкану и говорит:

— Вот здесь и целуй!

Волк сдуру сунулся туда мордой; капкан щелкнул и ухватил его.

Лиса с овцой убежали подобру-поздорову.

ВОЛК И КОЗА

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитесь.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко. Волк все это и подслушал. Выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитесь.
Ваша мать пришла,
Молока принесла...

А козлятки, отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском.
Волк ушел и спрятался. Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитесь.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поест. Коза накормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет просить толстым голосом, того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитесь.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

Козлятки не признали волчьего голоса и отперли двери. Волк вбежал в избу, разинул свою широкую пасть и бросился на бедняжек; что ни схватит, то проглотит — всех поел. Уцелел только один козленочек, и тот в печь забился.

Приходит коза. Сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что они отворены; в избу — а там все пусто. Заглянула в печь и нашла одного козленочка. Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, начала горько плакать и причитывать:

— Ох вы детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злему волку доставалися?

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Эх, кума, кума! Что ты на меня грешишь! Неужели-таки я сделаю это! Пойдем-ка в лес погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья!

— Пойдем! — уговаривал волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в той яме разбойники кашницу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно горячих угольев. Коза говорит волку:

— Кум! Давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму.

Стали прыгать. Волк прыгнул и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлята выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить-поживать, ума наживать, а лиха избывать.

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Жили-были мужик да баба. Была у них собака верная. Смолоду сторожила она дом, а как пришла старость, так и брехать перестала.

Надоела она мужику. Вот он взял веревку, зацепил собаку за шею и повел в лес. Привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут горькие слезы, стало ему жалко.

Отпустил мужик собаку, а сам отправился домой. Остался пес в лесу. Лежит под деревом голодный и проклинает собачью долю. Вдруг идет медведь:

— Что ты, пес, здесь улегся?

— Хозяин меня прогнал.

А что, пес, хочется тебе есть?

— Еще как хочется-то!

— Ну, пойдем со мной, я тебя накормлю.

Вот они и пошли. Попадается им навстречу жеребец. Медведь схватил жеребца. Жеребец упал. Медведь разорвал его и говорит собаке:

— На, ешь сколько хочешь, а как съешь все, приходи ко мне.

Живет собака, ни о чем не тужит. А как все съела да опять проголодалась, побежала к медведю.

— Ну что, брат, съел жеребца?

— Съел, опять приходится голодать.

— Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

— Знаю!

— Тогда пойдем, я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу ребенка, а ты догоняй меня да отнимай. Как отнимешь, отнеси хозяйке. Она за то станет тебя по-старому кормить.

Вот прибежал медведь на ниву, где бабы жнут, и унес ребенка.

Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат.

Откуда ни возьмись, прибежал пес, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад.

— Смотрите, — говорят бабы, — пес-то отнял ребенка!

Мать уж так рада-радешенька.

— Теперь, — говорит, — я этого пса ни за что не покину!

Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлеба:

— На, покушай!

А мужику говорит:

— Вот, муженек, эту собаку надо беречь да кормить: она нашего ребенка у медведя отняла.

Поправился пес, отъелся и живет припеваючи. Стал он медведю первый друг.

Один раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости.

— Здорово, пес! Ну, как поживаешь — хлеб поедает?

— Слава богу, — отвечает пес, — не житье, а масленица! Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу, хозяева загуляли, не увидят. Только ты войдешь — поскорее лезь под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрался медведь в избу — под печку.

Собака видит, что гости и хозяева порядком развеселились, — и ну таскать со стола, угощать приятеля.

Медведь выпил стакан, выпил другой — и разобрало его. Гости затянули песни. И медведь стал свою песню заводить.

Собака его уговаривает:

— Не пой, а то беда будет.

Куда! Медведь не утихает, а все громче заводит песню. Гости услышали вой под печью, похватали колья и давай медведя по бокам охаживать.

Насилу медведь вырвался, убежал. Вот тебе и сходил в гости!

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить, овес воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

— У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи — я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про эту хвасту. Тетка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокоринной. Заяц испугался:

— Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

— Боле не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел.

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидели зайца, бросили ворону — да за ним, а

ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец, не хваста, а храбрец!

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

— И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц и говорит:

— Стойте, ребята! Подождем топиться: вот лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся!

БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА

Захотел тетерев дом строить.

Подумал-подумал:

«Топора нет, кузнецов нет — топор сковать некому».

Некому выстроить тетереву домишко.

«Что ж мне дом заводить? Одна-то ночь куда ни шла!»

Бултых в снег!

В снегу ночку ночевал, поутру рано вставал, по вольному свету полетал, громко, шибко покричал, товарищей искал. Спустился на землю, свиделся с товарищем.

Они играли, по кусточкам бродили, местечко искали, гнездышки свивали, яичушки сносили и деток выводили.

С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

«А одна-то ночь куда ни шла! Чем нам дом заводить, лучше на березыньках сидеть, во чисто поле глядеть, красну весну встречать, шулдар-булдары кричать!»

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Давай пойду посватаюсь к цапле!

Пошел журавль — тяп-тяп! Семь верст болото месил, приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж.

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как не солоно похлебал, ушел домой. Цапля после раздумалась и сказала:
— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, долговязый, нейду за тебя замуж!

Пошел журавль домой. Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.

ВОРОНА И РАК

Летела ворона по-над морем, смотрит: рак ползет — хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

— Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и твою мать — славные были люди!

— Угу! — ответила ворона, не раскрывая рта.

— И братьев и сестер твоих знаю: что за добрые были люди!

— Угу!

— Да все же хоть они и хорошие люди, а тебе не ровня. Мне сдается, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.

БОБОВОЕ ЗЕРНЫШКО

Жили-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

— Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зернышко!

— Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зернышко и подавился. Позвал курочку:

Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зернышком!

Речка говорит:

— Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

— Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Липка говорит:

— Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

— Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Девушка отвечает:

— Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

— Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Гребенщики говорят:

— Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

— Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, нитку отнесу липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Калашники говорят:

— Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

— Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам, калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке, девушка даст нитку, нитку отдам липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам, калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам, гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке, девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке, липка дала листок, отнесла листок речке, речка дала водицы.

Петушок напился, и проскочило зернышко.

Запел петушок:

— Ку-ка-ре-куу!

КОЧЕТОК И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком. Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.
Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.
Курочка пошла — плачет.
Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?
— Мне кочеток вышиб глазок.
— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?
— Мне орешня портки разорвала.
— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?
— Меня козы подглодали.
— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?
— Нас пастухи не берегут.
— Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережете?
— Нас хозяйка блинами не кормит.
— Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?
— А у меня свинья опару пролила.
— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?
— У меня волк поросеночка унес.
— Волк, волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?
— Я есть захотел.

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой. Вот и говорит старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребешь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.

Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, заяц, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,

На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца, подавно уйду!

И покатился по дороге — только заяц его и видел! Катится колобок, навстречу ему волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только волк его и видел! Катится колобок, навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только медведь его и видел! Катится колобок, навстречу ему лиса:
— Колобок, колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.

— Колобок, колобок, спой мне песенку!
Колобок и запел:

— Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, колобок, сядь ко мне на носок да спой еще разок, погромче.

Колобок вскочил лисе на нос и запел погромче ту же песенку.

А лиса опять ему:

— Колобок, колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок.

Колобок прыг лисе на язык, а лиса его — гам! — и съела.

РЕПКА

Посадил дед репку и говорит:

— Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти, репка, крепка!

Выросла репка сладка, крепка, большая-пребольшая. Пошел дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабу.

Баба за деду,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала баба внучку.

Внучка за бабу,
Баба за деду,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабу,
Бабу за деду.
Деду за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабу,
Бабу за деду.
Деду за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабу,
Бабу за деду.
Деду за репку —

Тянут-потянут — и вытянули репку.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть. Пошли они в лес дрова рубить. Дошли до реки и не знают, как перейти через реку. Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывем!

— Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдем.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошел по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду. А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

СТАРИК И ВОЛК

У старика со старухой были паренек да девушка, петушок да курочка, пятеро овец, шестой — жеребец. Прибежал к избушке голодный волк и завыл:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Петушок да курочка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай петушка да курочку, а то съем старуху!
Жалко стало старику петушка да курочку, но — делать нечего — отдал их волку.
На другой день волк опять прибежал:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай овечек, а то съем старуху!

Жалко стало старику овечек, а старуху еще жальче, — отдал он волку овечек.
На третий день прибежал волк:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Да соломенный хлевец,
А в нем — жеребец.
Паренек в сапожках,

Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай жеребца, а то съем старуху!

Отдал старик жеребца. Волк наутро опять прибегает:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай паренька да девушку, а то съем старуху!

Старику так жалко стало паренька да девушку, схватил он кочергу и давай возить волка. Бил, бил, покуда у того брюхо не лопнуло, и выскочили оттуда жеребец, а за ним пятеро овец, а за овечками и петушок с курочкой.

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришел к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так,— сказал медведь.— А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушел в дуброву.

Репа выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу накла на воз и повез в город продавать. Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок? Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел.— Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

МЕДВЕДЬ - ЛИПОВАЯ НОГА

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошел посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе.

А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверное, это медведь проказит! Поди-ка, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошел караулить на ночь. Лег под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагреб целое беремя и полез через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушел на трех лапах в лес.

Старик взял отрубленную лапу, принес домой:

— На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прясть.

Старуха прядет. А медведь сделал себе липовую ногу и пошел к старику со старухой.

Вот медведь идет, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

— Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идет...

А медведь уже в сени вошел, дверь открывает, сам приговаривает:

— Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались.
Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под черные рубахи.
Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой да и угодил в подполье.
Тут собрался народ, и убили медведя.

МАША И МЕДВЕДЬ

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.
Собрались раз подружки в лес по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.
— Дедушка, бабушка,— говорит Машенька,— отпустите меня в лес с подружками!
Дедушка с бабушкой отвечают:
— Иди, только смотри от подружек не отставай, не то заблудишься.
Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.
Стала она аукаться, стала их звать, а подружки не слышат, не отзываются.
Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.
Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь — дверь и открылась.
Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку.
Села и думает:
«Кто же здесь живет? Почему никого не видно?..»
А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил.
Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.
— Ага,— говорит,— теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдет в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки

не выходить.

— А если уйдешь,— говорит,— все равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого... Думала она, думала и придумала. Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денек в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет,— говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу.

А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно, — отвечает медведь, — давай короб! Машенька говорит:

— Выйди на крылечко посмотри, не идет ли дождик! Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками поставила.

Вернулся медведь, видит — короб готов. Взвалил его на спину и пошел в деревню.

Идет медведь между елками, бредет медведь между березками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шел-шел, устал и говорит:

А Машенька из короба:

— Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

— Ишь какая глазастая, — говорит медведь, — все видит!

Поднял он короб и пошел дальше. Шел-шел, шел-шел, остановился, сел и говорит:

— Сяду на пенек,
Съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

— Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

Удивился медведь:

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит!

Встал и пошел скорее.

Пришел в деревню, нашел дом, где дедушка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принес.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

Вышли тут дедушка да бабушка к воротам. Видят — короб стоит.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит — и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит, живехонька и здоровехонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть.

СНЕГУРУШКА И ЛИСА

Жил да был старик со старухой. У них была внучка Снегурушка.

Пошла она летом с подружками по ягоды. Ходят по лесу, собирают ягоды. Деревцо за деревцо, кустик за кустик. И отстала Снегурушка от подруг.

Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слыхала.

Уже стало темно, подружки пошли домой.

Снегурушка как увидела, что осталась одна, влезла на дерево и стала горько плакать да припевать:

— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!
У дедушки, у бабушки
Была внучка Снегурушка;
Ее подружки в лес заманили,
Заманивши — покинули.

Идет медведь и спрашивает:

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка. Меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Я тебя боюсь, ты меня съешь!

Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, заплевалась:

— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет волк:

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, серый волк, не плакать, меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Ты меня съешь!

Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала, заприпевала:

— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет лисица:

— Чего ты, Снегурушка, плачешь?

Как мне, Лиса-олисава, не плакать? Меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу.

Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею. Прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку.

— Кто там? Лиса отвечает:

— Я принесла вашу внучку Снегурушку!

— Ах ты наша милая, дорогая Лиса-олисава! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить? Чем нам тебя угостить?

Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А потом простились и дали ей на дорогу еще курочку.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузьма один-одинешенек в темном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать — и не заводил.

Вот поставил он капкан. Утром пошел посмотреть — попала лисица.

— Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит:

— Кузьма, отпусти меня, я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличном — пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мяса, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

— Чего, кума, катаешься, лаешь?

— Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

— Лисанька, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Станет царь из-за одного тебя беспокоиться. Собирайтесь вы — сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привел их к лисице, и лиса повела их к царю. Пришли к царю, лиса забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: «Богатый человек Кузьма!»

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить еще одну курочку с масличком — пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга.

Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидал лису и говорит:

— Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Медведь стал просить:

— Лиса, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок черных медведей — поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок черных медведей, привел их к лисе, и лисица привела их к царю. Сама забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!»

А лисица опять прибежала к Кузьме. И велела зажарить курочку с петушком, с масличком — пожирнее. Скушала на здоровье — и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с куницею:

— Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Соболь и куница стали упрашивать лису:

— Кумушка, своди нас к царю. Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:

— Соберите сорок сороков соболей да куниц — поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама забежала вперед:

Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может надивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запереть накрепко.

«Вот, — думает, — беда, какой богач Кузьма!»

На другой день лисица опять прибегает к царю:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами — мерять серебряные деньги. Свои-то ведра у него золотом заняты.

Царь без отказа дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерять ведрами песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю. Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит — денег много у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготавиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперед забежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик — он вместе с ним и рушился в воду.

Лисица стала кричать:

— Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

— Ахти! Надо Кузьме одёжу дать — какую получше. Царь дал Кузьме свою одёжу праздничную.

Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить — все готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живет у царя неделю, живет другую.

— Ну,— говорит царь,— поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперед. Видит — пастухи стерегут стадо овец, она их спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех и с овцами-то сожгут и спалят!

Пастухи видят, что дело неминуемое, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила.

А лиса пустилась вперед. Видит — другие пастухи стерегут коров.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что стадо это Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: они вас всех с коровами сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам рассказывать, что этот табун Кузьмы Скоробогатого.

— А то едут царь Огонь да царица Молоньница: они всех вас с конями сожрут и спалят! И эти пастухи согласились.

Лиса бежит вперед. Прибегает к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты:

— Здравствуй, Змей Горыныч!

— Что скажешь, лисанька?

— Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наскоро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньница, все жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать — пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохлась.

Змей Горыныч закручинился:

— Ах, лисанька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги, схоронись в дупле, пока царь Огонь с царицей Молоньницей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царем да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

— Пастушки, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого. Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

— Пастушки, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя коров! Едут они дальше; пастухи лошадей пасут.

— Чей табун?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти браные...

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю.

Лиса и говорит Кузьме:

— Ну, Кузьма! Перестань гулять — надо дело исправлять. Ступай с царем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошел с царем в зеленый сад. Увидели они старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла.

Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисаньку всякий день угощать курочкой.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька,— говорила мать,— мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели? Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет— вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.
Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:
— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях пока тается.
Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:
— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.
Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:
— Девица, прядешь ли? Мышка ей отвечает:
— Пряду, бабушка...
Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:
— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!
Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.
— Речка, матушка, спрячь меня!
— Поешь моего простого киселька.
Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.
Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.
Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...
— Яблоня, матушка, спрячь меня!
— Поешь моего лесного яблочка.
Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями.
Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.
Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.
Добежала девочка до печки:
— Печка, матушка, спрячь меня!
— Поешь моего ржаного пирожка.
Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устье.
Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.
Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.
А тут и отец с матерью пришли.

ТЕРЁШЕЧКА

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили.
Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, стали качать да прибаюкивать:
— Спи-тко, усни, дитя Терёшечка,—

Все ласточки спят,
И касатки спят,

И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терешечке
Спать велят!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терешечка — настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а весельцы — красной.

Вот Терешечка сел в челнок и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терешечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить. Придет на берег и зовет:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка издалека услышит матушкин голос и подплывет к бережку. Мать возьмет рыбку, накормит, напоит Терешечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовет страшным голосом:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
То не матушка меня зовет.

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал как у Терешечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло. Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,

Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала.

Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терешечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки.

Вот Аленка истопила печь жарко-жарко и говорит Терешечке:

— Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь.

А она ему:

— Не так лег.

— Да я не умею — покажи как...

— А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

— А ты ляг сама да поучи меня.

Аленка села на лопату, а Терешечка ее в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Аленку, съела, кости обглодала.

Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве. Катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкина мясца наевшись.

А Терешечка ей с дуба отвечает:

— Покатайся-поваляйся, Аленкина мясца наевшись! А ведьма:

— Не листья ли это шумят? И сама — опять:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкина мясца наевшись.

А Терешечка все свое:

— Покатайся-поваляйся, Аленкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла — два передних зуба выломала, побежала в кузницу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне еще два железных зуба.

Кузнец сковал ей еще два зуба.

Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызет — только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается.

Что тут делать? Терешечка видит: летят гуси-лебеди. Он их просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами еще летят — поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терешечку, облизнется — и опять за дело...
Летит другое стадо. Терешечка просит...

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами летит зашипанный гусенок, он тебя возьмет-донесет.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб. Летит зашипанный гусенок.
Терешечка его просит:

— Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси меня к батюшке, к матушке.

Сжалился зашипанный гусенок, посадил Терешечку на крылья, встрепенулся и полетел, понес его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке.

А старуха напекла блинов — поминать Терешечку — и говорит:

— Это тебе, старичок, блин, а это мне блин. А Терешечка под окном:

— А мне блин?

Старуха услышала и говорит:

— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терешечку, привел к старухе — пошло обниманье!

А зашипанного гусенка откормили, напоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди стада летать да Терешечку вспоминать.

МОРОЗКО

Живало-бывало,— жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь что ни сделает — за все гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится—не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези ее, старик,— говорит мужу,— куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали!

Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, — под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так твякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка — все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на

старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозно да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог: .

— Не так твякаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — все свое:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Аленушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь! Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы. Иванушка говорит:

— Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком...

Зовет Аленушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села под стожок — плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Аленушкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Аленушку на реку. Кинулась на нее, привязала Аленушке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

— Аленушка, сестрица моя!..

Выплывь, выплывь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристает, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобнехонько закричал:

— Аленушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козленочек и жалобнехонько зовет:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Жил старик со старухой, и была у него дочь. Вот старуха-то померла, а старик обождал

немного и женился на вдове, у которой была своя дочка. Плохое житье настало стариковой дочери. Мачеха была ненавистная, отдыху не дает старику:

— Вези свою дочь в лес, в землянку, там она больше нарядит.

Что делать! Послушал мужик бабу — сvez дочку в землянку, дал ей кремeнь, огниво да мешочек круп и говорит:

— Вот тебе огоньку; огонек не переводи, кашу вари, а сама не зевай — сиди да пряди.

Пришла ночь. Красная девица затопила печь, заварила кашу; откуда ни возьмись, мышка — говорит: — Девица, девица! Дай мне ложечку каши!

— Ой, моя мышeнька! Разговори мою скуку — я тебе дам не одну ложку, а досыта накормлю.

Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь:

— Ну-ка, девица, туши огни да давай в жмурки играть.

Мышка вскарабкалась на плечо стариковой дочери и шепчет ей на ушко:

— Не бойся, девица! Скажи: давай! Потуши огонь да под печь полезай, а я за тебя стану бегать и в колокольчик звенеть.

Так и сделалось. Гоняется медведь за мышкою — не поймаeт. Стал реветь да поленьями бросать. Бросал-бросал, ни разу не попал, устал и молвил:

— Мастерица, ты, девица, в жмурки играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз серебра.

Наутро говорит баба:

— Поезжай, старик, проведай-ка дочь, что нарядила она в ночь.

Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезет. Пришло время старику ворочаться, а собака:

— Тяф-тяф-тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз серебра везет.

— Врешь, мерзкая собачонка! Это в кузове косточки гремят!

Вот ворота заскрипели, кони во двор вбежали, а дочка с отцом на возу сидят: полон воз серебра. У бабы от жадности глаза разгорелись.

— Экая важность! — кричит.— Повези-ка мою дочку в лес; моя дочка два стада коней пригонит, два воза серебра притащит.

Повез мужик и бабину дочь в землянку; дал ей кремeнь, огниво, мешочек круп и оставил одну. Об вечеру заварила она кашу. Прибежала мышка и просит:

— Наташка! Наташка! Сладка ль твоя кашка? Дай хоть ложечку!

— Ишь какая! — закричала Наташка и швырнула в нее ложкой.

Мышка убежала, а Наташка знай себе уписывает одна кашу. Съела полный горшок, огни позадула, прилегла в углу и заснула. Пришла полночь, вломился медведь и говорит:

— Эй, где ты, девица? Давай в жмурки играть.

Девица испугалась, молчит, только со страху зубами стучит.

— А, ты вот где! На колокольчик, бегай, а я буду ловить.

Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка приговаривает:

— Злой девице живой не быть!

Медведь бросился ловить бабину дочку и, как только изловил ее, сейчас задушил и съел. Наутро шлет баба старика в лес:

— Ступай! Моя дочка два воза привезет, два табуна пригонит.

Мужик уехал, а баба за воротами ждет. Вот прибежала собачка:

— Тяф-тяф-тяф! Не бывать домой бабиной дочери, старик на пустом возу сидит, костями в кузове гремит!

— Врешь ты, мерзкая собачонка! То моя дочка едет, стада гонит, возы везет. На, скушай блин да говори: бабину дочь в злате, в серебре привезут, а стариковой женихи не возьмут!

Собачка съела блин и залаяла:

— Тяф-тяф-тяф! Старикову дочь замуж отдадут, а бабиной в кузове косточки привезут.

Что ни делала баба с собачкою: и блины ей давала, и била ее,— она знай свое твердит... Глядь, а старик у ворот, жене кузов подает; баба кузов открыла, глянула на косточки и завывала, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день померла. Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать.

АРЫСЬ-ПОЛЕ

У старика была дочь-красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Невзлюбила она падчерицу, пристала к старику:

— Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала.

Старик взял да и выдал свою дочку замуж. Живет она с мужем да радуется, и родился у них мальчик.

А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо стариковой дочери.

Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди — никто обмана не заметил. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится.

С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка понесет его к лесу и запоет:

— Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдет в лес.

«Куда это мамка с ребенком ходит?» — думает отец. Стал за нею присматривать и увидал, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку, стала кормить малютку.

Отец подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил ее.

— Ах, что-то дымом пахнет; никак, моя шкурка горит! — говорит Арысь-поле.

— Нет, — отвечает мамка, — это, верно, дровосеки лес подожгли.

Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала все мужу.

Тотчас собрались люди, схватили ведьму и прогнали ее вместе с ее дочерью.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, покрехтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову! Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли,— Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жили старик со старухой. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку.

Вдруг услышала — кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

— Ты кто таков?

— Я твой сынок, родился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался. Вот он раз и говорит:

— Где мой батюшка?

— Поехал на пашню.

— Я к нему пойду, помогать стану.

— Ступай, дитяtko. Пришел он на пашню:

— Здравствуй, батюшка! Осмотрелся старик кругом:

— Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?

— Я — твой сынок. Пришел тебе помогать пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

— Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось—не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет, а человека нет!

— Этого еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

— Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

— Продай мне его!

— Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

— Продай, дедушка!

— Ну, давай тысячу рублей.

— Что так дорого?

— Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой.

А Мальчик с пальчик прогрыз дыру в кармане и ушел от барина.

Шел, шел, и пристигла его темная ночь.

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадется овцу унести — Мальчик с пальчик и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит! Пастух проснется, бросится

бежать на волка с дубиною да еще притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только ключья летят! Еле-еле уйдет серый волк!

Совсем волк отошал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

— Вылези!

— Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу. Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват — и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали.

ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК

Раз на реке лев со щукой разговаривал, а человек стоял поодаль и слушал.

Только щука увидела человека, сейчас же ушла в воду. Лев ее после спрашивает:

— Чего ты ушла в воду?

— Человека увидела.

— Ну так что же?

— Да он хитрый.

— Что за человек? — спрашивает лев. — Подай мне его, я его съем.

Пошел лев человека искать. Идет навстречу мальчик.

— Ты человек?

— Нет, я еще не человек. Я мальчик. Еще когда буду человеком-то!

Лев его не тронул, прошел мимо. Идет навстречу старик.

— Ты человек?

— Нет, батюшка лев! Какой я теперь человек! Был когда-то человеком.

И этого лев не тронул.

— Что за диковина! Не найдешь человека нигде! Шел, шел лев, встретил солдата с ружьем и с саблей.

— Ты человек? — Человек.

— Ну, я тебя съем!

— А ты погоди, — говорит ему солдат. — Отойди от меня, я сам тебе в пасть кинусь. Разинь пасть пошире!

Лев отошел, разинул пасть. Солдат наметился да как бабахнет из ружья! Потом подбежал да саблей ухо у льва отсек. Лев — бежать.

Прибегает к реке. Выплывает щука, спрашивает:

— Ну что, видел человека?

— Да что, — говорит лев, — хитёр человек! Сразу-то я его не нашел: то говорит, что был человеком, то говорит, что еще будет человеком, а как нашел человека — так я и не обрадовался. Он мне велел отойти да раскрыть пасть, потом как плюнет мне в пасть, и сейчас

еще жжет, а потом как высунет язык, да ухо мне и слизнул!

— То-то же, я тебе говорила, что хитёр человек...

ПЕТУШОК-ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЖЕРНОВЦЫ

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было. Вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит:

— Старик! Надобно пол-то прорубить. Пускай дуб растет выше. Как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял: деревцо все растет да растет и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб. Лез-лез... и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит кочеток — золотой гребешок, а возле него стоят жерновцы. Старик долго не думал, захватил с собой и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит старухе:

— Как нам быть, что нам есть?

— Постой, — молвила старуха, — я попробую жерновцы. Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог, что ни повернет — все блин да пирог! И накормила старика.

Ехал мимо какой-то боярин и заехал к старику со старушкой в хату.

— Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть? Старуха говорит:

— Чего тебе, родимый, дать — разве блинков?

Взяла жерновцы и намолочила: напали блинчики да пирожки.

Боярин поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

— Нет, — отвечает старуха, — продавать нельзя.

Он позавидовал чужому добру и украл у ней жерновцы. Как увидели старик со старухой, что украдены жерновцы, стали горевать.

— Постой, — говорит кочеток — золотой гребешок, — я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Как услышал боярин, сейчас приказывает:

— Эй, малый! Возьми брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодец. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду... — и вытянул весь колодец.

Выпил воду и полетел к боярским хоромам. Уселся на балкон и опять кричит:

— Кукареку, боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Боярин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду...

И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярские палаты и опять кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

В то же самое время боярин гостей принимал. Гости услышали, что кричит кочеток, и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их, а кочеток — золотой гребешок подхватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

ВОЙНА ГРИБОВ

В старые-стародавние времена царь Горох воевал с грибами.

Гриб боровик, над грибами полковник, под дубочком сидючи, на все грибы гляючи, стал приказывать:

— Приходите вы, белянки, ко мне на войну! Отказались белянки:

— Мы — столбовые дворянки! Не пойдем на войну!

— Приходите вы, рыжики, ко мне на войну! Отказались рыжики:

— Мы — богаты мужики! Не пойдем на войну!

— Приходите вы, волнушки, ко мне на войну! Отказались волнушки:

— Мы, волнушки, — старушки! Не пойдем на войну!

— Приходите вы, опенки, ко мне на войну!

Отказались опенки:

— У нас ноги очень тонки! Не пойдем на войну!

— Приходите, грузди, ко мне на войну!

— Мы, грузди, — ребяташки дружны! Пойдем на войну!

МИЗГИРЬ

В старопрежние годы в красну весну, в теплое лето сделалась такая срамота, в мире тягота — стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пускать.

Появился паук-мизгирь, удалой добрый молодец. Стал он ножками трясти да мерёжки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Муха пролетала да к мизгирию в сеть попала. Тут ее мизгирь стал бить да губить, за горло давить. Муха мизгирию взмолилась:

— Батюшко мизгирь, не бей ты меня, не губи ты меня: у меня много останется детей-сирот — по дворам ходить и собак дразнить.

Тут ее мизгирь и отпустил.

Она полетела, всем комарам да мошкам весть посылала:

— Ой вы еси, комары да мошки, убирайтесь под осиновое корище! Появился мизгирь-борец, стал ножками трясти, мережки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Они и полетели, забились под осиновое корище, лежат мертвы...

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и лесного клопа.

— Ты, сверчок, сядь на кочок — курить табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиновое корище — проложи про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что меня вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекали на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочок курить табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиновое корище и говорит:

— Что запали, лежите мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: его в Казань отослали, в Казани голову отсекали на плахе и плаху раскололи.

Комары да мошки возрадовались и возвеселились, в разные стороны залетали, да к мизгирию в сеть и попали. Он и говорит:

— Так-то почаще бы ко мне в гости бывали!

О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси.

Лещи, окуни, ерши собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду:

— Экая щука уродилась зубастая!

И стала она расти не по дням — по часам: что ни день, то на вершок прибавится.

И стала щука в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща да и хватит его — леща как не бывало, только косточки на зубах хрустят.

Экая оказия случилась на Шексне!

Что делать лещам да окуням? Тошно приходится: щука всех приест, прикорнает.

Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать: как перевести щуку зубастую да такую тороватую.

Пришел Ерш Ершович и так наскоро проговорил:

— Полноте думу думать да голову ломать, а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем теперь в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку, там нас никто не тронет, будем жить припеваючи.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки — Сизму, Коному да Славенку.

По дороге как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил ущицу.

С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Много наделала хлопот щука зубастая, да после и сама несдобровала.

Как не стало мелкой рыбицы, пошла щука хватать червяков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил из нее уху, хлебал да хвалил: такая уха была жирная.

Я там был, вместе уху хлебал, по усам текло, да в рот не попало.

СКАЗКА О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своими маленькими ребятишками: пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночь; от одной ночи две ночи, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет.

Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под бока подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом.

— Будь ты,— говорят,— нашим судьей.

Сом послал за ершом, добрым человеком, и говорит:

Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?

— Потому, — говорит, — я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу доверху и запустело.

— Ни век,— говорит рыба-сом,— наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?

— Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны.

И послал сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых, зовут сорогу-рыбу:

— Сорога-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Сорога-рыба, не дошедши рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом:

— Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

— Ни век-то, — говорит сорога-рыба, — не гарывало наше озеро!

Говорит сом-рыба:

— Слышишь, ерш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза обвинила.

А сорога тут же примолвила:

— Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповаает.

— Есть же у меня,— говорит,— в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче у него крылья красны.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба:

— Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня по Ильин

день?

— Ни вовек-то, — говорит, — наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе:

— Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: рыба-щука, вдова честная, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила, и поныне черна.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Щука-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Щука-рыба, не дошедши рыбы-сом, кланялась:

— Здравствуй, ваше величество!

— Здравствуй, рыба-щука, вдова честная, притом же ты и не мотыга! — говорит сом. — Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

Щука-рыба отвечает:

— Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает.

— Есть же, — говорит, — у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче он черен.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят к налиму-рыбе и говорят:

— Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

— Ах, братцы! Нате вам гривну за труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу.

Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь и слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил: пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр.

— Куда вас черт понес? — говорит им ерш.

Услыхали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко!

Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку.

— Наварю, — говорит, — уши да и скушаю. Тут и смерть ершова!

О ВАСЬКЕ-МУСЬКЕ

В некотором царстве, некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был досюль помещик. У помещика был кот, звали его Васька-Муська.

Помещик любил Ваську-Муську, и кот свою кошачью работу работал хорошо — в хлебных лабазах ловил крыс и мышей. Когда хозяин прогуливался, Васька-Муська мог нести

во рту до фунта весом гостинец из лавки домой, и крепко любил его за это помещик — двадцать лет держал кота Ваську-Муську.

Наконец Васька-Муська стал старый, усы у него выпали, глаза у него стали худые, сила стала у него мала, не может крыс ловить и мышей давить. Надоел помещику Васька-Муська, схватил его помещик за загривок, выбросил на задворок и пнул ногой.

Побежал Васька-Муська и заплакал, стал думать, как жить до смерти, потом придумал:

— Давай-ка я помру у лабаза, пойдут крысы да мыши пить, так и меня увидят.

Взял да и помер Васька-Муська.

Увидали крысы да мыши, обрадовались, что Васька-Муська помер, стали мыши свистать, крысы кричать:

— Помер наш неприятель!

Сбежались все крысы и мыши к Ваське-Муське и решили, что надо бы схоронить Ваську-Муську, чтобы он не ожил. Было их около десяти тысяч. Притянули они артелью дровни, закатали Ваську-Муську на дровни, а он лежит не шевелится. Привязали штук семь веревок, стали на лапки, веревки взяли через плечо, а около двухсот мышей и крыс сзади с лопатками да кирками. Все идут радуются, присвистывают. Притянули Ваську-Муську на песочное место, на боровинку на сухую и начали копать яму всей силой.

А Васька-Муська лежит и маленько смотрит: выкопали яму очень глубокую, метра на три.

Вылезли копари из ямы. Теперь надо Ваську-Муську в яму толкнуть. Взялись — кто за шею, кто за хвост.

Как зашевелился тут Васька — мыши прочь. Как вскочил Васька-Муська, да давай-ка их ловить, да в эту яму складывать. Бегают по песку, а скрыться некуда ни мышам, ни крысам. Набил ими Васька полную яму. Досталась ему еще музыка да сотни полторы лопат.

Богато стал жить кот. Лопаты продает, себе рыбы покупает, да в музыку играет, да из ямы мышей добывает.

Живет ни в сказке сказать, ни пером написать, лучше, чем у помещика, и сам стал себе хозяин Васька-Муська.

Тем и кончилось.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Жили-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:

— Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет. Старик вылепил из глины паренька. Положили его на печку сушить. Высох парень и стал просить есть:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку. Принесла ему старуха это, а он съел все и опять просит:

— Есть хочу! Есть хочу!

И съел он у старика со старухой весь хлеб, выпил все молоко и опять кричит:

— Есть хочу! Есть хочу!

Нечего ему больше дать. Глиняный парень соскочил с печки и съел бабу с прялкой, деду с клюшкой — и пошел на улицу.

Идет навстречу бык. Глиняный парень говорит ему:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабу с прялкой, деду с клюшкой — и тебя, бык, съем!

Да и съел быка.

Идет дальше. Навстречу дроворубы с топорами. Глиняный парень и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабу с прялкой, деду с клюшкой, быка с рогами — и вас всех съем!

И съел дроворубов с топорами.

Идет дальше. Навстречу ему мужики с косами да бабы с граблями. Глиняный парень им говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабу с прялкой, деду с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами — и вас всех съем!

Съел мужиков с косами да баб с граблями и дальше пошел. Встретил Глиняный парень козла и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабу с прялкой, деду с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами, мужиков с косами, баб с граблями — и тебя козел, съем!

А козел ему говорит:

— Да ты не трудись, стань под горку, а я стану на горку, разбегусь да тебе в рот и прыгну.

Стал Глиняный парень под горку, а козел разбежался с горы да рогами в брюхо как ударит! Тут и рассыпался Глиняный парень.

И вышли из брюха бабу с прялкой, дедка с клюшкой, бык с рогами, дроворубы с топорами, мужики с косами да бабы с граблями.

Всех козел избавил.

КАК СТАРУХА НАШЛА ЛАПОТЬ

Шла по дороге старуха и нашла лапоть. Пришла в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ну, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне лапоть положить?

— Клади под лавку.

— Нет, мой лапоть привык в курятнике спать. И положила лапоть с курами.

Утром встала и говорит:

— Где-то моя курочка?

— Что ты, старуха, — говорит ей мужик, — ведь у тебя лапоть был!

— Нет, у меня курочка была! А не хотите отдать, пойду по судам, засужу!

Ну, мужик и отдал ей курочку.

Старуха пошла дальше путем-дорогой. Шла, шла — опять вечер.

Приходит в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ночуй, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне курочку положить?

— Пусть с нашими курочками ночует.

— Нет, моя курочка привыкла с гусями. И посадила курочку с гусями.

А на другой день встала:

— Где моя гусочка?

— Какая твоя гусочка? Ведь у тебя была курочка!

— Нет, у меня была гусочка! Отдайте гусочку, а то пойду по судам, по боярам, засужу!

Отдали ей гусочку. Взяла старуха гусочку и пошла путем-дорогой. День к вечеру клонится. Старуха опять ночевать выпросилась и спрашивает:

— А куда гусочку на ночлег пустите?

— Да клади с нашими гусями.

— Нет, моя гусочка привыкла к овечкам. — Ну, клади ее с овечками.

Старуха положила гусочку к овечкам. Ночь проспала, утром спрашивает: — Давайте мою овечку!

— Что ты, что ты, ведь у тебя гусочка была!

— Нет, у меня была овечка! Не отдадите овечку, пойду к воеводе судиться, засужу!

Делать нечего — отдали ей овечку. Взяла она овечку и пошла путем-дорогой. Опять день к вечеру клонится. Выпросилась ночевать и говорит:

— Моя овечка привыкла дома к бычкам, кладите ее с вашими бычками ночевать.

— Ну, пусть она с бычками переночует. Встала утром старуха:

— Где-то мой бычок?

— Какой бычок? Ведь у тебя овечка была!

— Знать ничего не знаю! У меня бычок был! Отдайте бычка, а то к самому царю пойду, засужу!

Погоревал хозяин — делать нечего, отдал ей бычка.

Старуха запрягла бычка в сани, поехала и поет:

— За лапоть — куру,

За куру — гуся,

За гуся — овечку,

За овечку — бычка...

Шню, шню, бычок,

Соломенный бочок,

Сани не наши,

Хомут не свой,

Погоняй — не стой...

Навстречу ей идет лиса:

— Подвези, бабушка!

— Садись в сани.

Села лиса в сани, и запели они со старухой:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу идет волк:

— Пусти, бабка, в сани!

— Садись.

Волк сел. Запели они втроем:

— Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу — медведь:

— Пусти в сани.

— Садись.

Повалился медведь в сани и оглоблю сломал. Старуха говорит:

— Поди, лиса, в лес, принеси оглоблю!

Пошла лиса в лес и принесла осиновый прутик.

— Не годится осиновый прутик на оглоблю.

Послала старуха волка. Пошел волк в лес, принес кривую, гнилую березу.

— Не годится кривая, гнилая береза на оглоблю.

Послала старуха медведя. Пошел медведь в лес и притащил большую ель — едва донес.

Рассердилась старуха. Пошла сама за оглоблей. Только ушла — медведь кинулся на бычка и задавил его. Волк шкуру ободрал. Лиса кишочки съела. Потом медведь, волк да лиса набили шкуру соломой и поставили около саней, а сами убежали.

Вернулась старуха из леса с оглоблей, приладила ее, села в сани и запела:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

А бычок ни с места. Стегнула бычка, он и упал. Тут только старуха поняла, что от бычка-то осталась одна шкура. Заплакала старуха и пошла одна путем-дорогою.

ЯИЧКО

Жил себе дед да баба, у них была курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро, остро, костяно, мудрено! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается!

Шли за водою поповы дочери, спрашивают деда, спрашивают бабу:

— О чем вы плачете?

— Как нам не плакать! — отвечают дед да баба. — Есть у нас курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро, остро, костяно, мудрено! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила.

Как услышали это поповы дочери, со великого горя бросили ведра наземь, поломали коромысла и воротились домой с пустыми руками.

— Ах, матушка! — говорят они попадье. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро, остро, костяно, мудрено! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! А мы, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали!

На ту пору попадья квашню месила. Как услышала она, что дед плачет, и баба плачет, и курочка кудкудачет, тотчас с великого горя опрокинула квашню и все тесто разметала по полу.

Пришел поп с книгою.

— Ах, батюшка! — рассказывает ему попадья. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестру, остро, костяну, мудрену! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! Наши дочери, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали, а я тесто месила да со великого горя все по полу разметала!

Поп затужил-загоревал, свою книгу в клочья изорвал.

СКАТЕРТЬ, БАРАНЧИК И СУМА

Жили-были старик да старуха. Пошел раз старик на реку рыбу ловить. Смотрит — попался в сети журавль, кричит, бьется, выбраться не может.

Пожалел старик журавля.

«Зачем, — думает, — такой доброй птице погибать?» Подошел к журавлю, помог ему из сетей высвободиться. Говорит ему тут журавль человеческим голосом:

— Спасибо тебе, старичок! Никогда твоей услуги не забуду. Пойдем ко мне домой — дам тебе хороший подарок.

Вот они и пошли — старик да журавль. Шли, шли и пришли на болотце, к журавлевой избе. Вынес журавль полотняную скатерть и говорит:

— Вот, старичок, тебе подарок. Как захочешь есть-пить, разверни эту скатерточку и скажи: «Напои-накорми, скатерочка!» — все у тебя будет.

Поблагодарил старик журавля и пошел домой. Захотелось ему по дороге есть. Сел он под кусток, развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

Только сказал — и сразу на скатерти все появилось: и жареное и пареное, ешь — не хочу!

Наелся, напился старик, свернул скатерочку и пошел дальше.

Долго ли, коротко ли шел — застигла его на пути темная ночь. Зашел он в избу к богатому мужику и просится:

— Пустите ночевать прохожего человека!

— Ночевать пустим, — говорит хозяин, — а угощенья не проси.

— Да мне и не надо угощенья, — отвечает старик, — у меня такая скатерочка есть, что всегда и накормит и напоит вдоволь.

— А ну-ка покажи!

Старик развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

Не успел сказать — на скатерти все появилось, что душе угодно!

Удивился хозяин и задумал украсть эту скатерть.

Как только старик заснул, вытащил он у него чудесную скатерть, а на ее место свою подложил — простую.

Утром старик отправился домой и не заметил, что скатерть у него не та. Пришел и говорит своей старухе:

Ну, старуха, теперь не надо тебе хлебы месить да щи варить!

— Как так?

— Да вот так, нас эта скатерочка потчевать будет! Развернул на столе скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

А скатерть лежит, как ее положили.

— Обманул, видно, меня журавль! — говорит старик. — Пойду его корить: зачем обманывает!

Собрался и пошел к журавлю. Встретил его журавль и спрашивает:

— Зачем пожаловал, старичок?

— Так и так, — отвечает старик, — не поит, не кормит меня твоя скатерочка!

— Не тужи, — говорит журавль. — Дам я тебе баранчика. Этот баранчик не простой. Как скажешь ему: «Баранчик, встряхнись!» — посыплется из него золото.

Взял старик баранчика и повел его домой.

Под вечер пришел он к тому же богатому мужику:

— Пустите переночевать!

— Иди.

— Да я не один, со мной баранчик.

— А ты баранчика на дворе оставь.

— Не могу: баранчик не простой — он золото дает.

— Не может этого быть! — говорит богатый мужик.

— А вот может!

Расстелил старик рогожку посреди комнаты, поставил на нее баранчика и говорит:

— Баранчик, встряхнись!

Баранчик встряхнулся, и посыпалось из него золото.

Задумал богатый мужик и баранчика себе взять.

Уложил он старика спать и спрятал баранчика. А на его место своего такого же поставил: поди узнай!

Утром старик распрощался с хозяином и пошел домой. Пришел и говорит:

— Ну, старуха, будем теперь богато жить!

— Откуда же это мы богатство возьмем?

— Вот этот баранчик даст!

Смотрит старуха на старика, дивится, ничего понять не может.

А старик говорит ей:

— Ну-ка, расстели на полу рогожку!

Старуха расстелила. Старик поставил на рогожку баранчика и говорит:

— Баранчик, встряхнись!

А баранчик стоит, как его поставили. Старик опять:

— Баранчик, встряхнись!

А баранчик стоит да только мемекает.

— Эх, опять обманул меня журавль! — говорит старик. — Пойду к нему, хоть за обман попеняю!

Собрался и пошел.

Пришел на болотце, к журавлевой избушке, стал журавля звать. Вышел к нему журавль и говорит:

— Зачем опять пришел, старичок?

— Да вот, все твои подарки плохие, никакого проку в них нет!

Выслушал его журавль и спрашивает:

— А не заходил ли ты к кому по дороге?

— Заходил к богатому мужику.

— А не хвастал ли моими подарками?

— Хвастал.

— Ну, так и быть, — говорит журавль, — дам я тебе последний подарок: он тебе и ума придаст и прежние мои подарки вернет.

Пошел в избушку и вынес суму:

— Возьми да скажи: «Сорок, из сумы!» Старик взял суму и говорит:

— А ну, сорок, из сумы!

Не успел сказать, выскочили из сумы сорок молодцов с дубинками — да на старика... Догадался старик, закричал:

— Сорок, в суму! Сорок, в суму!

Молодцы с дубинками в ту же минуту опять в суму спрятались.

Взял старик суму, поблагодарил журавля и пошел.

Как стемнело, пришел он к богатому мужику на ночлег. А тот его ждет не дожидается. Встретил, как дорогого гостя. Вошел старик в избу и говорит:

— Куда бы мне эту суму положить?

— Да ты ее у порога брось.

— Не могу: не простая это сума. Только скажешь: «Сорок, из сумы!» — так наградит, что лучше и не надо!

Хозяин говорит:

— Ну, тогда повесь ее на гвоздик.

Старик повесил суму на гвоздик, а сам на печку влез и смотрит, что будет.

Хозяин подождал, подождал, думал — старик уснул, и говорит:

— Сорок, из сумы!

Выскочили тут сорок молодцов с дубинками и давай его бить. Бьют, бьют, убежать не дают. Не своим голосом закричал хозяин:

— Ой, дедушка, дедушка! Проснись скорее, помоги! А старик с печи спрашивает:

— Кто мою скатерочку подменил?

— Не знаю!

— А, не знаешь, так и помощи у меня не проси!

— Я подменил! Я подменил! Отдам ее тебе, только спаси! Старик спрашивает:

— А баранчика моего кто подменил?

— И баранчика отдам, только в живых меня оставь!

— Впредь обманывать людей не будешь?

— Ой, никогда! Тут старик говорит:

— Сорок, в суму!

Спрятались сорок молодцов в суму, будто их и не бывало.

Принес хозяин скатерть, привел баранчика, сам кряхтит, охает.

Старик взял свою скатерть да баранчика и пошел домой. Пришел и стал со своей старухой жить-поживать, всех кормить-угощать. И я у него был, мед-пиво пил, по губам текло, а в рот не попало!

ЧИВЫ, ЧИВЫ, ЧИВЫЧОК...

Жил-был старик со старухой. Жили они бедно и дошли до того — не стало у них ни дров, ни лучины. Старуха посылает старика:

— Поезжай в лес, наруби дров.

Старик собрался. Приехал в лес, выбрал дерево — и тяп-тяп по нему топором.

Вдруг из дерева выскакивает птичка и спрашивает:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот старухе надобно дров да лучины.

— Поди домой, у тебя много и дров и лучины. Послушался старик — не стал рубить дерево. Приезжает домой — у него полон двор и дров и лучины. Рассказал он старухе про птичку, а старуха ему говорит:

— У нас изба-то худа — поди-ка, старик, опять в лес, не поправит ли птичка нашу избу.

Старик послушался. Приезжает в лес, нашел это дерево, взял топор и давай рубить.

Опять выскакивает птичка:

Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, птичка, у меня больно изба-то плоха, не поправишь ли ты?

— Иди домой, у тебя изба новая, всего вдоволь.

Воротился старик домой и не узнаёт: стоит на его дворе изба новая словно чаша полная, хлеба — вдоволь, а коров, лошадей, овец и не пересчитаешь.

Пожили они некоторое время, приелось старухе богатое житье, говорит она старику:

— У нас всего довольно, да мы крестьяне, нас никто не уважает. Поди-ка, старик, попроси птичку — не сделает ли она тебя чиновником, а меня — чиновницей.

Старик взял топор. Приезжает в лес, нашел это дерево и начинает рубить. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, родима птичка, нельзя ли меня сделать чиновником, а мою старуху — чиновницей?

— Иди домой, будешь ты чиновником, а старуха твоя — чиновницей.

Воротился он домой. Едет по деревне — все шапки снимают, все его боятся. Двор полон слуг, старуха его разодета, как барыня.

Пожили они небольшое время, захотелось старухе большего.

— Велико ли дело — чиновник! Царь захочет — и тебя и меня под арест посадит. Поди, старик, к птичке, попроси — не сделает ли тебя царем, а меня — царицей.

Делать нечего. Старик опять взял топор, поехал в лес и начинает рубить это дерево. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот чего, матушка родима птичка: не сделаешь ли ты меня царем, а старуху мою — царицей?

— Ступай домой, будешь ты царем, старуха твоя — царицей.

Приезжает он домой, а за ним уж послы приехали: царь-де помер, тебя на его место выбрали.

Не много пришлось старику со старухой поцарствовать — показалось старухе мало быть царицей:

— Велико ли дело — царь! Бог захочет — смерть пошлет, и зарюют тебя в сырую землю. Ступай, старик, к птичке да проси — не сделает ли она нас богами...

Взял старик топор, пошел к дереву и хочет рубить его под корень. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Сделай милость, птичка, сотвори меня богом.

— Ладно, ступай домой — будешь ты быком, а старуха твоя — свиньей.

Старик тут же обратился быком. Приходит домой и видит — стала его старуха свиньей.

КРИВАЯ УТОЧКА

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли уточку. А та уточка была кривая. Они ее взяли и принесли домой..

Назавтра встали и опять пошли за грибами, а ей сделали утечье гнездышко из перьев.

Они ушли, а уточка обернулась девушкой, избу вымыла, воды наносила и пирогов испекла.

Дед и баба пришли и спрашивают:

— Кто это у нас так все прибрал? А соседи им говорят:

— У вас тут кривенька девушка воду носила.

Вот дед и баба и назавтра ушли да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскочили да ее перышки и бросили в печь. Перышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала. Стала просить у деда, у бабы золотую прялочку. Села на крылечко и прядет куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей. Она и говорит:

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку. А те говорят:

— Другие летят, те дадут. Опять летит стадо гусей-лебедей.

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

— Другие летят, те дадут.

Тут летит одинокий гусь, он и бросил ей перышки. Стала она опять уточкой и улетела.

Поплакали дед с бабой, да ничего не выплакали.

ЧЕРНУШКА

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею.

Только жена-то померла, а он на другой женился — на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Заставляли они бедную Машу на себя работать, а когда работы не было, приказывали ей сидеть у печки да выгребать золу; оттого была Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они ее Чернушкой.

Вот как-то заговорили люди, что их князь жениться хочет, что будет у него большой

праздник и что на том празднике выберет он себе невесту.

Так и случилось. Созвал князь всех в гости. Стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хотят брать; сколько та ни просилась — нет да нет!

Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажу — все вместе перемешано — и приказала до их приезда разобрать все по зернышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и сажу, потом сели ей на плечи — и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье.

— Ступай,— говорят голубки,— на праздник, только не оставайся там долее полуночи.

Только взшла Маша во дворец, так все на нее и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры ее совсем не узнали.

Погуляла, повеселилась Маша с другими девушками; видит, что скоро и полночь, вспомнила, что ей голубки наказывали, и побежала поскорей домой. Князь — за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а ее и след простыл!

На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются:

— Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!

Маша все сделала, а вечером опять повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; кинулся князь за нею — нет, не догнал.

На третий день у князя опять пир горою; вечером голубки обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время. Вдруг ударила полночь; Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дегтем. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли — никому башмачок по ноге не приходится; наконец, пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери — нет, не лезет, велика нога!

— Нет,— говорят княжие посланные,— не годится!

Мачеха стала примерять башмачок средней дочери, и с этой то же самое было.

Увидали посланные Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок — и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули!

Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба.

Свадьба была веселая, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

ДЕВУШКА В КОЛОДЦЕ

Жили-были мужик да баба. А у бабы была падчерица. Она пряла у колодца да и уронила веретёшко в воду. Домой идет, плачет. А мачеха и говорит:

— Чего плачешь?

— А я веретёшко в воду уронила!

Ну, та ее и давай ругать, кричала, кричала и говорит:

— Ступай за веретешком, назад не возвращайся!

Девушка пошла да и бросилась в колодец. И попала на луг. Идет, идет, навстречу ей овцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку с баранчиком.

Она подпахала под ними, убрала, они и говорят:

— Домой пойдешь — мы тебе отдадим.

Она поклонилась и пошла. Идет дальше — навстречу коровы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе корову с нетелью.

Она подпахала под ними, подмахала, они и говорят:

— Спасибо, девушка, обратно пойдешь — долг не забудем. Идет она лугом, долгим полем, навстречу ей жеребцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами. Она и им все сделала. Они и говорят:

— Назад пойдешь, мы тебя не обидим!

Пошла она дальше и дошла до избушечки, к старику и старушечке. Тут ее веретешечко. Говорит ей старуха:

— Должна ты, девушка, веретешечко выкупить, верой-правдой нам год прослужить.

Она и давай служить. И так хорошо работала, что хозяева ее полюбили.

Три года она у них жила, на четвертый соскучилась.

— Отпустите меня, — просит хозяев, — домой к батюшке.

Они ее и пустили. Много ей всего надавали, а как стала она через ворота выходить, так ее всю золотом обсыпало.

Пошла она домой, навстречу ей пастухи, дали коровку, да овечку, да жеребчика. Пошла она домой с добром и вся как есть золотая. Дошла до ворот, собачка тявкает:

— Наша дочь пришла, тяф, тяф, добра принесла, тяф, тяф! А бабка кричит:

— Молчи, давно ее черти съели! Тут она и входит, вся в золоте.

Узнал про это народ, и стали ее сватать. Она за крестьянина не пошла, за дьячка не пошла, за барины не пошла, за дворянина не пошла, а посватал Иван-царевич, за него пошла.

Ух, бабка зла стала! Послала свою родную дочь в колодец, за веретенышком. Та прыгнула и упала. Встала и пошла. Идет, идет, навстречу овечки:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку!

А она была грубая, злая, и говорит:

— Вот какие! Не за тем я сюда попала, не за навозом пошла — за добром иду!

И идет. Шла, шла, навстречу коровы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе нетелку.

— Не за тем пошла — за добром пошла.

И идет. Шла, шла, навстречу жеребцы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами!

— Не для того иду — за золотом иду!

Пришла она к избушечке — к старику и старушечке.

— Отдайте, — говорит, — мое золотое веретенце! (А какое оно золотое! Просто деревянное.)

А старушка ей и говорит:

— Ты за веретенце послужи!

Ну, стала она служить, и все не ладно, все спортит, ленится да неряшится. Три дня прослужила, на четвертый домой просится. Они ее отпустили, дали ей корзину с добром, она и пошла. Дошла до ворот.

«Дай, — думает, — в корзину посмотрю!»

А из корзины жабы, да гады, да гнус полез, всю ее облепили, а с ворот смола полилась, всю залила. Побежала она домой, прибежала до ворот, а собачка:

— Тяф, тяф, наша дочь во смоле пришла! А бабка ей:

— Цыц, наша дочь в золоте придет!

Та вошла, вся в смоле. Мать к ней бросилась, прильнула к ней, так и пропали вместе.

КОЗЕЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится.

И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына.

На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь: что ей привидится?

И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина.

На третью ночь дошла очередь до меньшей дочери, послал и ту; и приснилось ей, бедняжке, что выйдет она замуж за козла.

Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козел в это время подхватил ее на высокие рога и унес за крутые берега.

Принес к себе и уложил на полати спать. Поутру проснулась наша красавица, глядь — ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала.

А слуги давно ее будят:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу нести!

Выходит она на крылечко; летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси ей в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома стовор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына.

Козел с полатей все слышит и говорит слугам:

— Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные, закладывайте вороных коней, чтоб три раза скакнули и были на месте.

Принарядилась бедняжка и поехала; кони мигом привезли ее к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой!

А козел в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями. Ну как на пир гусяря не звать? Он пришел в хоромы и начал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Приехала домой, а козел уж на полатах лежит. Поутру будят ее слуги:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу нести!

Встала она, прибрала все в горницах и вышла на крылечко; летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, среднюю сестрицу твою замуж выдают за дворянина богатого.

Опять поехала бедняжка к отцу; на крыльце ее гости встречают, в доме пир горой!

А козел обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями; зазвали его, он и стал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой; козел лежит на полатах.

Прошла еще ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крылечко — опять летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол.

Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусяр похаживает, на гусях выигрывает. Позвали его в хоромы; гусяр опять по-старому:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка в одну щеку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полати, а там одна козлиная шкурка лежит: гусяр не успел еще оборотиться в козла.

Полетела шкурка в печь, очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцем; стали они себе жить да поживать да добра наживать.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка,, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на

мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умывается, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встrepенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же,— думает,— взялся — делать нечего».

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк.

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взятся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину. Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пушу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотсталла от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и води меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой. А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и води к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще годишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополадневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

— Дома не рассказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк sprysнул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprysнул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал,— говорит серый волк.— Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

ФИНИСТ-ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Все-то она умеет, все-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растет. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сестры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец: — А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а перышка не нашел.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну,— говорит,— дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а перышка не нашел. Приехал без перышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а перышка не нашел. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить перышко Финиста — ясна сокола, а я не нашел.

— Есть у меня такое перышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка перышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нем Марьюшка нашла хорошего!»

Привез старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой

смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое перышко в волосы да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать легли, бросила Марьюшка перышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привчала к себе молодца; днем он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвертый день сестры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

Милые дочки, — говорит отец, — смотрите лучше за собой.

«Ладно, — думают сестры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот. летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слезками кровавый след и стала еще краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами. Птички веселыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса темные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придешь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потерся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал еще темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнете Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит;

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет еще страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал еще темнее. За ноги ее цепляет, за рукава хватает... Идет Марьюшка, идет и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама черная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела

лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать — не продавай, а просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй,— говорит он,— а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только ее и видели.

Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

— Все это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмет Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть. Ночью, как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит ее сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой,— спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пяльцы, золотую иголочку.

— Я не продам,— говорит Марьюшка,— а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть, приходи ночью. Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно,— говорит та.

А сама думает: «Все равно не разбудит». Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему ее прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял ее, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич. Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадет — там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на боярский двор, и подняла ее боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат — полетела стрела к богатому купцу во двор. Подняла ее купеческая дочь.

Пустил стрелу Иван-царевич — полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла ее лягушка-квакушка...

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один — в боярском тереме, другой — на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти свою стрелу. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашел в топкое болото. Смотрит — сидит там лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступиться от своей находки, а лягушка и говорит:

— Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:

— Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!

— Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес в свое царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:

— Бери квакушку, ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

— Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жены хлебы печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли. Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич,— говорит лягушка-квакушка,— что ты так опечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?

— Как мне не печалиться! — отвечает Иван-царевич.— Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к утру каравай хлеба...

Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась

красной девицей Василисой Премудрой — такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай — рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудреными: по бокам — города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу — звери рыскающие... Утром будит квакушка Ивана-царевича:

— Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Положила каравай на золотое блюдо, проводила Ивана-царевича к отцу.

Пришли и старшие братья, принесли свои караваи, только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой — сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

— Такой каравай только от большой нужды есть будешь!

Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

— Вот этот хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

— Хочется мне знать, как умеют ваши жены рукодельничать. Возьмите шелку, золота и серебра, и пусть они. своими руками за ночь выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим женам, передали им царский приказ. Стали жены кликать мамушек, нянюшек и красных девушек — чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать — кто серебром, кто золотом, кто шелком.

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич,— говорит квакушка,— почему так печалишься? Или услышал от отца своего слово недоброе?

— Как мне не кручиниться! — отвечает Иван-царевич.— Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковер узорчатый!

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать. Где кольнет иглой раз — цветок зацветет, где кольнет другой раз — хитрые узоры идут, где кольнет третий — птицы летят...

Солнышко еще не взошло, а ковер уж готов.

Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковер. Царь прежде взял ковер у старшего царевича, посмотрел и молвил: :

— Этим ковром только от дождя лошадей покрывать! Принял от среднего, посмотрел и сказал:

— Только у ворот его стелить!

Принял от Ивана-царевича, взглянул и сказал:

— А вот этот ковер в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими женами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше пляшет.

Отправились царевичи к своим женам.

Идет Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?..»

Пришел он домой невеселый. Спрашивает его квакушка:

— Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чем запечалился?

— Как мне не печалиться! — говорит Иван-царевич. — Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привез...

— Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка и говорит царевичу:

— Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром — не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошел Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими женами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

— Что же ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром — весь дворец затрясся-зашатался. Все гости переполошились, повскакали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золоченая карета, тройкой гнедых коней запряжена.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая — сама как солнце ясное светится.

Все на нее дивятся, любуются, от удивления слова вымолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьет — не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Лебедя жареного ест — косточки за правый рукав бросает.

Жены старших царевичей увидели это — и туда же: чего не допьют — в рукав льют, чего не доедят — в другой кладут. А к чему, зачем — того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро и лебеди.

Пошли плясать жены старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами — всех гостей забрызгали; как махнули правыми — костями-огрызками осыпали, самому царю костью чуть глаз не выбили. Рассердился царь

и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил ее на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась — нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать ее. Искала, искала — не нашла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кощея Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь — только тогда и разыщешь меня...

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошел искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз, за третий принялся. И повстречался ему тогда старый старик.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Иван-царевич.

— Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старику свое горе.

— Эх, Иван-царевич, — говорит старик, — зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее и снимать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кощея Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на нее и приказал ей три года квакушею быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по темным лесам, катится по зеленым лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич все идет да идет за ним — не остановится на отдых ни на часок.

Шел-шел, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришел в дремучий бор. Попадаетеся ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! — думает Иван-царевич. — Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошел дальше. Идет он чистым полем, глядь — а над ним летит большой селезень.

Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по-человечески:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич селезня — не тронул его, пошел дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косой заяц.

«Убью этого зайца! — думает царевич. — Очень уж есть хочется...»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошел дальше. Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит щука-рыба. Говорит Иван-царевич:

— Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет — так есть хочется!

— Ах, Иван-царевич,— молвила щука,— сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, бросил ее в море, а сам пошел берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему передом. Вошел Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга — костяная нога. Увидела она царевича и говорит:

— Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

— Ах, баба-яга — костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выпрашивала!

— И то правда! — отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю! — говорит баба-яга.— Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кощеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьешь. Потому он никого и не боится.

— Да есть ли где его смерть?

— Его смерть — на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в кованом ларце, а тот ларец — на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растет.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил ее царевич и пошел.

Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришел наконец к Кощееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине — кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать.

«Эх,— думает,— где-то медведь? Он бы мне помог!»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутек.

«Где-то мой заяц? — думает царевич.— Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам. Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень?» — думает царевич.

А уж селезень за уткой летит — прямо в голову клюет. Выронила утка яйцо, и упало то

яйцо в синее море...

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

— Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу щука-рыба и держит в зубах яйцо.

— Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у нее кончик. И только отломил — умер Кощей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошел Иван-царевич в Кощеевы палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

— Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти, теперь я весь век твоя буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кощеевой конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине:

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки ее вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела, разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить,— заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не опят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Полутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

— Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Темну ночь недосыпала,

Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколотная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймите мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они вострепнулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ВОРОНОВИЧ

Жили-были старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой, а на мешке-то была дырка: крупа-то в нее сыплется да сыплется.

Пришел домой. Старуха спрашивает:

— Где крупка? — А крупка вся высыпалась.

Пошел старик собирать и говорит:

— Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать, за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!

Стал старик собирать — Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать.

Пришел старик домой, сказал старшей дочери:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утатило ее.

Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и

вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь.

И меньшей дочери сказал:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил ее и унес.

Старик и говорит:.

— Идти разве в гости к зятю?

Пошел к Солнышку; вот и пришел.

Солнышко говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я ничего не хочу.

Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковородку — и оладьи сжарились. Накормили старика.

Пришел старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями.

— Чего, на тебе испекутся! — говорит старуха.

— Ничего,— говорит,— ставь, испекутся.

Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли.

Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклись оладьи, наелся старик.

На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришел.

Месяц говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я, — отвечает старик,— ничего не хочу. Месяц затопил про него баню. Старик говорит:

— Темно в бане-то будет! А Месяц ему:

— Нет, светло, ступай.

Пошел старик в баню, а Месяц запихал палец свой в дырочку, и оттого в бане светло-светло стало.

Выпарился старик, пришел домой и велит старухе топить баню ночью.

Старуха истопила; он и посылает ее туда париться. Старуха говорит:

— Темно париться-то!

— Ступай, светло будет!

Пошла старуха, а старик видел, как светил ему Месяц, и сам туда ж — взял прорубил дыру в бане и запихал в нее свой палец. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему:

— Темно!

Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнем и выпарилась.

На третий день старик пошел к Ворону Вороновичу. Пришел.

— Чем тебя потчевать-то? — спрашивает Ворон Воронович.

— Я,— говорит старик,— ничего не хочу.

— Ну, пойдем хоть спать на седала.

Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под

крыло.

Как старик заснул, они оба упали и убились.

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Бывали-живали царь да царица; у царя, у царицы был один сын, Иван-царевич. Вскоре царь умер, сыну своему царство оставил.

Царствовал Иван-царевич тихо и благополучно и всеми подданными был любим. Женился Иван, и вскоре родились у него два сына.

Иван-царевич ходил с своим воинством воевать в иные земли, в дальние края, к Пану Плешевичу; рать-силу его побил, а самого в плен взял и в темницу заточил.

А был Пан Плешевич куда хорош и пригож! Увидала его царица, мать Ивана-царевича, полюбила и стала частенько навещать его в темнице.

Однажды говорит ей Пан Плешевич:

— Как бы нам сына твоего, Ивана-царевича, убить? Стал бы я с тобой вместе царствовать!

Царица ему в ответ:

— Я бы очень рада была, если б ты убил его.

— Сам я убить его не смогу, а слышал я, что есть в чистом поле чудище о трех головах. Скажись царевичу больною и вели убить чудище о трех головах да вынуть из чудища все три сердца; я бы съел их — у меня бы силы прибыло.

На другой день царица разболелась-расхворалась, позвала к себе царевича и говорит ему таково слово:

— Чадо мое милое, Иван-царевич! Съезди в поле чистое, убей чудище о трех головах, вынь из него три сердца и привези ко мне: скушаю — авось поправлюсь!

Иван-царевич послушался, сел на коня и поехал.

В чистом поле привязал он своего доброго коня к старому дубу, сам сел под дерево и ждет...

Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб зашумел и погнулся.

— Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин!

— Эх ты, поганое чудище! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь! — сказал Иван-царевич, натянул свой тугой лук и пустил калену стрелу; разом сшиб чудищу все три головы, вынул три сердца, привез домой и отдал матери.

Царица приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Съел он, царица и спрашивает:

— Что — будет ли у тебя силы, как у моего сына?

— Нет, еще не будет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о шести головах; пусть царевич с ним поборется. Одно что-нибудь: или чудище его пожрет, или он привезет еще шесть сердец.

Царица побежала к Ивану-царевичу:

— Чадо мое милое! Мне немного полегчило; а слышала я, что есть в чистом поле другое чудище, о шести головах; убей его и привези шесть сердец.

Иван-царевич сел на коня и поехал в чистое поле, привязал коня к старому дубу, а сам сел под дерево.

Прилетело чудище о шести головах — весь дуб пошатнулся.

— Ха-ха-ха! Конь — на обед, молодец — на ужин!

— Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул царевич свой тугой лук, пустил калену стрелу и сбил чудищу три головы.

Бросилось на него чудище поганое, и бились они долгое время; Иван-царевич осилил, срубил и остальные три головы, вынул из чудища шесть сердец, привез и отдал матери.

Она того часу приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Паи Плешевич от радости на ноги вскочил, царице челом бил; съел шесть сердец. Царица и спрашивает:

— Что — станет ли у тебя силы, как у моего сына?

— Нет, не станет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах: коли съем его еще сердца — тогда наверное будет у меня силы с ним побороться!

Царица побежала к Ивану-царевичу:

— Чадо мое милое! Мне получше стало; а слышала я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах; убей его и привези девять сердец.

— Ах, матушка родная! Ведь я устал, пожалуй, мне не выстоять супротив того чудища о девяти головах!

— Дитя мое! Прошу тебя — съезди, привези.

Иван-царевич сел на коня и поехал; в чистом поле привязал коня к старому дубу, сам сел под дерево и заснул.

Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб до земли пошатнулся.

— Ха-ха-ха! Конь — на обед, молодец — на ужин!

Царевич проснулся:

— Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул свой тугой лук, пустил калену стрелу и сразу сшиб шесть голов, а с остальными долго-долго бился; срубил и те, вынул сердца, сел на коня и поскакал домой.

Мать встречает его:

— Что, Иван-царевич, привез ли девять сердец?

— Привез, матушка! Хоть с великим трудом, а достал.

— Ну, дитя мое, теперь отдохни!

Взяла от сына сердца, приказала сжарить и отнесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич съел, царица и спрашивает:

— Что — станет ли теперь силы, как у моего сына?

— Станет-то станет, да все опасно; а слышал я, что когда богатырь в баню ходит, то много у него силы убудет; пошли-ка наперед сына в баню.

Царица побежала к Ивану-царевичу:

— Чадо мое милое! Надо тебе в баню сходить, с белого тела пот омыть.

Иван-царевич пошел в баню; только что омылся — а Пан Плешевич тут как тут, размахнулся острым мечом и срубил ему голову.

Узнала о том царица — от радости запрыгала, стала с Паном Плешевичем в любви поживать да всем царством заправлять.

Осиротели двое малых сыновей Ивана-царевича. Вот они бегали, играли, у бабушки-задворенки оконницу изломали.

— Ах вы, такие-сякие! — обругала их бабушка-задворенка.— Зачем оконницу изломали?

Прибежали они к своей матери, стали ее спрашивать: почему-де так неласково обошлась с нами? Говорит мать:

— Был бы у вас батюшка, заступился, да убил его Пак Плешевич, и схоронили его во сырой земле.

— Матушка! Дай нам мешочек сухариков, мы пойдем оживим нашего батюшку.

— Нет, дитятки, не оживить его вам.

— Благослови, матушка, мы пойдем.

— Ну, ступайте...

Того часу дети Ивана-царевича срядились и пошли в дорогу.

Долго ли, коротко ли шли они — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается,— попался навстречу им седой старичок:

— Куда вы, царевичи, путь держите?

— Идем к батюшке на могилу; хотим его оживить.

— Ох, царевичи, вам самим его не оживить. Хотите, я помогу?

— Помоги, дедушка!

— Нате, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите.

Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли. Иван-царевич встал:

— Здравствуйте, дети мои милые! Как я долго спал!

Воротился домой, а у Пана Плешевича пир идет. Как увидал он Ивана-царевича, так со страху и задрожал.

Иван-царевич предал его лютой смерти. Схоронили Пана Плешевича и отправились поминки творить; и я тут был — поминал, кутью большой ложкой хлебал, по бороде текло — в рот не попало!

ПОДИ ТУДА - НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО - НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей!

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накопил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пропихался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и есть — не наест и пьет — не запьет: все ему представляется Стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выспрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть Стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, — думает, — хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей». Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень в рваном кафтанишке.

— О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи:

пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень — и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится, Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житье-бытье.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое мое житье на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец.

Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон — кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком

катись. А если уснешь, кот Баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — пришел Андрей-стрелок в тридешатое царство. За три версты стал его одолевает сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутот; изломал железный, принялся угощать медным — и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутот.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю.

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать. Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай, — говорит, — к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, невесел? Или еще невзгода какая?

— Эх, — говорит, — через твою красу все напасти несусь! Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба так служба! Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, — вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете, — не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине, — сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете, не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.

— Брось клубок перед собой — куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится, Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется. Стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге. Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам

пришел! Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом. Он ест, она выпрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея.

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться.

Дулась, дулась — сделалась словно копна, сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась — сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погода застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок поманивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо, тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый. Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной. Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх,— говорит,— до чего же я утомился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки; не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят.— Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил. Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тятать: тят да ляп — вышел корабль; тят да ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустил возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать. Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рошам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любят. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тят да ляп — стоит на море корабль, опять тят да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тятнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеною воду. Пьет и не чувствует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пущу, не смей пить без моего ведома!

— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, — и согласился. Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растёт себе да растёт, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминуемое!» Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой. Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадаетеся ему навстречу старушка.

— Куда идешь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся с богом!

И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет». И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере

купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит — и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек — одни рвы, буераки да каменье острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменье острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и

могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменье острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен — все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом, утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрома полнехоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору, слезами умывается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая:

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к

морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

— Еще рано, мы не выспались, приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного: встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича — старым пастухом, а сама сделалась смиренной овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич. — Сорок лет, как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасет.

— Что ж не хватало? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисой Премудрой давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей — деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал. Сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисой Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича — селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень, ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесатое царство.

— Подожди меня в этом лесочке, — говорит Иван-царевич Василисе Премудрой, — я пойду доложусь наперед отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, когда станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его. На радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить, она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков!

— А что будет? Съедем их — вот и все!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту же минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовет на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребятушки, выбрался из избранных, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за середнего, а середний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит царевич Федор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Федор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою — не ради красоты, а ради крепости... Отправился Федор-царевич в дорожку. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечера — красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Федор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Федор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неужданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Федор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли — в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесатое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать еще моих братьевцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идет, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

— Здравствуй, дитятко Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неужданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечера — красна солнышка до заката — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет, шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу,— говорит,— русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила; села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро....

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одно стадные.

Услышала это баба-яга — еще старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Бот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил. А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал. Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, еще старее той. Поглядела — конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середине ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены — и бей коня по бокам плетью исхлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на ее доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самую увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьет коня плетью нехлестанной. — Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперед погнал... Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли? — Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печет, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготовила. Девушка Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон. Конь ее с горки на горку поскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девушкой Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девушка Синеглазка насакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что же, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девушка Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копыя долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыя-сабли исцербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девушка Синеглазка стала коленкой на его белую грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белую грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девушка Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девушка Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до расстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девушки Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девушка.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девушка в спальню.

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич толкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девушка и полетела в подполье, в яму глубокую. Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой? А из ямы отвечают:

— Федор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, земель уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до расстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лег он на шелковую траву и богатырским сном заснул. А Федор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опаматовался и видит — только, небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьет их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай.

Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклат, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куса вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнаёт, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесATOM царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Федора-царевича. Идет Федор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес. А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает середнего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унес. Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдете — все царство потопчу, пожгу.

Царь еще пуще испугался, посылает за Федором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке,

и с ним идет голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идет с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нем сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Федору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в ее девичье царство.

Тут и сказке конец.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли. Умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет.

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел. Ударился орел об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ездил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет, я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем, во зеленом саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду,— говорит,— искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек, отзовись: кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева.

— Здравствуй, царевич. Куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, otvorил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную

королевну, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну».

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит.

Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое жите-бытие рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

— Трудно тебе сыскать ее,— отвечает сокол.— Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое жите-бытие рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое жите-бытие рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте. Пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного. Авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну,— говорит,— первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

— Пускай догонит. Мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяну напиться, до отвалу наесться, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича!

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и унес к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смоляную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах,— говорят они,— видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живою водою, а ворон — за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и сложили, как надобно.

Ворон брызнул мертвою водою — тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живою водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы,— отвечали зятья.— Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка!

— Не ешь, Иван-царевич, — просит заморская птица.— В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше. Видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше. Попадает ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, ажио тошно стало.

— Не тронь, Иван-царевич,— просит львица.— В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич. Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а нет — то не гневайся: торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел, А баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море, стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротись домой, баба-яге на

глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост».

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга в реку свалилась. Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так, — говорит, — поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и размогил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того накидал царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощей Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кошеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, не даром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти.

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

СИВКА>-БУРКА

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали.

Посеял раз старик пшеницу. Добрая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

— Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, поймайте вора!

Настала первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

— Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын. И он всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти.

Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле, сел на камень. Сидит не спит, пирог жует, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь — одна шерстинка серебряная, другая золотая; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку.

Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву.

Уж конь носил-носил его по чисту полю, скакал-скакал — не мог сбросить!

Стал конь просить Иванушку:

— Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу.

— Хорошо,— отвечает Иванушка,— отпущу, да как я тебя потом найду?

— А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка поутру домой.

— Ну, рассказывай, что ты там видел? — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — коня — одна шерстинка серебряная, другая золотая.

— А где же тот конь?

— Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич

кликать:

— Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор. Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит да с ее руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдет!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору — не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

— Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошаденку, и я поеду посмотрю на Елену Прекрасную!

— Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным женам:

— Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду — грибов наберу!

Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать.

Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

— Что угодно, Иванушка?

— Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! — отвечает Иванушка.

— Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай!

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать! Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу.

Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал.

Прискакал Иванушка на площадь — прямо к царскому дворцу. Смотрит — народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает — цены ему нет! А собою она красавица из красавиц.

Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать.

Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам... Фыркнул конь, заржал, прыгнул — только на три бревна до царевны не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричат все:

— Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принес домой:

— Эва, какие грибки хорошие!

Рассердились братнины жены на Иванушку и давай его ругать:

— Какие ты, дурень, грибы принес? Только тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит. Воротились домой братья и рассказывают женам, что они в городе видели:

— Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали. До царевны только на три бревна не доскочил.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

— Братцы родные, а не я ли это там был?

— Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко двору.

Видит — на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любуются, а скакать никто и не думает: бояться шею себе сломать!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул — только на два бревна до царевнина окна не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

А Иванушка уже в чистом поле.

Отпустил Сивку-бурку, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

— Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжал! Не доскочил до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, помалкивай!..

На третий день братья снова собираются ехать, а Иванушка говорит:

— Дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

— Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает!

Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому дворцу.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плеткой... Заржал конь

пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул — и доскочил до окна!

Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

— Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл.

Отпустил он Сивку-бурку, пришел домой. Одна рука тряпкой обмотана.

— Что это с тобою приключилось? — спрашивают братнины жены.

— Да вот, искал грибы, на сучок накололся...

И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было:

— Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны доскочил и перстень с ее пальца снял!

Иванушка сидит на печке да знай свое:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень взглянуть.

Как разматал он тряпку, так всю избу и осияло!

— Перестань, дурень, с огнем баловать! — кричат братья. — Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул: чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгает, тому голову с плеч долой!

Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка.

Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают.

А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перетень на руке — тот и жених ее.

Только ни у кого перстня не видна...

Обошла она всех, подходит к последнему — к Иванушке. А он за печкой сидит, одежка на нем худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!»

А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

— Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

— Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

— А ну-ка, развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает!

Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:
— Вот, батюшка, мой жених и нашелся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут ждать да рассуждать не стали — веселым пирком да за свадебку!

Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

ИВАН БЕСТАЛАННЫЙ И ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

Жила в одной деревне крестьянка, вдова. Жила она долго и сына своего Ивана растила.

И вот настала пора — вырос Иван. Радуетса мать, что он большой стал, да худо, что он у нее бесталанным вырос. И правда: всякое дело у Ивана из рук уходит, не как у людей; всякое дело ему не в пользу и впрок, а все поперек. Поедет, бывало, Иван пахать, мать ему и говорит:

— Сверху-то земля оплошала, поверху она хлебом съедена, ты ее, сынок, поглубже малость паши!

Иван вспашет поле поглубже, до самой глины достанет и глину наружу обернет; посеет потом хлеб — не родится ничего, и семенам извод. Так и в другом деле: старается Иван сделать по-доброму, как лучше надо, да нет у него удачи и разума мало. А мать стара стала, работа ей непосильна. Как им жить? И жили они бедно, ничего у них не было.

Вот доели они последнюю краюшку хлеба, самую остатнюю. Мать и думает о сыне: как он будет жить, бесталанный? Нужно бы женить его: у разумной жены, гляди-ко, и неudelный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест. Да кто, однако, возьмет в мужья ее бесталанного сына? Не только что красная девица, а и вдова, поди, не возьмет!

Покуда мать кручинилась так-то, Иван сидел на завалинке и ни о чем не горевал.

Глядит он — идет старичок, собою ветхий, обомшелый, и земля въелась ему в лицо, ветром нагнало.

— Сынок, — старичок говорит, — покорми меня: отощал я за дальнюю дорогу, в суме ничего не осталось.

Иван ему в ответ:

— А у нас, дедушка, крошки хлеба нету в избе. Знать бы, что ты придешь, я бы давеча сам последней краюшки не ел, тебе бы оставил. Иди, я тебя хоть умою и рубаху твою ополошу.

Истопил Иван баню, вымыл в бане прохожего старика, всю грязь с него смыл, веником попарил его, а потом и рубаху и порты его начисто ополоскал и спать в избе положил.

Вот старик тот отдохнул, проснулся и говорит:

— Я твое добро упомяну. Коли будет тебе худо, пойдй в лес. Дойдешь до места, где две дороги расстаются, увидишь, там серый камень лежит, — толкни тот камень плечом и кликни: дедушка, мол! Я тут и буду.

Сказал так старик и ушел. А Ивану с матерью совсем худо стало: все поскребышки из ларя собрали, все крошки поели.

— Обожди меня, матушка, — сказал Иван. — Может, я хлеба тебе принесу.

— Да уж где тебе! — ответила мать. — Где тебе, бесталанному, хлеба взять! Сам-то хоть

поешь, а я уж, видно, не евши помру... Невесту бы где сыскал себе,— глядь, при жене-то, коли разумница окажется, всегда с хлебом будешь.

Вздыхнул Иван и пошел в лес. Приходит он на место, где дороги расстанутся, тронул камень плечом, камень и подался. Явился к Ивану тот дедушка.

— Чего тебе? — говорит. — Аль в гости пришел?

Повел дедушка Ив на в лес. Видит Иван — в лесу богатые избы стоят. Дедушка и ведет Ивана в одну избу — знать, он тут хозяин.

Велел старик кухонному молодцу да бабке-стряпухе изжарить на первое дело барана. Стал хозяин угощать гостя. Поел Иван и еще просит.

— Изжарь, — говорит, — другого барана и хлеба краюху подай.

Дедушка-хозяин велел кухонному молодцу другого барана изжарить и подать ковригу пшеничного хлеба.

— Изволь, — говорит, — угощайся, сколь у тебя душа примет. Аль не сыт?

— Я-то сыт, — отвечает Иван, — благодарствую тебе, а пусть твой молодец отнесет хлеба краюшку да барана моей матушке, она не евши живет.

Старый хозяин велел кухонному молодцу снести матери Ивана две ковриги белого хлеба и целого барана. А потом и говорит:

— Отчего же вы с матерью не евши живете? Смотри, вырос ты большой, гляди — женишься, чем семейство прокормишь?

Иван ему в ответ:

— А незнамо как, дедушка! Да нету жены у меня.

— Эко горе какое! — сказал хозяин. — А отдам-ка я свою дочь тебе в замужество. Она у меня разумница, ее ума-то вам на двоих достанет.

Кликнул старик свою дочь. Вот является в горницу прекрасная девица. Такую красоту и не видел никто, и неизвестно было, что она есть на свете. Глянул на нее Иван, и сердце в нем приостановилось.

Старый отец посмотрел на дочь со строгостью и сказал ей:

— Вот тебе муж, а ты ему жена. Прекрасная дочь только взор потупила:

— Воля ваша, батюшка.

Вот поженились они и стали жить-поживать. Живут они сыто, богато; жена Ивана домом правит, а старый хозяин редко дома бывает: он ходит по миру, премудрость там среди народа ищет, а когда найдет ее, возвращается ко двору и в книгу записывает.

А однажды старик принес волшебное круглое зеркальце. Принес он его издалече, от мастера-волшебника с холодных гор,— принес да и спрятал.

Мать Ивана жила теперь сыта и довольна, а жила она, как прежде, в своей избе на деревне. Сын звал ее жить к себе, да мать не захотела: не по душе ей была жизнь в доме жены Ивана, у невестки.

— Боюсь я, сынок, — сказала матушка Ивану. — Ишь она, Еленушка, жена твоя, красавица писаная какая, богатая да знатная, — чем ты ее заслужил! Мы-то с отцом твоим в бедности жили, а ты и вовсе без судьбы родился.

И осталась жить мать Ивана в своей старой избушке. А Иван живет и думает: правду говорит матушка; всего будто довольно у него, и жена ласковая, слова поперек не скажет, а

чувствует Иван, словно всегда холодно ему. И живет он так с молодой женой вполжитья-вполбытья, а нет чтобы вовсе хорошо.

Вот приходит однажды старик к Ивану и говорит:

— Уйду я далече, далее, чем прежде ходил, вернусь я не скоро. Возьми-ко, на тебе, ключ от меня; прежде я при себе его носил, да теперь боюсь потерять: дорога-то мне дальняя.

Ты ключ береги и амбар им не отпирай. А уж пойдешь в амбар, так жену туда не веди. А коли не стерпишь и жену поведешь, так цветное платье ей не давай. Время придет, я сам ей выдам его, для нее и берегу. Гляди-ко запомни, что я тебе сказал, а то жизнь свою в смерти потеряешь!

Сказал старик и ушел.

Прошло еще время. Иван и думает:

«А чего так! Пойду-ка я в амбар да погляжу, что там есть, а жену не поведу!»

Пошел Иван в тот амбар, что всегда взаперти стоял, открыл его, глядит — там золота много, кусками оно лежит, и камни, как жар, горят, и еще добро было, которому Иван не знал имени. А в углу амбара еще чулан был либо тайное место, и дверь туда вела. Иван открыл только дверь в чулан и ступить туда не успел, как уже крикнул нечаянно:

— Еленушка, жена моя, иди сюда скорее!

В чулане том висело самоцветное женское платье; оно сияло, как ясное небо, и свет, как живой ветер, шел по нему. Иван обрадовался, что увидел такое платье: оно как раз впору будет его жене и придется ей по нраву.

Вспомнил было Иван, что старик не велел ему платье жене давать, да что с платьем станется, если он его только покажет! А Иван любил жену: где она улыбнется, там ему и счастье.

Пришла жена. Увидела она это платье и руками всплеснула.

— Ах,— говорит,— каково платье доброе!

Вот она просит у Ивана:

— Одень меня в это платье да пригладь, чтоб ладно сидело.

А Иван не велит ей в платье одеваться. Она тогда и плачет.

— Ты, — говорит, — знать, не любишь меня: доброе платье такое для жены жалеешь. Дай мне хоть руки продеть, я пощупаю, каково платье,— может, не годится.

Иван велел ей.

— Продень,— говорит,— испытай, каково тебе будет. Жена продела руки в рукава и опять к мужу:

— Не видать ничего. Вели голову в ворот сунуть.

Иван велел. Она голову сунула, да и дернула платье на себя, да и облоклась вся в него. Ощупала она, что в одном кармане зеркальце лежит, вынула его и погляделась.

— Ишь,— говорит,— какая красавица, а за бесталанным мужем живет! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко!

Вскрикнула она высоким голосом, всплеснула руками, глядь — и нету ее. Обратилась она в голубицу и улетела из амбара далеко-далеко в синее небо, куда пожелала. Знать, платье она надела волшебное.

Загоревал тут Иван. Да чего горевать — некогда ему было. Положил он в котомку хлеба

и пошел искать жену.

— Эх, — сказал он, — злодейка какая, отца ослушалась, с родительского двора без спросу ушла! Сыщу ее, научу уму-разуму!

Сказал он так, да вспомнил, что сам живет бесталанным, и заплакал.

Вот идет он путем, идет дорогой, идет тропинкой; плохо, ему, горюет он по жене. Видит Иван — щука у воды лежит, совсем помирает, а в воду влезть не может.

«Гляди-ко, — думает Иван, — мне-то плохо, а ей того хуже».

Поднял он щуку и пустил ее в воду. Щука сейчас нырнула. в глубину да обратно кверху, высунула голову и говорит:

— Я добро твое не забуду. Станет тебе горько — скажи только: «Щука, щука, вспомни Ивана!»

Съел Иван кусок хлеба и пошел дальше. Идет он, идет, а время уж к ночи. Глядит Иван и видит: коршун воробья поймал, в когтях его держит и хочет склевать.

«Эх, — смотрит Иван, — мне беда, а воробью смерть!»

Пугнул Иван коршуна, тот и выпустил из когтей воробья.

Сел воробей на ветку, сам говорит Ивану:

— Будет тебе нужда — покличь меня: «Эй, мол, воробей, вспомни мое добро!»

Заночевал Иван под деревом, а наутро пошел дальше. И уже далеко он от своего дома отошел, весь приустал и телом стал тощий, так что и одежду на себе рукою поддерживает. А идти ему было далече, и шел Иван еще целый год и полгода. Прошел он всю землю, дошел до моря, дальше идти некуда.

Спрашивает он у жителя:

— Чья тут земля, кто тут царь и царица?

Житель отвечает Ивану:

— У нас в царицах живет Елена Премудрая: она все знает — у нее книга такая есть, где все написано, и она все видит — у нее зеркало такое есть. Она и тебя сейчас видит небось.

И правда, Елена увидела Ивана в свое зеркальце. У нее была Дарья, прислужница. Вот Дарья обтерла рушником пыль с зеркальца, сама взглянула в него, сначала собой полюбовалась, а потом увидела в нем чужого мужика.

— Никак, чужой мужик идет! — сказала прислужница Елене Премудрой. — Издалека, видать, идет: худой да оплошальный весь и лапти стоптал.

Глянула в зеркальце Елена Премудрая.

— И то, — говорит, — чужой! Это муж мой явился.

Подошел Иван к царскому двору. Видит — двор тыном огорожен. А в тыне колья, а на кольях человечьи мертвые головы; только один кол пустой, ничего нету.

Спрашивает Иван у жителя: чего такое, дескать? А житель ему:

— А это, — говорит, — женихи царицы нашей, Елены Премудрой, которые сватались к ней. Царица-то наша — ты не видал ее — красоты несказанной и по уму волшебница. Вот и сватаются к ней женихи, знатные да удалые. А ей нужен такой жених, чтобы ее перемудрил, вот какой! А кто ее не перемудрит, тех она казнит смертью. Теперь один кол остался: это тому, кто еще к ней в мужья придет.

— Да вот я к ней в мужья иду! — сказал Иван.

— Стало быть, и кол пустой тебе, — ответил житель и пошел туда, где изба его стояла.

Пришел Иван к Елене Премудрой. А Елена сидит в своей царской горнице, и платье на ней одето отцовское, в которое она самовольно в амбаре облоклась.

— Чего тебе надобно? — спросила Елена Премудрая. — Зачем явился?

— На тебя поглядеть, — Иван ей говорит, — я по тебе скучаю.

— По мне и те вон скучали, — сказала Елена Премудрая и показала на тын за окном, где были мертвые головы.

Спросил тогда Иван:

— Аль ты не жена мне более?

— Была я тебе жена, — царица ему говорит, — да ведь я теперь не прежняя. Какой ты мне муж, бесталаный мужик! А хочешь меня в жены, так заслужи меня снова! А не заслужишь, голову с плеч долой! Вон кол пустой в тыне торчит.

— Кол пустой по мне не скучает, — сказал Иван. — Гляди, как бы ты по мне не соскучилась. Скажи: чего тебе исполнить?

Царица ему в ответ:

— А исполни, что я велю! Укройся от меня где хочешь, хоть на краю света, чтоб я тебя не нашла, а и нашла — так не узнала бы. Тогда ты будешь умнее меня, и я стану твоей женой. А не сумеешь в тайности быть, угадаю я тебя, — голову потеряешь.

— Дозволь, — попросил Иван, — до утра на соломе поспать и хлеба твоего покушать, а утром я исполню твое желание.

Вот вечером постелила прислужница Дарья соломы в сенях и принесла хлеба краюшку да кувшин с квасом. Лег Иван и думает: что утром будет?

И видит он — пришла Дарья, села в сенях на крыльцо, распростерла светлое платье царицы и стала в нем штопать прореху. Штопала-штопала, зашивала-зашивала Дарья прореху, а потом и заплакала.

Спрашивает ее Иван:

— Чего ты, Дарья, плачешь?

— А как мне не плакать, — Дарья отвечает, — если завтра смерть моя будет! Велела мне царица прореху в платье зашить, а иглолка не шьет его, а только распарывает: платье-то уж таково нежное, от иглы разверзается. А не зашью, казнят меня наутро царица.

— А дай-ко я шить попробую, — говорит Иван, — может, зашью, и тебе умирать не надо.

— Да как тебе платье такое дать! — Дарья говорит. — Царица сказывала: мужик ты бесталаный. Однако попробуй маленько, а я погляжу.

Сел Иван за платье, взял иглу и начал шить. Видит — И

правда, не шьет игла, а рвет: платье-то легкое, словно воздух, не может в нем игла приняться. Бросил Иван иглу и стал руками каждую нить с другой нитью связывать. Увидела Дарья и рассерчала на Ивана:

— Нету в тебе уменья! Да как же ты руками все нитки в прорехе свяжешь? Их тут тыщи великие!

— А я их с хотеньем да с терпеньем, гляди, и свяжу! — ответил Иван. — А ты иди да спать ложись, к утру-то я, гляди, и отделаюсь.

Всю ночь работал Иван. Месяц с неба светил ему, да и платье светилось само по себе, как живое, и видел он каждую его нить.

К утренней заре управился Иван. Поглядел он на свою работу: нету больше прорехи, повсюду платье теперь цельное. Поднял он платье на руку и чувствует — стало оно словно бы тяжелым. Оглядел он платье: в одном кармане книга лежит — в нее старик, отец Елены, записывал всю мудрость, а в другом кармане — круглое зеркальце, которое старик принес от мастера-волшебника из холодных гор. Поглядел Иван в зеркальце — видно в нем, да смутно; почитал он книгу — не понял ничего. Подумал тогда Иван: «Люди говорят, я бесталанный, — правда и есть».

Наутро пришла Дарья-прислужница, взяла она готовое платье, осмотрела его и сказала Ивану:

— Благодарствую тебе. Ты меня от смерти спас, и я твое добро упомяну.

Вот встало солнце над землею, пора Ивану уходить в тайное место, где царица Елена его не отыщет. Вышел он во двор, видит — стог сена сложен стоит; залег он в сено, думал, что вовсе укрылся, а на него дворовые собаки брешут, и Дарья с крыльца кричит:

— Экой бесталанный! Я и то вижу тебя, не токмо что царица! Вылезай оттуда, сено лаптями не марай!

Вылез Иван и думает: куда ему податься? Увидел — море близко. Пошел он к морю и вспомнил щуку.

— Щука, — говорит, — щука, вспомни Ивана! Щука высунулась из воды.

— Иди, — говорит, — я тебя на дно моря упрячу!

Бросился Иван в море. Утащила его щука на дно, зарыла там в песок, а воду хвостом замутила.

Взяла Елена Премудрая свое круглое зеркальце, навела его на землю: нету Ивана; навела на небо: нету Ивана; навела на море, на воду: и там не видать Ивана, одна вода мутная. «Я-то хитра, я-то умна, — думает царица, — да и он-то не прост, Иван Бесталанный!»

Открыла она отцовскую книгу мудрости и читает там: «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит». Прочитала царица эти слова сперва по писанному, а потом по неписанному, и книга сказала ей: лежит-де Иван в песке на дне морском; кликни щуку, вели ей Ивана со дна достать, а не то, мол, поймаю тебя, щуку, и в обеде съем.

Послала царица Дарью-прислужницу, велела ей кликнуть из моря щуку, а щука пусть Ивана со дна ведет.

Явился Иван к Елене Премудрой.

— Казни меня, — рассказывает, — не заслужил я тебя.

Одумалась Елена Премудрая: казнить всегда успеется, а они с Иваном не чужие друг другу, одним семейством жили. Говорит она Ивану:

— Поди укройся сызнова. Перехитришь ли меня, нет ли, тогда и буду казнить тебя либо миловать.

Пошел Иван искать тайное место, чтобы царица его не нашла. А куда пойдешь! У царицы Елены волшебное зеркальце есть: она в него все видит, а что в зеркальце не видно, про то ей мудрая книга скажет.

Кликнул Иван:

— Эй, воробей, помнишь ли мое добро? А воробей уже тут.

— Упади на землю, — говорит, — стань зернышком!

Упал Иван на землю, стал зернышком, а воробей склевал его.

А Елена Премудрая навела зеркальце на землю, на небо, на воду — нету Ивана. Все есть в зеркальце, а что нужно, того нет. Осерчала премудрая Елена, бросила зеркальце об пол, и оно разбилось. Пришла тогда в горницу Дарья-прислужница, собрала в подол осколки от зеркальца и унесла их в черный угол двора.

Открыла Елена Премудрая отцовскую книгу. И читает там: «Иван в зерне, а зерно в воробье, а воробей сидит на плетне».

Велела тогда Елена Дарье позвать с плетня воробья: пусть воробей отдаст зернышко, а не то его самого коршун съест.

Пошла Дарья к воробью. Услышал Дарью воробей, испугался и выбросил из клюва зернышко. Зернышко упало на землю и обратилось в Ивана. Стал он как был.

Вот Иван является опять пред Еленой Премудрой.

— Казни меня теперь, — говорит, — видно, и правда я бесталанный, а ты премудрая.

— Завтра казню, — сказывает ему царица. — Завтрашний день я на остатний кол твою голову повешу.

Лежит вечером Иван в сенях и думает, как ему быть когда утром надо помирать. Вспомнил он тогда свою матушку. Вспомнил, и легко ему стало — так он любил ее.

Глядит он — идет Дарья и горшок с кашей ему несет.

Поел Иван кашу. Дарья ему и говорит:

— Ты царицу-то нашу не бойся. Она не дюже злая.

А Иван ей:

— Жена мужу не страшна. Мне бы только успеть уму-разуму ее научить.

— Ты завтра на казнь-то не спеши, — Дарья ему говорит, — а скажи, у тебя дело есть, помирать, мол, тебе нельзя: в гости матушку ждешь.

Вот наутро говорит Иван Елене Премудрой:

— Дозволь еще малость пожить: я матушку свою увидеть хочу, — может, она в гости придет.

Поглядела на него царица.

— Даром тебе жить нельзя, — говорит. — А ты утаись от меня в третий раз. Не сыщу я тебя, живи, так и быть.

Пошел Иван искать себе тайного места, а навстречу ему Дарья-прислужница.

— Обожди, — велит она, — я тебя укрою. Я твое добро помню.

Дунула она в лицо Ивана, и пропал Иван, превратился он в теплое дыхание женщины. Вдохнула Дарья и втянула его себе в грудь. Пошла потом Дарья в горницу, взяла царицыну книгу со стола, отерла пыль с нее да открыла ее и дунула в нее: тотчас дыхание ее обратилось в новую заглавную букву той книги, и стал Иван буквой. Сложила Дарья книгу и вышла вон.

Пришла вскоре Елена Премудрая, открыла книгу и глядит в нее: где Иван? А книга ничего не говорит. А что скажет, непонятно царице; не стало, видно, смысла в книге. Не знала того царица, что от новой заглавной буквы все слова в книге переменялись.

Захлопнула книгу Елена Премудрая и ударила ее обзечь.

Все буквы рассыпались из книги, а первая, заглавная, буква как ударилась, так и обратилась в Ивана.

Глядит Иван на Елену Премудрую, жену свою, глядит и глаз отвести не может. Засмотрелась тут и царица на Ивана, а засмотревшись, улыбнулась ему. И стала она еще прекраснее, чем прежде была.

— А я думала,— говорит она,— муж у меня мужик бесталанный, а он и от волшебного зеркала утаился, и книгу мудрости перехитрил!

Стали они жить в мире и согласии и жили так до поры до времени. Да спрашивает однажды царица у Ивана:

— А чего твоя матушка в гости к нам не идет?

Отвечает ей Иван:

— И то правда! Да ведь и батюшки твоего нету давно! Пойду-ка я наутро за матушкой да за батюшкой.

А наутро чуть свет матушка Ивана и батюшка Елены Премудрой сами в гости к своим детям пришли. Батюшка-то Елены дорогу ближнюю в ее царство знал; они коротко шли и не притомились.

Иван поклонился своей матушке, а старику так в ноги упал..

— Худо, — говорит, — батюшка! Не соблюдал я твоего запрету. Прости меня, бесталанного!

Обнял его старик и простил.

— Спасибо тебе, — говорит, — сынок. В платье заветном прелесть была, в книге — мудрость, а в зеркальце — вся видимость мира. Думал я, собрал для дочери приданое, не хотел только дарить его до времени. Все я ей собрал, а того не положил, что в тебе было, — главного таланту. Пошел я было за ним далече, а он близко оказался. Видно, не кладется он и не дарится, а самим человеком добывается.

Заплакала тут Елена Премудрая, поцеловала Ивана, мужа своего, и попросила у него прощения.

С тех пор стали жить они славно — и Елена с Иваном, и родители их — и до сей поры живут.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедem.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палаая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падалю: зверям — кости, птицам — мясо,

кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол.— За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнал за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сразаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка,— говорит, — отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич.— Я сам в су-точки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточные ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй,— говорит Иван-царевич,— как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван — купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья; наконец выбрался на равнину и на той равнине увидал дом.

Вошел в комнаты, ходил, ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван — купеческий сын откусил от каждого хлеба по малому кусочку, съел и потом из всех трех бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетает орел, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб да вино у нас початы! — говорит орел.

— И то правда,— отвечает сокол,— видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать. Говорит орел:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею.

Иван — купеческий сын вышел из-за двери; они его ласково приняли и назвали своим братцем.

На другой день стал орел просить Ивана — купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван — купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана — купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван — купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ивана — купеческого сына: послужи-де службу еще один год! Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван — купеческий сын прожил целый год один-одинехонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вошли,

поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орел:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Средний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее, никто тебя не осилит!

Иван — купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти.

Иван — купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван — купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван — купеческий сын так мудр и силен?

Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выспрашивать:

— Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает:

— Зачем это веник изукрасила?

— А затем, — говорит Елена Прекрасная, — что в нем твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка в рогах.

Она приказала вызолотить быку рога.

На другой день Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем, — отвечает Елена Прекрасная, — что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выспрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила? Иван — купеческий сын и выдал ей тайну:

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке. После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана — купеческого сына по чисту полю разбросано; уж

вороны слетелись клевать его.

На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидели мертвого брата.

Бросился сокол вниз, убил с налету вороненка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мертвой и живой воды!

Ворон полетел и принес мертвой и живой воды.

Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана — купеческого сына, спрыснули сперва мертвою водою, а потом живою.

Иван — купеческий сын встал, поблагодарил их: они дали ему золотой перстень.

Только Иван — купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает;

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи ее своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула — красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотиться, — увидел золотого селезня. «Дай, — думает, — живьем поймаю!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану — купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея.

После того пришел Иван — купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную прогнал, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время — заболел старик и помер. Остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с

неделю и приели весь хлеб, что в запасе был.

Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно — не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковигов, пойдя попроси у соседей лошадь, поезжай в город да купи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадей и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками — собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы, за что вы бедного пса так бьете немилостиво?

— Да как его не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуйста, купи, — говорит один мужик шутя. — Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать;

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься! Какое там счастье?

— А вот он, Журка! — и показывает ей собаку.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

— Нам, — говорит, — самим есть нечего, нынче последние поскребушки по закромам собрала да лепешку испекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

— Пстой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчишке, а кота посадил в мешок и повез домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.

— Ах ты дурак этакой! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошел Мартынка в соседнее село искать работу. Идет дорогою, а следом за ним Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идешь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне. Только я работников без ряды беру: кто у меня прослужил три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал. Пришел срок к расплате, зовет его хозяин:

— Ну, Мартынка, иди — получай за свою службу.

Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери.

— Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

«Эта шутка неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места. Шел, шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красна девица:

— Мартын, вдовьин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собою этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Невелико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

— Не бойся! — сказала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней — ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея,

ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

— Ступай за мной! — говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет — все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

— Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от злой, неминуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привел.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и злата, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовьин сын;

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье! Да смотри никому про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовьин сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Близко ли, далеко ли, скоро ли, Коротко ли — воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает ее свахою.

— Ступай, — говорит, — к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

— Эй, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе, лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду? Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит, смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответа и домой не возвращайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

— Ах вы такие-сякие! — закричала старуха. — Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар — твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

— Что ты! Или с ума сошла? — закричал на нее король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки постройт богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу опрашивать. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен. А если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идет она домой — шатается, горячими слезами заливаясь. Увидала Мартынку. Кинулась к нему.

— Ну, — говорит, — сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты все свое! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными...

— Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись почивать — утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын, вдовьин сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы. Да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцев:

— К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается.

Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королевну и велит к венцу снаряжаться.

— Ну, — говорит, — не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королевна умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын, вдовьин сын, вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и

шестерку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляску чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьин сын, прекрасную королевну за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка, что ни день, все новые дворцы строит да сады разводит.

Только королевне больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисою, что и на поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость выпрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был Мартынка у короля в гостях, вернулся домой поздно и лег отдохнуть. Тут королевна и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать — и таки умаслила: не утерпел Мартышка, рассказал ей про свое чудодейное колечко.

«Ладно, — думает королевна, — теперь я с тобою разделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королевна хватить его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно, прекрасная королевна?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, все будет исполнено!

В ту же минуту подхватило ее ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думал король. — Куда все делось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевны и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить — пусть умрет с голоду. Явились

каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьет день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит мурлыкает. Напустилась на него Журка:

— Ах ты подлец Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Вот Васька соскочил с печи и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина. Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив,— отвечает Мартынка.— Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.

— Постой, не тужи! Мы тебя и накормим и напоим,— сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю.— Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь. Пойдем-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собою у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другой, отдал другую — побежал за третьей.

После того задумали кот Васька да собака Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо. Дорога дальняя, много времени утечет...

Натаסקали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу. Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь? Отвечает Васька:

— Я плавать не мастак, сейчас потону.

— Ну, садись ко мне на спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство.

В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен; как пошел расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю наклал большую скирду.

На все царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолился перед Журкою и Васью:

— Бью челом вам, сильногомучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева. Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твоё сгинет: все как есть запустошим!

— Пойдите,— говорит мышиный царь,— я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмётся ли кто из них пробраться во дворец к королеве и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

— Я,— говорит,— в том дворце часто бываю: днём королева носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладёт его в рот.

— Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, не поскуплюсь, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит — королева крепко спит. Он вполз на постель, всунул королеве в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрах. Она чихнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильногомучим богатырям — коту Васье да собаке Журке. Они на том царю благодарились и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережёт?

Кот Вася говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно,— говорит Журка.— Смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря. Вася вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море.

Плывёт час, плывёт другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел чёрный ворон, пристал к Васе и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдёшь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец немоготу стало — продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озлобился Вася, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Чёрный ворон поднялся вверх и улетел в тёмные леса.

А Журка, как скоро выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Вася стоит голову понуривши.

— Прости, — говорит,— виноват, брат, перед тобою: ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

— Ах ты олух! Счастлив ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков ловить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить его во все стороны!

— Не душите меня, сильномогучие богатыри! Я — царь над всеми раками. Что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твоё царство до конца разорим! Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

— Я, — говорит, — знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они гоняли-гоняли ее — просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, теребите ее немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. «Ну, — думает, — досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги — что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие куски разорву!

Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли — нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминуемой. Васька усмотрел в поле березку, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

— Ладно! — говорит Журка. — Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую. Помирились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу. Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не воротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — тотчас явились к нему двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно?

— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену. Чтобы к утру все было готово.

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подозрную трубочку: где избышка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все стало по-прежнему или только ему это привиделось. Мартынка встречает его у ворот.

— Так и так, — докладывает, — вот что со мной королева сделала!

Король присудил ее наказать. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мля Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами зааалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, что бы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высотой. Кругом мужички пахут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

ИВАН-КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЧУДО-ЮДО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они — не ленились, с утра до ночи трудились: пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве дурная весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, все города-села огнем спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А старшие сыновья утешают их:

— Не горюйте, батюшка и матушка! Пойдем мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть! А чтобы вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка останется: он еще очень молод, чтоб на бой идти.

— Нет,— говорит Иванушка,— не хочу я дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!

Не стали старик со старухой его удерживать да отговаривать. Снарядили они всех троих сыновей в путь-дорогу. Взяли братья дубины тяжелые, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали.

Долго ли, коротко ли ехали — встречается им старый человек.

— Здорово, добрые молодцы!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда это вы путь держите?

— Едем мы с поганым чудом-юдом биться, сражаться, родную землю защищать!

— Доброе это дело! Только для битвы вам нужны не дубинки, а мечи булатные.

— А где же их достать, дедушка!

— А я вас научу. Поезжайте-ка вы, добрые молодцы, все прямо. Доедете вы до высокой горы. А в той горе — пещера глубокая. Вход в нее большим камнем завален. Отвалите камень, войдите в пещеру и найдете там мечи булатные.

Поблагодарили братья прохожего и поехали прямо, как он учил. Видят — стоит гора высокая, с одной стороны большой серый камень привален. Отвалили братья тот камень и вошли в пещеру. А там оружия всякого — и не сочтешь! Выбрали они себе по мечу и поехали дальше.

— Спасибо,— говорят,— прохожему человеку. С мечами-то нам куда сподручнее биться будет!

Ехали они, ехали и приехали в какую-то деревню. Смотрят — кругом ни одной живой души нет. Все повыжжено, поломано. Стоит одна маленькая избушка. Вошли братья в избушку. Лежит на печке старуха да охает.

— Здравствуй, бабушка! — говорят братья.

— Здравствуйте, молодцы! Куда путь держите?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост. Хотим с чудом-юдом сразиться, на свою землю не допустить.

— Ох, молодцы, за доброе дело взялись! Ведь он, злодей, всех разорил, разграбил! И до нас добрался. Только я одна здесь уцелела...

Переночевали братья у старухи, поутру рано встали и отправились снова в путь-дорогу.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. По всему берегу лежат мечи да луки поломанные, лежат кости человеческие.

Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

— Ну, братцы, — говорит Иван, — заехали мы в чужедальнюю сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди в дозор ходить, чтоб чудо-юдо через калиновый мост не пропустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прошел он по берегу, посмотрел за реку Смородину — все тихо, никого не видать, ничего не слышать. Лег старший брат под ракитов куст и заснул крепко, захрапел громко.

А Иван лежит в избушке — не спится ему, не дремлет. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине.

Смотрит — под кустом старший брат спит, во всю мочь храпит. Не стал Иван его будить. Спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — подъезжает чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста — конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиголовое:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, черный ворон, встрепенулся? Почему ты, черный пес, ошетинился? Или вы чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился! Я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван — крестьянский сын из-под моста и говорит:

— Не хвались, чудо-юдо поганое! Не подстрелил ясного сокола — рано перья щипать!

Не узнал доброго молодца — нечего срамить его! Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они, поравнялись, да так ударились, что кругом земля загудела.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван — крестьянский сын с одного взмаха сшиб ему три головы.

— Стой, Иван — крестьянский сын! — кричит чудо-юдо. — Дай мне передохнуть!

— Что за отдых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна. Вот как. будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились.

Иван — крестьянский сын отрубил чуду-юду и последние три головы. После того рассек туловище на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся и спать улегся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала!

Иван ему ни словечка на это не сказал.

На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, походил, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он тотчас снарядился, взял свой острый меч и пошел к реке Смородине. Спрятался под калиновый мост и стал караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — подъезжает чудо-юдо девятиголовое. Только на калиновый мост въехал — конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес ошетинился... Чудо-юдо коня плеткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам!

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, черный ворон, встрепенулся? Почему ты, черный пес, ошетинился? Или чуете вы, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван — крестьянский сын из-под калинового моста:

— погоди, чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Еще посмотрим, чья возьмет!

Как взмахнул Иван своим булатным мечом раз-другой, так и снес у чуда-юда шесть голов. А чудо-юдо ударил — по колени Ивана в сырую землю вогнал. Иван — крестьянский сын захватил горсть песка и бросил своему врагу прямо в глазищи. Пока чудо-юдо глазищи протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом рассек туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Лег и заснул, будто ничего не случилось.

Утром приходит средний брат.

— Ну что, — спрашивает Иван, — не видал ли ты за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал.

— Ну, коли так, пойдемте со мной, братцы дорогие, я вам и комара и муху покажу.

Привел Иван братьев под калиновый мост, показал им чудо-юдовы головы.

— Вот, — говорит, — какие здесь по ночам мухи да комары летают. А вам, братцы, не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья. — Сон, — говорят, — повалил... На третью ночь собрался идти в дозор сам Иван.

— Я, — говорит, — на страшный бой иду! А вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой посвист — выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришел Иван — крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым мостом, дожидается.

Только пошло время за полночь, сырая земля заколебалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завывали, на дубах орлы закричали. Выезжает чудо-юдо двенадцатоголовое. Все двенадцать голов свистят, все двенадцать огнем-пламенем пышут. Конь у чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медная, хвост и грива железные. Только въехал чудо-юдо на калиновый мост — конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, черный пес позади ошетинился. Чудо-юдо коня плеткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам!

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, черный ворон, встрепенулся? Почему, черный пес, ошетинился? Или чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: только дуну — и праху его не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван — крестьянский сын:

— погоди, чудо-юдо, хвалиться: как бы тебе не осрамиться!

— А, так это ты, Иван — крестьянский сын? Зачем пришел сюда?

— На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей храбрости испробовать!

— Куда тебе мою храбрость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван — крестьянский сын чуду-юду:

— Пришел я не сказки тебе рассказывать и не твои слушать. Пришел я насмерть биться, от тебя, проклятого, добрых людей избавить!

Размахнулся тут Иван своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем, к шеем приложил, и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Ивану: чудо-юдо свистом его оглушает, огнем его жжет-палит, искрами его осыпает, по колени в сырую землю его вгоняет.. А сам посмеивается:

— Не хочешь ли ты отдохнуть, Иван — крестьянский сын?

— Что за отдых? По-нашему — бей, руби, себя не береги! — говорит Иван.

Свистнул он, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья его ждали. Рукавица все стекла в окна повыбила, а братья спят, ничего не слышат.

Собрался Иван с силами, размахнулся еще раз, сильнее прежнего, и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем, к шеем приложил — и опять все головы на местах. Кинулся он тут на Ивана, забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван — дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван — крестьянский сын, срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем, к шеем приложил — головы опять приросли. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в сырую землю по самые плечи...

Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась, чуть по бревнам не раскатилась. Тут только братья проснулись, слышат — Иванов конь громко ржет да с цепей рвется.

Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами побежали.

Иванов конь прискакал, стал бить чудо-юдо копытами. Засвистел чудо-юдо, зашипел, начал коня искрами осыпая.

А Иван — крестьянский сын тем временем вылез из земли, изловчился и отсек чудо-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы. Сшиб все до единой! Туловище на мелкие части рассек и побросал в реку Смородину.

Прибегают тут братья.

— Эх, вы! — говорит Иван. — Из-за сонливости вашей я чуть головой не поплатился!

Привели его братья к избушке, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

Поутру рано Иван встал, начал одеваться-обуваться.

— Куда это ты в такую рань поднялся? — говорят братья. — Отдохнул бы после такого побоища!

— Нет, — отвечает Иван, — не до отдыха мне: пойду к реке Смородине свой кушак искать — обронил там.

— Охота тебе! — говорят братья. — Заедем в город — новый купишь.

— Нет, мне мой нужен!

Отправился Иван к реке Смородине, да не кушак стал искать, а перешел на тот берег через калиновый мост и прокрался незаметно к чудо-юдовым каменным палатам. Подошел к открытому окошку и стал слушать — не замышляют ли здесь еще чего?

Смотрит — сидят в палатах три чудо-юдовы жены да мать, старая змеиха. Сидят они да сговариваются.

Первая говорит:

— Отомщу я Ивану — крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперед, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама обернусь колодцем. Захотят они воды выпить — и с первого же глотка мертвыми свалятся!

— Это ты хорошо придумала! — говорит старая змеиха.

Вторая говорит:

— А я забегу вперед и обернусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть — тут их и разорвет на мелкие кусочки!

— И ты хорошо придумала! — говорит старая змеиха.

— А я, — говорит третья, — напущу на них сон да дрему, а сама забегу вперед и обернусь мягким ковром с шелковыми подушками. Захотят братья полежать-отдохнуть — тут-то их и спалит огнем!

— И ты хорошо придумала! — молвила змеиха. — Ну, а если вы их не сгубите, я сама обернусь огромной свиньей, догоню их и всех троих проглочу!

Подслушал Иван — крестьянский сын эти речи и вернулся к братьям.

— Ну что, нашел ты свой кушак? — спрашивают братья.

— Нашел.

— И стоило время на это тратить!

— Стоило, братцы!

После того собрались братья и поехали домой.

Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, такой знойный. Пить хочется — терпенья нет! Смотрят братья — стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает. Говорят они Ивану:

— Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьем и коней напоим!

— Неизвестно, какая в том колодце вода, — отвечает Иван. — Может, гнилая да грязная.

Соскочил он с коня и принялся мечом сечь да рубить этот колодец. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала — пить не хочется.

— Вот видите, братцы, какая вода в колодце была, — говорит Иван.

Поехали они дальше. Долго ли, коротко ли ехали — увидели яблоньку. Висят на ней яблоки, крупные да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать. А Иван забежал вперед и давай яблоню мечом под самый корень рубить. Завыла яблоня, закричала...

— Видите, братцы, какая это яблоня? Невкусные на ней яблочки!

Сели братья на коней и поехали дальше. Ехали они, ехали и сильно утомились. Смотрят — разостлан на поле ковер узорчатый, мягкий, а на нем подушки пуховые.

— Полежим на этом ковре, отдохнем, подремлем часок! — говорят братья.

— Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать! — отвечает им Иван.

Рассердились на него братья:

— Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ ни словечка не сказал. Снял он свой кушак, на ковер бросил. Вспыхнул кушак пламенем и сгорел.

— Вот с вами то же было бы! — говорит Иван братьям.

Подошел он к коври и давай мечом ковер да подушки на мелкие лоскутья рубить. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

— Напрасно вы, братцы, ворчали на меня! Ведь и колодец, и яблоня, и ковер — все это чудо-юдовы жены были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Много ли, мало ли проехали — вдруг небо потемнело, ветер завыл, земля загудела: бежит за ними большущая свинья. Разинула пасть до ушей — хочет Ивана с братьями проглотить. Тут молодцы, не будь дурны, вытащили из своих котомок дорожных по пуду соли и бросили свинье в пасть.

Обрадовалась свинья — думала, что Ивана — крестьянского сына с братьями схватила. Остановилась и стала жевать соль. А как распробовала — снова помчалась в погоню.

Бежит, щетину подняла, зубищами щелкает. Вот-вот нагонит...

Тут Иван приказал братьям в разные стороны скакать: один направо поскакал, другой — налево, а сам Иван — вперед.

Подбежала свинья, остановилась — не знает, кого прежде догонять.

Пока она раздумывала да в разные стороны мордой вертела, Иван подскочил к ней, поднял ее да со всего размаха о землю ударил. Рассыпалась свинья прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял.

С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись — без страха люди жить стали.

А Иван — крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери. И стали они жить да поживать, поле пахать да пшеницу сеять.

ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА

Как слышал сказку, так и рассказываю.

В стародавние годы жили да были муж с женой. И росла у них дочка пригожая. Всем девица взяла: и ростом, и дородством, и угожеством.

Глядя на нее, люди радовались: со всеми девушка приветливая, ласковая, обходительная. Всем торопилась помочь чем могла.

Но вот пристигло несчастье, пришла беда. Умерла у девушки мать.

Много ли, мало времени прошло — женился отец на вдове. А вдовица свою дочь в дом привела. И стало в семье четверо.

Сиротой жить нерадостно, а при мачехе стало и того хуже.

Родную дочь она нежила, тешила, а падчерицу невзлюбила с первого дня.

С петухами сирота вставала, слезами умывалась, до полуночи по хозяйству управлялась. И пряла, и ткала, и по воду ходила, и дрова носила, и коров доила.

А злая баба только покрикивала:

— Неумелица ты, негодница! Хлебоежа на мою голову досталась!

Вот открыл как-то раз отец сундук, что от первой жены остался. А в сундуке и душегрея, мехом отороченная, и кокошник, жемчугами унизанный, и полсапожки сафьяновые, и перстенок золотой с камушком дорогим, и одежда разная.

— Поделим поровну, и будет у наших дочерей приданое,— сказал отец.

А завистливые мачеха со своей дочерью затаили черную думу.

— Экое богатство делить на две доли,— мачеха шептала дочери. — Да с таким-то приданным мы и купеческого сына найдем. Не за мужика выйдешь, за лапотника. Только не оплошай!

Прошло сколько-то времени после того разговора, собрались девушки по ягоды идти. А отец шутейно им и говорит:

— Ну вот, кто из вас больше ягод принесет, той при деле же приданого чуть побольше достанется.

Ходят девушки по лесу, аюкаются, берут ягоды. А как за вечерело, сошлись они на полянке. Глянула мачехина дочь — батюшки светы, у стариковой дочери корзинка полным-полна, а у нее всего ничего, лишь на доньшке! Тут и припомнились материны речи: не делить приданого на две доли...

И как проходили через болото, выхватила мачехина дочь у сводной сестры корзину с ягодами и столкнула ее с перекадин-жердочек в бездонную топь.

— Тону я, погибаю, сестрица милая,— взмолилась девица,— помоги мне!

— Стану я тебе помогать! Тони, из этой топи не выкарабкаешься. А все приданое мне одной достанется! — крикнула мачехина дочь.

Перебралась через болото и бегом побежала домой. Дорогой пересыпала в свой кузов

ягоды — чистые, крупные, одна к одной, а корзинку сводной сестры закопала в мох.

— Умница, моя разумница! — встретила ее мать. — Посмотри, старик, сколько ягод моя дочка набрала!

— А чего не вместе пришли? — спросил отец.

— Разошлись мы с ней, — ответила мачехина дочь, — аукалась я, аукалась, да никто мне не откликнулся; думаю, раньше меня набрала корзинку и ушла домой.

— Ну где ей, доченька, раньше тебя управиться. Уснула где-нибудь, вот и не услышала тебя! — засмеялась баба.

Вечер прошел и ночь прошла. Поутру старик рано встал.

— Надо идти искать, — говорит, — видно, беда стряслась. Собрал соседей. Пошли они в лес. И бабина дочь с ними.

— Вот здесь, — рассказывает, — мы разошлись и больше не виделись.

Ходили-ходили день с утра до вечера, да так ни с чем и воротились.

Лето уже на исходе. Идет-бредет по тем тропам старичок странник. Ступил на жердочки-перекладины, а на теплом месте растет травяная дудка. Срезал ту дудку старик, приложил к губам и только подул в нее, как слышит: заиграла, запела дудка, жалобно запричитала:

— Поиграй, поиграй, дедушка.
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было две сводные сестрицы,
И вот меня загубили,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
В гнилом болоте утопили!

И вот пришел старик странник поздно вечером в ту деревню, попросился в крайнюю избу ночевать, как раз в тот дом, где сирота-девица потерялась.

После ужина заговорил старик странник:

— Неподалеку от вашей деревни срезал я дудочку. Такая забавная: сама поет-выговаривает. Возьми-ка, хозяин, подуй в эту дудочку!

Чуть только подул хозяин в дудочку, как заговорила, запела она:

— Поиграй, поиграй, мой батюшка,
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было две сводные сестрицы,
И вот меня загубили,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
В гнилом болоте утопили!

С лица старик сменился. Протянул дудочку падчерице:

— Ну-ка, ты поиграй!

Только поднесла она дудочку к губам, как заиграла, запела дудочка:

— Поиграй, поиграй, сестрица сводная,
Поиграй, поиграй, лиходейка,
Поиграй, поиграй, душегубка!
Ты меня убила,
В гнилом болоте утопила,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
Жизни лишила!

Кинулся отец за понятыми. Девку-лиходейку, а заодно и мать, злую бабу, связали, приставили караул.

А отец с понятыми да со стариком странником на болото побежали. Поискали, поискали и в скором времени вытащили девушку. Обмыли ее, обрядили. Тут она открыла глаза, промолвила:

— Ой, как долго мне спалось да много во сне виделось! Не держи, родимый батюшка, ни бабы-лиходейки, ни дочери-злодейки. Не будет от них житья ни тебе, ни мне.

Простил отец на радости злую бабу и падчерицу-злодейку, прогнал их со двора:

— Ступайте, откуда пришли!

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич.

Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною.

Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам и спрашивает:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

— Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько мечом бьет, сколько конем топчет; перебил все воинство вражее, воротился в город, лег спать и спал трое суток беспробудным сном.

На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сестрам:

— Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще

прежнего грозит.

— Какой же ты воин! Сутки воевал да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном шесть суток.

На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сестрам:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, еще пуще грозит.

— Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток.

На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов:

— Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Белого Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать по правде.

Затем попрощался с сестрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — заехал он в темный лес; видит — избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда бог несет?

— Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

— Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли.

Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Слуги мои верные, птицы перелетные! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

— Нет, видом не видали, слухом не слышали!

— Ну, Иван-царевич,— говорит стар человек,— ступай теперь к моему старшему брату

— может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою: куда клубочек покатится, туда и коня направляй.

Иван-царевич сел на своего доброго коня, покати́л клубочек и поехал всле́д за ним, а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит — седой как лунь.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

— Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

— А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу— и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Слуги мои верные, звери порыскавшие! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?

— Нет,— отвечают звери,— видом не видали, слыхом не слыхали.

— А ну, рассчитайтесь промеж себя: может, не все пришли.

Звери рассчитались — нет кривой волчицы. Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее.

— Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

— Как мне его не знать, коли я при нем завсегда живу: он войска побивает, а я мертвым трупом питаюсь.

— Где же он теперь?

— В чистом поле на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягой — золотой ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать.

— Проводи туда Ивана-царевича.

Волчица побежала, а всле́д за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер — Белый Полянин крепким сном почивает.

«Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?» Подумал-подумал Иван-царевич и лег с ним рядом.

Тут прилетела в шатер малая птичка, вьется у самого изголовья и говорит таковые слова:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то он

встанет да тебя убьет!

Иван-царевич вскочил и выгнал птичку из шатра вон, а сам лег и крепко заснул.

Пришла пора — пробудился Белый Полянин, смотрит — рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет,— думает,— он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его».

Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

— Добрый ли, худой ли человек? Говори, как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

— Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать.

— Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, выспался, можно тебя за то смерти предать!

— Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди — может, споткнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копыта вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали.

Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

— Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом.

— Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягой — золотой ногою воюешь. За что у вас война?

— Есть у нее полонянка-красавица, хочу добыть да жениться.

— Ну, — сказал царевич, — коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга — золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи.

Баба-яга наутек бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал — как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землею.

Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи снимать да ремни резать; из тех ремней канат свили — да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет.

Говорит царевич Белому Полянину:

— Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать бабу-ягу. Шел, шел, смотрит — за решеткой портные сидят.

— Что вы делаете?

— А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для бабы-яги — золотой ноги.

— Как же вы шьете?

— Известно как: что кольнешь иглою, то и казак с пикой, на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить.

Они тотчас выстроились в один ряд, а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел Дальше.

Шел, шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят.

— Что вы тут делаете?

— Сидим да войско готовим для бабы-яги — золотой ноги.

— Как же вы, братцы, войско готовите?

— А вот как: что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу.

Вот они стали в ряд. Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников — и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли — добрался он до большого города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит девица красоты неописанной.

Увидала она в окно добра молодца, зазвала к себе, расспросила, куда и зачем идет.

Он ей сказал, что ищет бабу-ягу — золотую ногу.

— Ах, Иван-царевич, ведь это меня ищет Белый Полянин, а баба-яга теперь спит непробудным сном, залегла на двенадцать суток.

Иван-царевич пошел к бабе-яге — золотой ноге, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

— Бей еще, Иван-царевич!

— Богатырский удар и один хорош! — отвечал царевич, воротился в терема к красной девице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать:

— Есть ли в свете краше тебя?

— Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная.

Иван-царевич взял красную девицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул, тянул и вытащил царевича с красной девицей.

— Здравствуй, Белый Полянин, — сказал Иван-царевич, — вот тебе невеста, живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную

королевну и женился на ней; после того воротился домой Ё стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА

Жил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был всем хорош — и лицом и нравом, да отец-то его плох: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать.

Увидел король раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами:

— Стой, старик! Откудова ты?

— Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у лешего.

— А как вы зверей ловите?

— Да леший наставит петли-леса, зверь глуп — и попадет.

— Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам: укажи мне, где леса ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои леса поделал.

Вот сидит леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идет мимо столба, а леший кричит ему:

— Королевское дитя! Выпусти меня: я тебе сам пригожусь. Пожалел королевич лешего:

— Да как же я тебя выпущу?

— А пойдй к своей матери, улучи минуту, вытащи ключ у ней из кармана да меня и выпусти.

Королевич так и сделал: вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил ее далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу; мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпер железный столб и высвободил лешего.

Пошел леший рвать королевские леса!

Видит король, что звери больше не попадают, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, лешего выпускала? И созвал король бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять, али в ссылку сослать?

Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то все дело было.

Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя. Присудили отпустить его на все четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышел королевич с дядькою в чистое поле. Шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — и увидали колодезь. Говорит королевич дядьке:

— Ступай за водою!

— Нейду! — отвечает дядька.

Пошли дальше, шли, шли — опять колодезь.

— Ступай принеси воды! Мне пить хочется, — просит дядьку королевский сын в другой

раз.

— Нейду! — говорит дядька.

Вот еще шли, шли — попадаетея третий колодезь, дядька опять нейдет, и пошел за водою сам королевич.

Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит:

— Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичем.

Нечего делать, королевич согласился. Потом поменялись они платьями и отправились дальше.

Вот пришли они в иное государство, идут к царю во дворец — дядька впереди, а королевич позади.

Стал дядька жить у того царя в гостях: и ест и пьет с ним за одним столом.

Вот и говорит дядька царю:

— Ваше царское величество! Возьмите моего слугу хоть на кухню.

Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить.

Немного прошло времени — выучился королевич готовить кушанья лучше царских поваров.

Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог.

Сел царь обедать, подают пирог; царь только было за нож взялся, как бежит главный повар:

— Ваше величество! Не извольте кушать.

И наказал на королевича много всякой напраслины.

Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь: собака съела да тут же издохла.

Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом:

— Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнью!

— Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! —

отвечает королевич. — Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете: нарочно меня под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть.

Повел королевич коней на водопой, а навстречу ему леший:

— Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в гости!

— Боюсь, кони разбегутся.

— Ничего, пойдем!

Изба тут же очутилась. У лешего три дочери; спрашивает он старшую:

— А что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня из железного столба выпустил?

Дочь говорит:

— Дам ему скатерть-самобранку.

Вышел королевич от лешего с подарком, смотрит — кони все тут; развернул скатерть —

чего хочешь, того просишь: явились и питье и еда!

На другой день гонит он царских коней на водопой, а леший опять навстречу:

— Пойдем ко мне в гости!

Привел и спрашивает среднюю дочь:

— А ты что королевскому сыну присудишь?

— Я ему подарю зеркальце: что захочешь, все в зеркальце увидишь!

На третий день опять попадается королевичу леший, ведет к себе в гости и спрашивает меньшую дочь:

— А ты что королевскому сыну присудишь?

— Я ему подарю дудочку: только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники.

Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьет хорошо, все знает, все ведаёт, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и на ногу резвы.

Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послала ему судьба славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заприметила: да как и не заметить красной девице добра молодца!

Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других? «Дай, — думает, — пойду в его горницу, посмотрю, как он, бедняжка, поживает?»

Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце — тотчас все смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество. «А если не выдадут, так и силой возьму!» — сказал он и расставил свое войско — тьму-тьмущую.

Плохо пришлось царю: кликнул он клич по всему своему царству, сзывает князей и богатырей: кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество.

Вот собрались князья и богатыри, поехали сражаться против Идолища, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими.

Едет, а навстречу ему леший:

— Куда ты, королевский сын?

— Воевать.

— Да на кляче далеко не уедешь! А еще конюх! Пойдем ко мне в гости!

Привел в свою избу, зачерпнул ему ковш воды. Королевич выпил.

— Много ль в себе силы чувствуешь? — спрашивает леший.

— Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б ее вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почувля бы.

Дал ему другой ковш выпить:

— А теперь много ли силы?

— Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил!

Зачерпнул ему третий ковш:

— А теперь какова твоя сила?

— Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!

Леший зачерпнул воды из другого чана и подал королевичу; королевич выпил — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

После этого вывел его леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом; отколь ни взялся — вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на коленки.

— Вот тебе конь!

Дал ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую.

Выехал королевич на своем вороном коне супротив рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страху трясется. Королевич стегнул его плеткою раз-другой и полетел на вражее воинство; много воинов мечом прирубил, еще больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снес.

А царевна все это видела: не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется.

Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича:

— Чем себя поблагодарить велишь?

— Поцелуй меня, красна девица!

Царевна не устыдилась, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что все войско слышало.

Королевич ударил коня — и был таков!

Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был, а дядька всем хвастает, всем рассказывает:

— Это я был, я Идолище победил!

Царь встретил его с большим почетом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир.

Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю?

— Батюшка, — говорит он царю, — дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты, да прикажи и конюху со мною ехать: я ведь больно к нему привык!

Царь послушался, дал ему корабль и конюха.

Вот они и поехали; близко ли, далеко ли отплыли — дядька приказал сшить куль, посадить в него конюха и пустить в воду.

Царевна глянула в зеркальце, видит — беда! Села в коляску — и поскорей к морю, а на берегу уж леший сидит да невод вяжет.

— Мужичок! Помогите моему горю: злой дядька королевича утопил.

— Изволь, красна девица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки.

Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою, а дома все дочиста отцу рассказала.

Сейчас веселым пирком, да и за свадебку: у царя ни мед варить, ни вино курить — всего вдоволь!

А дядька накупил разных снадобий и воротился назад: входит во дворец, а тут его и

схватили.

Свадьба королевича была веселая. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

БУЛАТ-МОЛОДЕЦ

Жил-был царь, у него был один сын. Когда царевич был мал, то мамы и няньки его прибаюкивали:

— Баю-баю, Иван-царевич! Вырастешь большой, найдешь себе невесту: за тридевять земель, в тридесятом государстве сидит в башне Василиса Кирбительевна — из косточки в косточку мозжечок переливается.

Минуло царевичу пятнадцать лет, стал у отца проситься поехать поискать свою невесту.

— Куда ты поедешь? Ты еще слишком мал!

— Нет, батюшка! Когда я мал был, мамы и няньки меня прибаюкивали и сказывали, где живет моя невеста; а теперь я поеду ее разыскивать.

Отец благословил его и дал знать по всем государствам, что сын его Иван-царевич поехал за невестою.

Вот приезжает царевич в один город, отдал убраться свою лошадь, а сам пошел по улицам погулять.

Идет и видит — на площади человека кнутом наказывают.

— За что,— спрашивает,— вы его кнутом бьете?

— А за то,— говорят,— что задолжал он одному именитому купцу десять тысяч да в срок не выплатил; а кто его выкупит, у того Кошей Бессмертный жену унесет.

Вот царевич подумал-подумал и прочь пошел. Погулял по городу, выходит опять на площадь, а того человека все бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решился он его выкупить.

«У меня, — думает, — жены нету; отнять у меня некого».

Заплатил десять тысяч и пошел домой; вдруг бежит за ним тот самый человек, которого он выкупил, и кричит ему:

— Спасибо, Иван-царевич! Если б ты меня не выкупил, ввек бы не достал своей невесты. А теперь я помогу; купи мне скорее лошадь и седло!

Царевич купил ему и лошадь и седло и спрашивает:

— А как твое имя?

— Меня зовут Булат-молодец.

Сели они на коней и поехали в путь-дорогу; как только приехали в тридесятое государство, говорит Булат-молодец:

— Ну, Иван-царевич, прикажи купить да нажарить кур, уток, гусей — чтоб всего было довольно! А я пойду твою невесту доставать. Да смотри: всякий раз, как я забегу к тебе, ты режь у любой птицы правое крылышко и подавай на тарелочке.

Пошел Булат-молодец прямо к высокой башне, где сидела Василиса Кирбительевна; бросил полегоньку камушком и сломил у башни золоченый верх.

Прибегает к Ивану-царевичу, говорит ему:

— Что ты спишь? Подавай курицу.

Тот отрезал правое крылышко и подал на тарелочке. Булат-молодец взял тарелочку, побежал к башне и закричал:

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и просил меня отдать вам эту курочку.

Она испугалась, сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает:

— Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли Иван-царевич? — Слава богу, здоров! — А что же ты, Булат-молодец, стоишь? Возьми ключик, отопри шкафчик, выпей рюмку водочки и ступай с богом.

Прибегает Булат-молодец к Ивану-царевичу.

— Что сидишь? — говорит. — Подавай утку.

Тот отрезал правое крылышко, подал на тарелочке. Булат взял тарелочку и понес к башне:

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам эту уточку.

Она сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает:

— Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли царевич? — Слава богу, здоров! — А что же ты, Булат-молодец, стоишь? Возьми ключик, отопри шкафчик, выпей рюмочку и ступай с богом.

Прибегает Булат-молодец домой и опять говорит Ивану-царевичу:

— Что сидишь? Подавай гуся.

Тот отрезал правое крылышко, положил на тарелочку и подал ему. Булат-молодец взял и понес к башне:

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам гуся.

Василиса Кирбитьевна тотчас берет ключ, отпирает шкаф и подает ему рюмку водочки. Булат-молодец не берется за рюмку, а хватает девицу за правую руку; вывел ее из башни, посадил к Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, с душой красной девицей во всю конскую прыть. Поутру встает-просыпается царь Кирбит, видит, что у башни верх сломан, а дочь его похищена, сильно разгневался и приказал послать погоню по всем путям и дорогам.

Много ли, мало ли ехали наши витязи — Булат-молодец снял со своей руки перстень, спрятал его и говорит:

— Поезжай, Иван-царевич, а я назад ворочусь, поищу перстень.

Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать:

— Не оставляй нас, Булат-молодец! Хочешь, я тебе свой перстень подарю?

Он отвечает:

— Никак нельзя, Василиса Кирбитьевна! Моему перстню цены нет — мне дала его родная матушка; как давала — приговаривала: носи — не теряй, мать не забывай!

Поскакал Булат-молодец назад и повстречал на дороге погоню; он тотчас всех перебил, оставил только единого человека, чтоб было кому царя повестить, а сам поспешил нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ехали — Булат-молодец запрятал свой платок и говорит:

— Ах, Иван-царевич, я платок потерял; поезжайте вы путем-дорогою, я вас скоро опять нагоню.

Повернул назад, отъехал несколько верст и повстречал погоню вдвое больше; перебил всех и вернулся к Ивану-царевичу.

Тот спрашивает:

— Нашел ли платок?

— Нашел.

Настигла их темная ночь; раскинули они шатер, Булат-молодец лег спать, а Ивана-царевича на караул поставил и говорит ему:

— Каков случай — разбуди меня!

Тот стоял, стоял, утомился, начал клонить его сон, он присел у шатра и заснул.

Откуда ни взялся Кощей Бессмертный — унес Василису Кирбительевну.

На заре очнулся Иван-царевич; видит, что нет его невесты, и горько заплакал. Просыпается и Булат-молодец, спрашивает его:

— О чем плачешь?

— Как мне не плакать? Кто-то унес Василису Кирбительевну.

— Я же тебе говорил — стой на карауле! Это дело Кощей Бессмертного; поедem искать.

Долго-долго они ехали, смотрят — два пастуха стадо пасут.

— Чье это стадо? Пастухи отвечают:

— Кощей Бессмертного.

Булат-молодец и Иван-царевич расспросили пастухов: далеко ль Кощей живет, как туда проехать, когда они со стадом домой ворочаются и куда его запирают? Потом слезли с лошадей, уговорились с пастухами, нарядились в их платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у ворот.

У Ивана-царевича был на руке золотой перстень — Василиса Кирбительевна ему подарила; а у Василисы Кирбительевны была коза — молоком от той козы она и утром и вечером умывалась. Прибежала девушка с чашкою, подоила козу и несет молоко; а Булат-молодец взял у царевича перстень и бросил в чашку.

— Э, голубчики, — говорит девушка, — вы озорничать стали!

Приходит к Василисе Кирбительевне и жалуется:

— Нониче пастухи над нами насмеются, бросили в молоко перстень!

Та отвечает: — Оставь молоко, я сама процежу. Стала цедить, увидала свой перстень и велела послать к себе пастухов.

Пастухи пришли.

— Здравствуйте, Василиса Кирбительевна! — говорит Булат-молодец.

— Здравствуй, Булат-молодец! Здравствуй, царевич! Как вас бог сюда занес?

— За тобой, Василиса Кирбительевна, приехали; нигде Кощей от нас не скроется: хоть на дне моря — и то отыщем!

Она их за стол усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говорит ей Булат-молодец:

— Как приедет Кощей с охоты, расспроси, Василиса Кирбительевна, где его смерть. А теперь не худо нам спрятаться.

Только гости успели спрятаться, прилетает с охоты Кощей Бессмертный.

— Фу-фу! — говорит.— Прежде русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а нониче русский дух воочью является, в уста бросается.

Отвечает ему Василиса Кирбительевна:

— Сам ты по Руси налетался, русского духу нахватайся, так он тебе и здесь чудится!

Кощей пообедал и лег отдыхать; пришла к нему Василиса Кирбительевна, стала спрашивать:

— Насилу дождалась тебя; уж не чаяла в живых увидеть — думала, что тебя лютые звери съели!

Кощей засмеялся:

— Эх, ты! Волос долог, да ум короткий; разве могут меня лютые звери съесть?

— Да где ж твоя смерть?

— Смерть моя в голике, под порогом валяется.

Улетел Кощей, Василиса Кирбительевна побежала к Ивану-царевичу. Спрашивает ее Булат-молодец:

— Ну, где смерть Кошеева?

— В голике под порогом валяется.

— Нет! Надо расспросить его получше.

Василиса Кирбительевна тотчас придумала: взяла голик, вызолотила, разными лентами украсила и положила на стол. Вот прилетел Кощей Бессмертный, увидел на столе вызолоченный голик и спрашивает, зачем это.

— Как же можно, — отвечала Василиса Кирбительевна,— чтоб твоя смерть под порогом валялась; пусть лучше на столе лежит!

— Ха-ха-ха! Волос длинен, да ум короткий; разве здесь моя смерть?

— А где же?

— Моя смерть в козле запрятана.

Василиса Кирбительевна, как только Кощей на охоту уехал, взяла убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила.

Кощей увидел, опять рассмеялся:

— Волос длинен, да ум короткий; моя смерть далече: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть!

Сказал и улетел. Василиса Кирбительевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли с собой запасу и пошли отыскивать Кошееву смерть.

Долго ли, коротко ли шли, запас весь приели и начали голодать. Попадается им собака со щенятами.

— Я ее убью, — говорит Булат-молодец, — нам есть больше нечего.

— Не бей меня,— просит собака,— не делай моих деток сиротами; я тебе сама пригожусь!

— Ну, бог с тобой!

Идут дальше — сидит на дубу орел с орлятами. Говорит Булат-молодец:

— Я убью орла.

Отвечает орел:

— Не бей меня, не делай моих деток сиротами; я тебе сам пригожусь!

— Так и быть, живи на здоровье!

Подходят к океан-моря широкому; на берегу рак ползет. Говорит Булат-молодец: . — Я его пришибу! А рак:

— Не бей меня, добрый молодец! Во мне корысти не много, хоть съешь — сыт не будешь. Придет время — я сам тебе пригожусь!

— Ну, ползи с богом! — сказал Булат-молодец.

Он посмотрел на море, увидел рыбака в лодке и крикнул:

— Причаливай к берегу!

Рыбак подал лодку. Иван-царевич да Булат-молодец сели и поехали к острову; добрались до острова и пошли к дубу.

Булат-молодец ухватил дуб могучими руками и с корнем вырвал; достал из-под дуба сундук, открыл его — из сундука заяц выскочил и побежал что есть духу.

— Ах, — вымолвил Иван-царевич, — если б на эту пору да собака была, она б зайца поймала!

Глядь — а собака уж тащит зайца. Булат-молодец взял его да и разорвал — из зайца вылетела утка и высоко поднялась в поднебесье.

— Ах, — вымолвил Иван-царевич, — если б на эту пору да орел был, он бы утку поймал!

А орел уж несет утку. Булат-молодец разорвал утку — из утки выкатилось яйцо и упало в море.

— Ах, — сказал царевич, — если б рак его вытащил!

А рак уж ползет, яйцо тащит. Взяли они яйцо, приехали к Кощею Бессмертному, ударили его тем яйцом в лоб — он тотчас растянулся и умер.

Брал Иван-царевич Василису Кирбительевну, и поехали в дорогу.

Ехали, ехали, настигла их темная ночь; раскинули шатер, Василиса Кирбительевна спать легла. Говорит Булат-молодец:

— Ложись и ты, царевич, а я буду на часах стоять.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и сделалось двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кошея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбительевну, не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собачку любимую; она вырвется у пса и разорвет царевича на мелкие части. А кто это слышит да ему скажет, тот по колена будет каменный!

Поутру Булат-молодец разбудил царевича и Василису Кирбительевну, собрались и поехали в путь-дорогу.

Настигла их вторая ночь; раскинули шатер в чистом поле. Опять говорит Булат-молодец:

— Ложись спать, Иван-царевич, а я буду караулить.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кошея Бессмертного,

увезли нашу невестушку Василису Кирбительну, не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести своего любимого коня, на котором сызмала привык кататься; конь вырвется у конюха и убьет царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный!

Настало утро, опять поехали.

Настигла их третья ночь; разбили шатер и остановились ночевать в чистом поле. Говорит Булат-молодец:

— Ложись спать, Иван-царевич, а я караулить буду.

Опять в глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбительну, да и вам добра не нажить: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою любимую корову, от которой сызмала молочком питался; она вырвется у скотника и поднимет царевича на рога. А кто нас видит и слышит да ему скажет, тот весь будет каменный!

Сказали, обернулись голубицами и улетели.

Поутру проснулся Иван-царевич с Василисой Кирбительной и отправились в дорогу.

Приехал царевич домой, женился на Василисе Кирбительне и спустя день или два говорит ей:

— Хочешь, я покажу тебе мою любимую собачку? Когда я был маленький, все с ней забавлялся.

Булат-молодец взял свою саблю, наточил остро-остро и стал у крыльца.

Вот ведут собачку; она вырвалась у псая, прямо на крыльцо бежит, а Булат-молодец махнул саблею и разрубил ее пополам.

Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал — ничего не сказал.

На другой день приказал он вывести своего любимого коня; конь перервал аркан, вырвался у конюха и скачет прямо на царевича. Булат-молодец отрубил коню голову.

Иван-царевич еще пуще разгневался, но Василиса Кирбительна сказала:

— Если б не он, — говорит, — ты б меня никогда не достал!

На третий день велел Иван-царевич вывести свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бежит прямо на царевича. Булат-молодец отрубил и ей голову.

Тут Иван-царевич так озлобился, что никого и слушать не стал; приказал позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца.

— Ах, Иван-царевич! Коли ты хочешь меня палачом казнить, так лучше я сам умру. Позволь только три речи сказать...

Рассказал Булат-молодец про первую ночь, как в чистом поле прилетали двенадцать голубиц и что ему говорили — и тотчас окаменел по колена; рассказал про другую ночь — и окаменел по пояс. Тут Иван-царевич начал его упрашивать, чтоб до конца не договаривал. Отвечает Булат-молодец:

— Теперь все равно — наполовину окаменел, так не стоит жить!

Рассказал про третью ночь и оборотился весь в камень.

Иван-царевич поставил его в особой палате и каждый день стал ходить туда с

Василисой Кирбитьевной да горько плакаться.

Много прошло годов; раз как-то плачет Иван-царевич над каменным Булатом-молодцом и слышит — из камня голос раздается:

— Что ты плачешь? Мне и так тяжело!

— Как мне не плакать? Ведь я тебя загубил.

И тут пала горячая слеза Ивана-царевича на каменного Булата-молодца. Ожил он. Иван-царевич с Василисой Кирбитьевной обрадовались и на радостях задали пир на весь мир. На том пиру и я был, мед и вино пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и безупречно, службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся.

Тяжело стало солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать: .

— Куда идешь? Аль батальонный требует?

— Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят. Много ли, мало ли шел — оказался в ином государстве, усмотрел часового и спрашивает:

— Нельзя ли где остановиться и отдохнуть?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор — офицеру, офицер — генералу, генерал доложил самому королю. Король приказал позвать служивого перед свои светлые очи.

Вот явился солдат — как следует, при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

— Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?

— Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься.

— Хорошо, — сказал король, — наймись у меня сад караулить. У меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья,— так ты постарайся, сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит: половина что ни есть лучших деревьев поломана.

«Боже мой! — думает сам с собою. — Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить».

Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался.

Вдруг послышался треск и шум; очнулся добрый молодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валить деревья! Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица по земле

наутек пустилась. Солдат — за нею. Ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти.

После опомнился, встал, осмотрелся. Что же? — и под землей такой же свет.

«Стало быть, — думает, — и здесь есть люди!»

Шел, шел — перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать — часовой молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный!

Вошел солдат в караульню. Народу много — и стоят и сидят, — только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, все как есть камень! Вот и дворец — расписной, вырезной.

Марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему, словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей.

Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками. Солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

— Здравствуй, служивый! Расскажи, — говорит, — какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

— Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать. Вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

— Эта птица — мне родная сестра; много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали, не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

— Ладно! — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать.

Вдруг застучало, загремело — явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются. Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает.

Закричали петухи — и все разом сгнуло!

На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал.

Запели петухи — и наваждение сгнуло!

В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитою, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем.

На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

ВО ЛБУ СОЛНЦЕ, НА ЗАТЫЛКЕ МЕСЯЦ, ПО БОКАМ ЗВЕЗДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич — и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали, он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на бел свет; берет он у царя-отца благословенье и позволение и едет на все четыре стороны, людей посмотреть, себя показать.

Долго ездил, много видел добра и худа и всякой всячины; наконец подъехал к палатам высоким, каменным. Видит: на крылечке сидят три сестрицы-красавицы и между собой разговаривают.

Старшая говорит:

— Если б на мне женился Иван-царевич, я б ему напяла на рубашку тонкую, гладкую, какой во всем свете не спрядут.

Иван-царевич стал прислушиваться.

— А если б меня взял, — сказала средняя, — я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица.

— А я ни прясть, ни ткать не умею, — говорила меньшая, — а если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды.

Иван-царевич все слышал, все запомнил — вернулся к отцу и стал просить позволения жениться. Отец согласился. Женился Иван-царевич на меньшей сестре и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло творить. Подкупили они нянюшек, мамушек и, когда у Ивана-царевича родился сын — а он ждал, что ему поднесут дитя с солнцем во лбу, с месяцем на затылке, с звездами по бокам, — подали ему просто-напросто котенка. Сильно Иван-царевич огорчился, долго сердился, наконец стал ожидать другого сына.

Те же нянюшки, те же мамушки были с царевной, они опять украли ее настоящего ребенка с солнцем во лбу и подложили щенка.

Иван-царевич заболел с горя-печали: очень ему хотелось поглядеть на хорошее детище. Начал ожидать третьего.

В третий раз ему показали простого ребенка, без звезд и месяца. Иван-царевич не стерпел, отказался от жены, приказал ее судить.

Собрались, съехались люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову.

— Нет, — сказал главный судья, — слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить в море; виновата — потонет, права — выплывет.

Выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребенком в бочку и бросили в море.

А Иван-царевич женился на ее старшей сестре, на той самой, что детей его покрала да спрятала подальше от царя в отцовском саду в зеленой беседке.

Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по океану с подкидышком, и рос этот подкидышек не по дням,

а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен и говорит:

— Сударыня матушка! Когда б, по моему прошенью, мы пристали к берегу!

Бочка остановилась.

— Сударыня матушка, когда б, по моему прошенью, наша бочка лопнула!

Только он молвил, бочка развалилась надвое, и они с матерью вышли на берег.

— Сударыня матушка! Какое веселое, славное место; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, когда б здесь явилась банька!

Ту ж минуту как из земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипела. Вошли они, взял он веничек и стал теплою водою промывать больные глаза матери.

— По моему прошенью, когда б моя матушка проглянула!

— Сынок! Я вижу, вижу, глаза открылись!

— По моему прошенью, когда б, сударыня-матушка, твоего батюшки дворец да к нам перешел и с садом и с твоими детками.

Откуда ни взялся дворец, перед дворцом раскинулся сад, в саду на веточках птички поют, посреди беседка стоит, в беседке три братца живут.

Мальчик-подкидышек побежал к ним. Вошел, видит — накрыт стол, на столе три прибора.

Возвратился он поскорее домой и говорит:

— Дорогая сударыня матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке.

Мать послушала. Понес он три лепешечки, разложил на три тарелочки, а сам спрятался в уголок и ожидает: кто придет?

Вдруг комната осветилась — вошли три брата с солнцем, с месяцем, с звездами; сели за стол, отведали лепешек и узнали родимой матери молоко.

— Кто нам принес эти лепешечки? Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли.

Мальчик вышел и повел их к матери.

Тут они обнимались, целовались и плакали. Хорошо им стало жить, было чем и добрых людей угостить.

Один раз шли мимо нищие старцы; их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили. Случилось, те же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; он стоял на крыльце и начал их спрашивать:

— Нищие старцы! Где вы были-побывали, что видали-повидали?

— А мы там были-побывали, то видели-повидали: где прежде был мох да болото, пень да колода, там теперь дворец — ни в сказке сказать, ни пером написать, там сад — во всем царстве не сыскать, там люди — в белом свете не видать! Там мы были-побывали, три родных братца нас угощали:

во лбу у них солнце, на затылке месяц, по бокам часты звезды, и живет с ними и любит на них мать-царевна прекрасная.

Выслушал Иван-царевич и задумался... кольнуло его в грудь, забилося сердце; снял он свой верный меч, взял меткую стрелу, оседлал ретивого коня и, не сказав жене «Прощай!», полетел во дворец — что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Очутился там, глянул на детей, глянул на жену — узнал, и душа его просветлела!

В это время я там была, мед-вино пила, все видела, всем было очень весело, горько только одной старшей сестре.

СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная; скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго Василий, а третьего Семен — малый юныш.

Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну, Ивану:

— Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?

По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытом месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя:

— Кто этот мост мостил да дорогу расчищал — чего бы о у судьбы ни попросил, то бы ему судьба и даровала!

Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового.

— Этот мост, — говорит, — мостил я с отцом да с братьями.

— Чего ж ты желаешь? — спрашивают старцы.

— Вот кабы было у меня денег на век!

— Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой — будет тебе денег на целый век!

Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и камня драгоценного и понес домой.

— Ну, сынок, — спрашивает отец, — видел ли кого, что бы шел али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?

Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает отец среднего сына, Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у судьбы ни попросил то бы ему и далось!

Как услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у судьбы попросишь?

— Вот кабы было у меня хлеба на век!

— Хорошо, поди домой, выруби новину и посеи: будет тебе хлеба на целый век!

Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает отец меньшего сына. Семен — малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у судьбы ни попросил то бы ему судьба и дала!

Семен — малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у судьбы просишь?

— А хочу я служить великому государю в солдатах.

— Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты — к морскому царю в полон попадешь, и много будет твоих слез пролито!

— Все равно хочу служить!

— Ну, коли уж ты захотел идти в царскую службу — иди! — сказали старцы Семену и обратили его в оленя быстрогоного.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца.

Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул.

Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку — золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка. Усмотрели ее отец и братья, бросились ловить; птичка вспорхнула — и назад.

Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят:

— Теперь, Семен — малый юныш, иди на царскую службу.

Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою — золотая головка: мы тебя научили.

Семен — малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу.

— Куда тебе идти, — отвечал отец, — ты еще мал и глуп!

— Нет, батюшка, отпусти.

Отец отпустил, Семен — малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал:

— Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить.

— Говори, Семен — малый юныш!

— Ваше величество! Возьмите меня в военную службу.

— Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?

— Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других.

Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при нем.

Прошло несколько времени, вдруг объявил царю какой-то король жестокую войну. Царь начал в поход сражаться; в урочное время собралось все войско в готовности.

Семен — малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил; вот уж и

неприятель близко — дня через три надо и бой начинать.

В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство.

Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит — в два года, а кто — в один год; в Семен — малый юныш доложил государю:

— Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня.

Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен — малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная. Бежал, бежал устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал, бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку — золотая головка; еще быстрее полетел.

Летел, летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась.

Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит:

— Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?

— А вот как, — отвечал гонец — обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти.

Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти.

Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку. Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе.

Птичка — золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семен — малый юныш обратно к царю.

Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкой и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи.

Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул. В это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал:

— Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семен — малый юныш, верно, года три проходит!

Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен — малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину.

Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь:

— Что, Семен — малый юныш, скучно тебе здесь?

— Скучно, ваше величество!

— Хочешь на русский свет?

— Хочу, если ваша царская милость будет.

Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен — малый юныш подумал: «Кабы солнышко засветило!»

Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен — малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь:

— Что али тебе скучно?

— Скучно! — молвил Семен — малый юныш.

— Хочешь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его в полночь на берег, сам ушел в море. Семен — малый юныш опять подумал: «Кабы солнышко засветило!»

Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину.

Прожил Семен — малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал.

— Что, Семен, скучно тебе? — спрашивает морской царь. — Хочешь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его на берег, сам ушел в море. Семен — малый юныш и говорит:

— Солнышко, покажись, красное, покажись!

И солнце осияло его своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семен — малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой — золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца.

А куда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика.

Семен — малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста.

Увидала его Марья-царевна и говорит царю:

— Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить.

— Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?

— Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он — сейчас пришел! Покажи-ка, Семен — малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом.

Семен — малый юныш оборотился в оленя быстрогоного, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в коем месте она ее срезала, и говорит:

— Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки.

Олень оборотился в зайца. Зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть.

Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою. Птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки.

Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена — малого юныша и сделал его своим наследником.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит — стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом:

— Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

— Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

— Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

— Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство.

Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз попала — словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать

комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх, — думает казак, — куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придется помирять голодною смертью!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес ест.

— Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является.

Лег казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх, — думает, — сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покался, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась — явилась красная девица:

— Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось — избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь. Унес меня Кощей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

— А что за корысть в нем?

— Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет.

— Хорошо, — сказал казак.

Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает казак с королевной к королю. Король увидел свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

— Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

— Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадаетея ему навстречу древний старичок. Просит старик:

— Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился.

Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

— Эй, слуги мои верные! — закричал казак. — Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит:

— Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало.

— Давай поменяемся,— говорит старик казаку,— я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

— А что толку в мече?

— Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь, пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

— Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился.

Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидел рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

— Меч-саморуб! Сослужи-ка службу; поруби войско вражее.

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его верную службу приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, — думает, — не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и еда, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, — думает, — и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился; медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее.

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королевна красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королевна стала его отговаривать:

— Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?

Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек — сполна семечком насыпан — и говорит:

— По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит.

«Экое диво! — подумал солдат. — Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:

— Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомек, что это не купцы, а все черти.

— Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь — в ту ж минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают.

Тотчас узнали его черти.

— Ах, — говорят меж собой, — да ведь это тот самый, что королевну избавил. Давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем. Солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном, а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! — думает. — Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!»

Собралась королева и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола, колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит, не ворохнется. Рассердилась королева и с сердцов проклятье промолвила:

— Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в неизвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевы.

Поздно одумалась королева, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек: направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул: а как проснулся, сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны подымаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?»

Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень.

Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, клочья так и летят.

— Стойте, окаянные! За что вы деретесь?

— Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

— Эх вы! Из таких пустяков бой затеали. Хотите, я вас разделю? Все будете довольны, никого не обижу.

— А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

— Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату.

— Теперь притащите из пекла самый большой котел.

Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и поклали в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

— Ну-ка, — говорит солдат, — пихните теперь вон тот камень; пусть он с горы катится,

а вы трое за ним вдогонку приударьте. Кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери, какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку. Вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле.

Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке; входит — в избушке сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?

— Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей; за столько-то земель — там живет моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет.

Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет — чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?

— Нет, голубчик, не знаю. Поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра; может, она ведает.

— Эх ты, старая! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света; стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну, — думает, — коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!»

Входит в избушку — там сидит баба-яга — костяная нога, седая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?

— Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется!

— Тише, тише! — кричит баба-яга.

И как только собрались ветры, начала их спрашивать:

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?

— Нет, нигде не видали! — отвечают ветры в один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погода прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королева; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал просить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.

— Пожалуй, — говорит южный ветер, — я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся, да смотри не бойся, цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королева.

Говорит ему южный ветер:

— Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

— Что так?

— Потому, если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: все вверх дном поставлю!

— Ну прощай! Спасибо тебе! — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками, а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, а там сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься, сидят да сладкими винами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хватя кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королева в ту же минуту догадалась. «Верно, — думает, — мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

— Была у меня золотая нитка с золотой иглой; я ту иглу потеряла и найти не чаяла, а теперь та игла нашлась. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королева:

— Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

— Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королева. — Золотая нитка — это я, а

золотая иголка — это мой верный муж. Куда иголочка — туда и ниточка.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

ВЕЩИЙ СОН

Жил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз вечером сказал им отец:

— Ну, дети, кому что во сне привидится, поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю.

Вот наутро приходит старший сын и рассказывает отцу:

— Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да еще будто пропала у тебя любимая овца.

— А тебе, Ваня, что привиделось?

— Не скажу! — отвечал Иван.

Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещания одно твердил: «Не скажу!» Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печет его, голод и жажда измучили.

Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидел он купеческого сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал расспрашивать:

— Кто тебя к столбу привязал? — ' Родной отец прогневался.

— Чем же ты провинился?

— Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось.

— Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?

— Не скажу, царевич!

— Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет!

— Отцу не сказал и тебе не скажу!

Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься к Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы.

Увидал ее в окошечко Иван — купеческий сын и закричал громким голосом:

— Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю! Может, и я пригожуся. Ведь я знаю, что царевич поехал к Елене Прекрасной свататься; только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила.

— А ты берешься помочь царевичу?

— Помог бы, да крылья у сокола связаны.

Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы.

Иван — купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъезжают к дремучему лесу, и послышался им страшный крик.

— Стойте, братцы! — говорит Иван. — Подождите немножко, я на тот шум пойду.

Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит — на поляне три старика ругаются.

— Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?

— Эх, младой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а поделиться никак не можем.

— Хотите, я вас разделю?

— Сделай милость!

Иван — купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому — налево, а третьего посылает прямо:

— Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковер-самолет получит; а последний пусть возьмет сапоги-скороходы.

Старики побежали за стрелками, а Иван — купеческий сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам.

— Братцы, — говорит, — пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет.

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной.

Прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор.

— Что вам надобно? — спросил царевич.

— Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца.

Царевич принял их на свою службу и распределил: кого в повара, кого в конюхи, кого куда.

В тот же день нарядился царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими яствами и дорогими напитками и потом стала спрашивать:

— А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?

— Да хочу, Елена Прекрасная, к тебе посвататься; пойдешь ли за меня замуж?

— Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если исполнишь — буду твоя, а нет — готовь свою голову под острый топор.

— Задавай задачу!

— Будет у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему

незнаемому свое под пару.

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван — купеческий сын:

— Что, царевич, невесел? Али чем досадила Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною, тебе легче будет.

— Так и так, — отвечает царевич, — задала мне Елена Прекрасная такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает.

— Ну, это еще небольшая беда! Ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим.

Царевич лег спать, а Иван — купеческий сын надел шапку-невидимку да сапоги-сороходы — и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке:

— Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее.

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошел.

Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван — купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман.

Засуетился бедный башмачник — из-под носу пропала работа; уж он искал, искал, все уголки обшарил — все понапрасну! «Вот чудо! — думает. — Никак, нечистый со мной пошутит!» Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной.

— Экий ты мешкотный! — сказала Елена Прекрасная. — Сколько времени за одним башмаком провозился!

Села она за рабочий столик, начала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом унизировать, самоцветными камнями усаживать.

А Иван тут же очутился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмет камушек, такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает.

Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит:

— С чем-то царевич завтра покажется!

«Подожди, — думает Иван, — еще неизвестно, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лег спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича; разбудил и дает ему башмачок.

— Поезжай, — говорит, — к Елене Прекрасной и покажи башмачок — это ее первая задача!

Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты — всё бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали.

Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич:

— Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден!

Видно, надо подарить тебе другой такой же!

С этим словом вынул он из кармана другой башмачок и положил его на стол. Тут все

гости в ладоши захлопали, в один голос закричали:

— Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной.

— А вот увидим! — отвечала Елена Прекрасная. — Пусть исполнит другую задачу.

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего.

— Полно, царевич, печалиться! — сказал ему Иван — купеческий сын. — Ложись спать, утро вечера мудренее.

Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке:

— Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне утку.

Служанка побежала на птичий двор, а Иван за нею; служанка ухватила утку, а Иван — селезня и тем же путем назад пришел.

Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван — купеческий сын смотрит да то же творит над селезнем.

На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою утку и спрашивает царевича:

— Угадал ли мою задачу?

— Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей утке пара,— и пускает тотчас селезня...

Тут все бояре в один голос крикнули:

— Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную!

— Постойте, пусть исполнит наперед третью задачу.

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет.

— Не тужи, царевич, ложись лучше спать; утро вечера мудренее,— сказал Иван — купеческий сын.

Сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на синее море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван — купеческий сын ни на шаг не отстает.

Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед — борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег:

— Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся: все волосы перепутались — причеши.

Лег к ней на колени и задремал сладким сном. Елена Прекрасная чешет деда, а Иван — купеческий сын у ней за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван — купеческий сын не три волоса — целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал:

— Что ты! Ведь больно!

— Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волосы перепутались.

Дед успокоился и немного погодя опять заснул. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван — купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал.

Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море.

«Теперь царевич попался! — думает Елена Прекрасная.— Таких волос ему не добыть».

На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная

показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает:

— Видал ли ты где этакое диво?

— Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю?

Вынул и подал ей клочок золотых волос да клочок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитер, а хитер его слуга, Иван — купеческий сын. Воротилась к гостям и пристала к царевичу:

— Пришли ко мне своего любимого слугу.

— У меня их двенадцать.

— Пришли того, что Иваном зовут.

— Да их всех зовут Иванами!

— Хорошо,— говорит,— пусть все приедут! — А в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!»

Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос.

— Кто из вас большой? — спросила Елена Прекрасная. Они разом все закричали:

— Я большой! Я большой!

«Ну, — думает она, — тут спроста ничего не узнаешь!» — и велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой завсегда сама пила; налила те чарки дорогим вином и стала добрых молодцев потчевать.

Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что шутка ее не удалась; велела этих молодцев накормить-напоить и спать во дворце положить.

Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок.

«По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить».

Поутру проснулся Иван — купеческий сын, взялся рукою за голову — а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей:

— Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски.

Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого... Что за чудо? На кого ни взглянет — у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь.

После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ веселился, три дня кабаки и харчевни стояли отворены — кто хочешь приходи, пей и ешь на казенный счет!

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женой ехать в свое государство, а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил.

Вышли они за город, разостлали ковер-самолет, сели и поднялись выше облака ходячего; летели, летели и опустились как раз у того дремучего леса, где своих добрых коней покинули.

Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелкою. Иван — купеческий сын отдал ему шапку-невидимку. Вслед за тем прибежал другой старик и получил ковер-самолет, а там и третий — этому достались сапоги-скороходы.

Говорит Иван своим товарищам:

— Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться.

Они тотчас изловили лошадей, оседлали их и поехали в свое отечество.

Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась, расспросила о своем родном братце; как он женился и скоро ль домой будет?

— Чем же вас, — спрашивает, — за такую службу наградить?

Отвечает Иван — купеческий сын:

— Посади меня в темницу, на старое место.

Как его царевна ни уговаривала, он таки настоял на своем; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодою супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай!

Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать:

— Где же Иван, мой верный слуга?

— Он, — говорят, — в темнице сидит.

— Как в темнице? Кто смел посадить?

Говорит ему царевна:

— Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел?

— Неужли ж это он?

— Он самый; я его на время к тебе отпускала.

Царевич приказал привести Ивана — купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла.

— А знаешь, царевич, — говорит ему Иван, — все, что с тобою случилось, мне было наперед ведомо, все это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал.

Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить.

Иван — купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

В одном городе жил купец с купчихою, и родился у них сын не по годам смышленный, назвали его Василием.

Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил:

— Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне, что соловей распевает и

какую судьбу предвещает, — кажись, при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра.

А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза и сказал:

— Я знаю, что соловей поет, да сказать боюсь.

— Говори без утайки! — пристали к нему отец с матерью.

И Вася со слезами вымолвил:

— Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать.

Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море.

На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына.

На другой день говорит мальчик новому отцу:

— Соловей напевает, что подымется буря, поломают мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище.

Но корабельщик не послушался.

И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса.

Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит:

— Соловей напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, все разбойничьих, во полон нас возьмут!

На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, все разбойничьих, пробежали мимо. Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше.

Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у короля тех мест уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с ворониhoю и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомонu не дают.

Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить. И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с ворониhoю, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова.

Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика: — Позволь пойти к королю — отогнать ворона с ворониhoю. Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать.

— Ну, ступай,— говорит,—да если что недоброе случится, на себя пеняй!

Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало. Послушал птичьего крику и говорит королю:

— Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с воронихою спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?

Король говорит:

— Отцу.

Только сказал король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства.

Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать.

В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться.

Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынский, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

ВЕЩЬИЙ МАЛЬЧИК

Жили-были мужик да баба, и стало им по ночам чудиться, будто под печкою огонь горит и кто-то стонет: «Ой, душно! Ой, душно!»

Мужик рассказал про то соседям, а соседи присоветовали ему сходить в ближний город: там-де живет купец Асон, мастер разгадывать всякий сон.

Вот мужик собрался и пошел в город; шел, шел и остановился на дороге переночевать у одной бедной вдовы. У вдовы был сын — мальчишка лет пяти; глянул тот мальчик на мужика и говорит:

— Старичок! Я знаю, куда ты идешь.

— А куда?

— К богатому купцу Асону. Смотри же, станет он тебе сон разгадывать и попросит половину того, что лежит под печкою, ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спросит, кто тебя научил, про меня не сказывай.

На другой день поутру встал мужик и отправился дальше; приходит в город, разыскал Асонов двор и явился к хозяину.

— Что тебе надобно?

— Да вот, господин купец, чудится мне по ночам, будто в моей избушке под печкою огонь горит и кто-то жалобно стонет: «Ой, душно! Ой, душно!» Нельзя ли разгадать мой сон?

— Разгадать-то можно, только дашь ли мне половину того, что у тебя под печкою?

— Нет, половины не дам; будет с тебя и четверти.

Купец было заспорил, да видит, что мужик стоит на своем крепко, и согласился; призвал рабочих с топорами, с лопатами и поехал вместе с ними к старику в дом. Приехал и велел ломать печь; как только печь была сломана, половицы подняты, сейчас и оказалась глубокая

ямища — в косую сажень будет, и вся-то набита серебром да золотом.

Старик обрадовался и принялся делить этот клад на четыре части. А купец давай его выспрашивать:

— Кто тебя научил, старичок, давать мне четверть, а не давать половины?

— Никто не учил, самому в голову пришло.

— Врешь! Не с твоим умом догадаться. Слушай: коли признаешься, кто тебя научил, так все деньги твои будут, не возьму с тебя и четвертой доли.

Мужик подумал-подумал, почесал в затылке и сказал:

— А вот как поедешь домой, увидишь на дороге избушку; в той избушке живет бедная вдова, и есть у ней сын-малолеток — он самый и научил меня.

Купец тотчас в повозку и погнал лошадей скорою рысью. Приехал к бедной вдове.

— Позволь, — говорит, — отдохнуть маленько да чайку испить.

— Милости просим!

Асон уселся на лавку, начал чай распивать, а сам все на пальчика поглядывает. На ту пору прибежал в избу петух, захлопал крыльями и закричал: «Кукуреку!»

— Экой голосистый какой! — сказал купец. — Хотел бы я знать, про что ты горланишь?

— Пожалуй, я тебе скажу, — промолвил мальчик. — Петух вещует, что придет время — будешь ты в бедности, а я стану владеть твоими богатствами.

Напился купец чаю, стал собираться домой и говорит вдове:

— Отдай мне своего сынишку; будет он жить у меня на всем готовом, в довольстве, в счастии и не узнает, что такое бедность. Да и тебе лучше — лишняя обуза с рук долой!

Мать подумала, что и в самом деле у купцов жизнь привольнее, благословила сына и отдала его Асону с рук на руки. Асон привез мальчика в свой дом и велел идти на кухню; потом позвал повара и отдал ему такой приказ: убей этого мальчика.

Повар воротился на кухню, взял нож и принялся на бруске точить. Мальчик залился слезами:

— Дядюшка! Для чего ты нож точишь?

— Хочу барашка колоть.

— Неправда твоя! Ты хочешь меня резать.

У повара и нож из рук вывалился, жалко ему стало загубить душу человеческую.

— Рад бы, — говорит, — отпустить тебя, да боюсь хозяина.

— Не бойся!

Повар так и сделал — мальчика у себя спрятал. Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и начали из тех блюд лакать. Задумался король: что бы такое тот сон значил? Кого ни спрашивал, никто ему не мог рассудить.

Вот вздумал он послать за Асоном; рассказал ему свой сон и велел разгадывать, а сроку положил три дня.

— Если в тот срок не отгадаешь, то все твое имение на себя возьму.

Воротился Асон от короля сам не свой; ходит пасмурный да сердитый, кого ни встретит — всякому затрещину дает; а пуще всех на повара напустился: зачем-де мальчишку со свету сжил? Он бы теперь пригодился мне.

На те речи повар возьми да и признайся, что мальчик-то живехонек. Асон тотчас потребовал его к себе.

— А ну, — говорит, — отгадай мой сон; снилось мне нынешней ночью, будто есть у меня три золотые блюда и будто из тех блюд золотых псы лакали.

Отвечает ему мальчик:

— Это не тебе снилось, это снилось государю.

— Угадал, молодец! А что значит этот сон?

— Знать-то я знаю, да тебе не скажу; вези меня к королю, перед ним ничего не скрою.

Асон приказал заложить коляску, мальчика на запятки поставил и поехал во дворец; подкатил к высокому крыльцу, вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон.

— Здравствуй, Асон! Отгадал ли мой сон? — спрашивает король.

— Эх, государь! Твой сон не больно мудрен; не то что я, его малый ребенок рассудить может. Коли хочешь, позови моего мальчика, он тебе все как по-писаному расскажет.

Король приказал привести мальчика и, как только привели его во дворец, начал про свой сон выпрашивать. Отвечал мальчик:

— Пусть-ка наперед Асон рассудит, а то вишь он какой! Ничего не ведая, чужим разумом жить хочет.

— Ну, Асон, говори ты прежде.

Асон упал на колени и признался, что не может отгадать королевского сна. Тогда выступил мальчик и сказал королю:

— Государь! Сон твой правдивый: есть у тебя три неверных слуги: хранитель печати, казначей и главный вельможа, задумали они тебя власти лишить.

Так оно и было.

Как сказал пятилеток, так и случилось: король отобрал у Асона все его имение и отдал тому мальчику.

СОЛЬ

В некоем городе жил-был купец, у него было три сына: первый — Федор, другой — Василий, а третий — Иван. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами.

В одно время нагрузил он два корабля дорогими товарами и отправил их за море с двумя старшими сыновьями. А меньшому сыну ничего не доверял по торговле.

Вот как узнал меньшей сын, что его братья за море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли — себя показать, людей посмотреть.

Купец долго не соглашался:

— Ты и головы домой не привезешь! — но все же и ему дал корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев.

Плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные ветры и забросили Иванов корабль в дальнее место, к одному неведомому острову.

— Ну, ребята, — закричал Иван корабельным работникам, — приворачивайте к берегу!

Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел, шел и добрался до превеликой горы, смотрит — в той горе не песок, не камень, а чистая русская соль.

Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью.

Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приплыл корабль к большому богатому городу, остановился у пристани и якорь бросил.

Иван — купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару — русской соли.

Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает:

— Говори, в чем дело — какая нужда?

— Так и этак, ваше величество! Позволь мне торговать в твоём городе по вольной цене.

— А каким товаром торги ведешь?

— Русской солью, ваше величество!

А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он, что такой за новый, небывалый товар?

— А ну, — говорит, — покажь!

Иван — купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!» И говорит Ивану с усмешкою:

— Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да посмотрю, как там повара кушанья готовят — какую они соль кладут?»

Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на сковороде яйца бьет.

Видит Иван — купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы.

Наступило время обед подавать; принесли первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалось, как никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им:

— Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?

Отвечают повара:

— Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить, уж не он ли подложил чего?

— Позвать его сюда!

Привели Ивана — купеческого сына к царю.

— Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так в нашей стороне водится.

— А почем соль продаешь?

Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал:

— Да не очень дорого: за две меры соли — мера серебра да мера золота.

Царь согласился на эту цену и купил у него весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотелось ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее.

Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и красных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван — купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал — живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то они скоро ушли от того города на далекое расстояние.

Царевна вышла на палубу, глянула — кругом море. Иван — купеческий сын начал ее утешать, уговаривать. Царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю, нагоняют его старшие братья; узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море, а после кинули промеж себя жребий, и большой брат взял царевну, а средний — корабль с серебром и золотом.

И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен, которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам; наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу. Попадается ему навстречу великан с огромными усами, на усах рукавицы — вачеги — висят: после дождя сушит.

— Что тебе здесь надобно? — спрашивает великан.

Иван рассказал ему все, что случилось.

— Хочешь, я тебя домой отнесу? Завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину.

Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала.

— Ах, — говорит, — ведь я шапку сронил!

— Ну, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назади осталась, — отвечал великан.

Принес он его на родину, спустил наземь и говорит:

— Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься — худо тебе будет.

Иван — купеческий сын обещал не хвалиться, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят. Как увидела его прекрасная царевна, тотчас выскочила из-за стола, бросилась на шею.

— Вот, — говорит, — мой жених, а не тот, что за столом сидит!

— Что такое? — спрашивает отец.

Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули.

Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана женил на царевне.

Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться: кто силою, кто богатством, кто молодой женой. А Иван сидел, сидел да спьяна и сам похвастался:

— Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!

Только вымолвил — в ту же минуту является у ворот великан:

— А, Иван — купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?

— Прости меня! — говорит Иван — купеческий сын. — То не я хвалился, то хмель хвалился.

— А ну покажи: какой-такой хмель?

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попалося под руку, ломать и крушить. Много недоброго натворил: сады повалил, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток.

А как пробудился он, стали ему показывать, сколько он бед наделал; великан страх как удивился и говорит:

— Ну, Иван — купеческий сын, узнал я, каков хмель; не пей, не хвались же ты мною отныне и до веку.

ДВА ИВАНА-СОЛДАТСКИХ СЫНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену, стал с нею прощаться и говорит:

— Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смей, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей. Дочку ли, сына ли родишь — все равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замуж — будет у нее приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено. Месяца три погода родила жена двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами — солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать.

Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать.

Говорит один брат другому:

— Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашется, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка справляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать. Всем досталось! Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в

острог.

Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про все и велел их выпустить.

— Они, — говорит, — не виноваты: не зачинщики!

Выросли два Ивана — солдатские дети и просят у матери:

— Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам: мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублей — по двадцати пяти на брата — и приказывает:

— Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

— Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам!

Говорит один брат другому:

— Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!

Пришли туда, протолкались вперед — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не смеет.

— Что твоим жеребцам цена будет? — спрашивает Иван — солдатский сын у хозяина.

— Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе, нечего и спрашивать.

— Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим, надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

— Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят...

Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, на землю попадали.

— Вот чем хвастался! Да мы этих клячей и даром не возьмем.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри появились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать, никто не придумает.

Сжалились над хозяином Иваны — солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не поклонились, да уж после один спохватился:

— Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

— Прости нас, дедушка, что прошли не поздоровались. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

— Спасибо, добрые молодцы! Куда ходили?

— В город на ярмарку; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

— Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

— Ах, дедушка, если подаришь, станем тебя вечно благодарить!

— Ну пойдемте!

Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

— Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой. Приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

— Что, детушки, купили себе по лошадке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Ах, детушки, смотрите — не увел бы кто!

— Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести — и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне. На другой день просятся сыновья у матери:

— Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

— Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

— Сделай, — говорят, — нам по сабельке.

— Зачем делать! Есть готовые, сколько угодно берите!

— Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

— Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!

Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили.

Идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает.

— Здравствуйте, молодые юноши!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда ходили?

— В город, на кузницу, хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлось.

— Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

— Ах, дедушка, коли подаришь, станем тебя вечно благодарить!

Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало!

Приходят домой, мать спрашивает:

— Что, детушки, купили себе по сабельке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Смотрите, как бы кто не унес!

— Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула — две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

Наутро Иваны — солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, с родной матерью прощаются:

— Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

— Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

— Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далеко, долго ли, коротко — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царем будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет».

Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой Удали; ехать одному влево — никому помереть не хочется!

Да делать-то нечего — говорит один из братьев другому:

— Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст — царем сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для зная, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется — значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мертвого разыскивать.

Разъехались добрые молодцы в разные стороны.

Кто вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царица Настасья Прекрасная.

Увидал царь Ивана — солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством.

Живет Иван-царевич в радости, своей женою любит, в царстве порядок ведет да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле — два пузырька с целящей и живой водою зашиты; посмотрел на те пузырьки и положил

опять в седло. «Надо, — думает, — поберечь до поры до времени; не ровен час — понадобятся».

А брат его Иван — солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без усталости.

Прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство — прямо в столичный город.

В том государстве печаль великая: дома черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются.

Нанял он себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выпрашивать:

— Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?

— Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло: каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три; прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье — змею на съедение.

Иван — солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована.

Увидала она витязя и говорит ему:

— Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!

— Не бойся, красная девица, авось подавится.

Подошел к ней Иван — солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени.

— Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Красная девица послушалась, стала на море смотреть.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается.

Царевна разбудила Ивана — солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

— Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!

— Врешь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься! — ответил Иван, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать; и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза.

— Ступай, — говорит, — на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и повез в густой, дремучий лес; завез в лес и давай нож точить.

— Что ты делать собираешься? — спрашивает царевна.

— Я нож точу, тебя резать хочу! Царевна заплакала:

— Не режь меня, я тебе никакого худа не сделала.

— Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую! Нечего делать — согласилась.

Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван — солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит:

— Поди-ка, бабушка, на рынок, закупи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает:

— Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, в той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню.

Иван — солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

— Ты зачем, добрый молодец? Пушай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?

— Не бойся, красная девица!

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит.

Богатырь ударил его острой саблею и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидал, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

— Зачем ты нож точишь?

— А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву, он привез ее во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван — солдатский, сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел, старухе на рынок пойти да вестей послушать.

Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

— Третий змей появился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван — солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю.

На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, потрянул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени:

— Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Царевна начала на море глядеть...

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей

выходит, в гору подымается.

Стала царица будить Ивана — солдатского сына, толкала, толкала — нет, не просыпается; заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами.

Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскликнул:

— Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому, съем тебя, и с косточками!

— Врешь, проклятый змей, подавишься.

Начали они биться смертным боем; Иван — солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблей, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царице:

— Спасай меня, красна девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царица тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье. Приехал водовоз, взял царицу и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить.

— Что ты делаешь? — спрашивает царица.

— Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную девицу, поклялась говорить по его словам.

А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел ее живую, ни в чем невинную, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царицу.

Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван — солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются.

Меньшая царица глянула на Ивана — солдатского сына, увидела на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и говорит отцу:

— Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царицу выдал замуж за Ивана — солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это дейлось с братом Ивана — солдатского сына, с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту, и попался ему олень быстregoногий.

Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался, мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь — на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают.

Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше.

Ехал, ехал, увидел белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в

комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковороду и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да ест.

Вдруг, откуда ни возьмись, является к нему красная девица — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать,— и говорит ему:

— Хлеб-соль, Иван-царевич!

— Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать.

— Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный.

— Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал.

Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном — солдатским сыном.

Вздумал Иван — солдатский сын про своего брата; вынул платок из кармана, утерся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился:

— Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!

Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приезжает в то самое государство, где его брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул — назад не бывал.

Иван — солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадает и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню. Выехал на широкий луг — олень с глаз пропал; смотрит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван — солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да ест.

Вдруг является к нему красная девица:

— Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе ешь?

Отвечает Иван — солдатский сын:

— Да в горнице неохотно, на дворе веселей будет! Садись со мною, красная девица!

— Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

— Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал.

Она и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и обхватил ее богатырскими ногами.

Иван — солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

— Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица и выкинула Ивана-царевича: сам-то он мертвый.

Тут Иван — солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целящею и живой; взбрызнул брата целящей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнул живой водой — царевич встал и говорит:

— Ах, как же долго я спал! Отвечает Иван — солдатский сын:

— Век бы тебе спать, если б не я!

Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глянул на ее красу неописанную, смиловался Иван — солдатский сын и пустил ее на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своем государстве, а Иван — солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

СЕМЬ СИМЕОНОВ

Жил-был старик со старухой. Пришел час: мужик помер. Осталось у него семь сыновей-близнецов, что по прозванию семь Симеонов.

Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статью, и каждое утро выходят пахать землю все семеро.

Случилось так, что тою стороною ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пахут землю как на барщине — так много народу! — а ему ведомо, что в той стороне нет барской земли.

Вот посылает царь своего конюшего узнать, что за люди такие пахут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие, или наемные?

Приходит к ним конюший, спрашивает:

— Что вы за люди такие есть, какого роду и звания?

Отвечают ему:

— А мы такие люди, мать родила нас семь Симеонов, а пашем мы землю отцову и днину.

Воротился конюший и рассказал царю все, как слышал. Удивляется царь.

— Такого чуда не слыхивал я!—говорит он и тут же посылает сказать семи Симеонам, что он ждет их к себе в терем на услуги и посылки.

Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд.

— Ну, — говорит царь, — отвечайте: к какому мастерству кто способен, какое ремесло знаете?

Выходит старший.

— Я,— говорит,— могу сковать железный столб сажон в двадцать вышиною.

— А я, — говорит второй, — могу уставить его в землю.

— А я, — говорит третий, — могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится.

— А я, — говорит четвертый, — могу срубить корабль, что ходит по морю, как по суку.

— А я, — говорит пятый, — могу торговать разными товарами по чужим землям.

— А я,— говорит шестой,— могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и вынырнуть где надо.

— А я — вор, — говорит седьмой, — могу добыть, что приглядится иль полюбится.

— Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве, — ответил сердито царь последнему, седьмому Симеону, — и даю тебе три дни сроку выбираться из моей земли куда тебе любо; а всем другим шестерым Симеонам приказываю остаться здесь.

Пригорюнился седьмой Симеон: не знает, как ему быть и что делать.

А царю была по сердцу красавица царевна, что живет за горами, за морями. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что седьмой Симеон, мол, пригодится и, может быть, сумеет привезти чудную царевну, и стали они просить царя оставить Симеона.

Подумал царь и позволил ему остаться.

Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеонам показать свое уменье.

Старший Симеон, недолго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажон вышиною. Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю, но как ни бился народ, не мог его уставить.

Тогда приказал царь второму Симеону уставить железный столб в землю. Симеон второй, недолго думая, поднял и упер столб в землю.

Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету; и видит синие моря, на них, как пятна, мреют корабли, видит села, города, народа тьму, но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

— Видишь? — кричит ему царь.

— Вижу.

— Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!

Собрались все семеро Симеонов, срубили корабль, нагроулили его всяким товаром, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями.

Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани.

А Симеон меньшей взял с собою в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штуки выкидывать.

И вышел меньшей Симеон с своим котом с сибирским, идет по острову, а братьев просит не сходить на землю, пока он сам не придет назад.

Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым и сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штуки выкидывать.

На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них нет и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой и продажный али нет? Слушает Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит:

— Зверь мой — кот сибирский, а продавать — не продаю ни за какие деньги, а коли

крепко кому он полюбится, тому подарить — подарю.

Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону-вору: — Крепко, мол, зверь твой полюбился!

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за это пожить в ее тереме три дни и отведать царского хлеба-соли, да еще прибавил:

— Научить тебя, прекрасная царевна, как играть и забавляться с неведомым зверем, с сибирском котом?

Царевна позволила, и Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собрались все: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы,— все глядят, любуются не налюбуются на веселого зверя, ученого кота. Все желают до-стать и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо.

Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощение и за ласки и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей, виданных и невиданных, ведомых и неведомых, что привез он с собою.

Царевна спросилась у батюшки-царя и вечером с прислужницами и няньками пошла смотреть корабль Симеона и зверей его, виданных и невиданных, ведомых и неведомых.

Приходит, у берега поджидает ее Симеон меньшей и просит царевну не прогневаться и оставить на земле няnek и прислужниц, а самое пожаловать на корабль:

— Там много зверей разных и красивых; какой тебе полюбится, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбится,— и няnek, и прислужниц — не можем.

Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных.

Как взошла — корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю.

Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню.

Снарядили корабль, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече — плывет корабль Сименонов и не ведает, что за ним царская погоня летит — не плывет! Вот уж близко!

Как увидали семь Симеонов, что погоня уж близко — вот-вот догонит! — нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли.

А царская погоня плавала три дня, три ночи; ничего не нашла, с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских, семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою.

Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь; а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной — и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир!

А семи Симеонам дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка — восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, под воротню шмыг, да колешко сшиб, и теперь больно. Тем и сказке конец!

ХИТРАЯ НАУКА

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь, придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сровняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке. Есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнали ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев— рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны — и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

— Как узнавать-то, ишь все ровны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правою ногою, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев. — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не заметил, в другой прошел — тоже ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаюсь собачкою. Барин стянет покупать меня, а ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да и в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, начал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник, — куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собачку.

А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг, откуда ни возьмись, бежит навстречу заяц.

«Что,— думает барин,— али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?»

Тольио выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал! А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь!

Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понес продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалась!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой! .

— Ну, дочка,— говорит дома,— я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет: улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Провал лошадь — провал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — сказывает опять колдун, — вот когда купил так купил нашего шельмеца!

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит...

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом — и бултых в воду, а волк за ним щукою...

Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай, — пристаёт к ней, — мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал, одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб.

Тем сказке конец, а мне меду корец.

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью.

Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то кричит из этой башни:

— Эй, служивый! Солдат спрашивает:

— Кто меня кличет?

— Это я — черт, — отзывается голос из-за железной решетки, — тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши.

— Что же тебе надо?

— Выпусти меня на волю. Как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня — и я в ту же минуту явлюсь к тебе на выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери — черт выскочил из башни, взвился вверх и сгинул быстрее молнии.

«Ну, — думает солдат, — наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть».

Бросил ружье и ранец на землю и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался:

«Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, каждый день по три фунта хлеба получал. Так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертию. Эх, черт, всему ты виною!»

Вдруг откуда ни взялся — стал перед ним нечистый и спрашивает:

— Здравствуй, служивый! О чем горюешь?

— Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

— Не тужи, это дело поправное! — сказал черт.

Туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою:

— В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми — больше мне ничего не надобно.

Солдат согласился. Черт подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство — в белокаменные палаты.

У черта было три дочери — собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости: известно — черт! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую-ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят — неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

«Ладно же, — думает солдат, — буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь».

Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется — что-то будет?

Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по полу, ударились о тот ковер и сделались голубками; встрепонулись и улетели в окошко.

«Что за диво! — думает солдат. — Дай-ка я попробую».

Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку.

Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда.

На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон.

Немного погода осияло и небо и землю — летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая — такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!

Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу — и была

такова!

Тут все до единой голубки снялись с зеленого лугу и полетели каждая в свою сторону. Птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковер — сделались красными девицами, а малиновка ударилась — обернулась солдатом.

— Ты откуда? — спрашивают его девицы.

— А я с вами на зеленом лугу был, видел прекрасную королевну на золотом троне и слышал, как учила вас королевна разным хитростям.

— Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королевна — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую, не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает.

Дождлся другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зеленый луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любит ее красотой ненаглядною и думает:

«Если бы такую жену добыть — ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела.

Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала — все слушала.

Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:

— Няньки, мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку... Да куда им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не дается.

Не стерпела королевна, выбежала в зеленый сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кустику — птичка с ветки не трогается, сидит опустья крылышки, словно ее дожидается.

Обрадовалась королевна, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне.

День прошел, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленый луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Как только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошел добрый молодец к королевниной кровати, смотрел, смотрел на красавицу, не выдержал и поцеловал ее в уста сахарные. Видит — королевна просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругом — нет никого. «Видно, — думает, мне

во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула.

А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз — чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается.

На третий раз встала она с постели и говорит:

— Тут что-нибудь да не даром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат.

— Ах ты! — закричала Елена Премудрая. — Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь!

Нечего делать — вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

— Нет тебе прощения! — сказала Елена Премудрая и крикнула палача рубить солдату голову.

Откуда ни взялся — стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королевна платком, и покатится молодецкая голова...

— Смилуйся, прекрасная королевна, — сказал солдат со слезами, — позволь напоследях песню спеть.

— Пой, да скорей!

Солдат затянул песню, такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

— Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать, велю рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился:

— Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю. В ту ж минуту явился к нему черт:

— Что тебе, служивый, надобно?

— Эх, — говорит, — смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?

Черт ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом:

— Садись, служивый, ко мне на спину, я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла; орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные.

Прошло пять часов. Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела — и все словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом:

— Полно, орел, летать по поднебесью; опускайся на низ — от меня ведь не укроешься.

Орел опустился наземь.

Солдат пуще прежнего закучинился:

— Что теперь делать? Куда спрятаться?

— Постой, — говорит черт, — я тебе помогу.

Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавкою, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булавку.

Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела — книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула ее в печь.

Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

— Я, — говорит, — хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

НЕУМОЙКА

Отслужил солдат три войны, не выслужил и выеденного яйца, и отпустили его вчистую.

Вот он вышел на дорогу; шел, шел, пристал и сел у озера. Сидит да думу думает:

— Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К черту, что ли, в работники наняться!

Только вымолвил эти речи, а чертенок тут как тут — стоит перед ним, кланяется:

— Здорово, служба!

— Тебе что надо?

— Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим.

— А какова работа?

— Работа легкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, нос не утирать и одежды не переменять!

— Ладно, — говорит солдат, — я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы все мне было готово, чего душа пожелает!

— Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет.

— Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!

Чертенок бросился в озеро, притащил кучу денег и мигом перенес солдата в большой город; перенес — был таков!

— Вот на дурака попал! — говорит солдат. — Еще не служил, не работал, а деньги взял.

Нанял себе квартиру; не стрижется, не бреется, носа не утирает, одежды не переменяет, живет — богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом? «Дай-ка, — вздумал он, — начну помогать бедным».

Начал солдат раздавать деньги бедным; и направо дает, и налево дает — а денег у него не только не убывает, а еще прибавляется. Пошла об нем слава по всему царству, по всем людям.

Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата.

Приходит к нему солдат небритый, немывтый, нечесанный, одежда не переменена.

— Здравия желаю, ваше величество!

— Послушай, служивый! Ты, говорят, всем людям добро делаешь; дай мне хоть займы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую.

— Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за

меня одну из своих дочерей и бери тогда казны сколько надобно.

Тут король призадумался: и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя.

— Ну, — говорит, — хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу — которая за тебя пойдет?

Солдат повернулся, велел списать с себя портрет — точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

У того царя было три дочери; призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей:

— Пойдешь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет.

Царевна видит, что нарисовано страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены.

— Не хочу! — говорит. — Я лучше за черта пойду!

А черт откуда взялся — стоит позади с пером да с бумагой, услышал это и записал ее душу. Спрашивает отец среднюю дочь: — Пойдешь за солдата замуж?

— Как же! Я лучше в девках просижу, лучше с чертом свяжусь, чем за него идти!

Черт записал и другую душу.

Спрашивает отец у меньшей дочери; она ему отвечает:

— Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!

Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертенка:

— Вот двенадцать подвод — чтобы сейчас все были золотом насыпаны!

Чертенок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили к царю во дворец.

Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел.

Вот, пока готовились они к свадьбе, прошло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовет он чертенка и говорит:

— Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом.

Чертенок изрубил его на мелкие части, бросил в котел и давай варить; сварил, вынул и собрал все воедино как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мертвой и живой водою — и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мед-пиво пил, было у них вино — выпивал его по самое дно!

Прибежал чертенок в озеро; потребовал его дедушка к отчету:

— Что, как солдат?

— Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не стригся, одежды не переменил.

Рассердился на него дедушка.

— В пятнадцать лет, — говорит, — не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег потрачено, какой же ты черт после этого? — и приказал бросить его в смолу кипучую.

— Постой, дедушка! — отвечает внучек. — За солдатскую душу у меня две записаны.

— Как так?

— Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за черта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они — наши!
Дедушка оправил чертенка и велел его отпустить: знает-де свое дело!

ЦАРЕВНА-ОТГАДЧИЦА

Жил-был старик; у него было три сына, третий — Иван-дурак.
Какой-то был тогда царь — это давно уж было, — у него была дочь. Она и говорит отцу:
— Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж.
Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царевна отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу:
— Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!
— Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!
— Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!
Отец благословил.
Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал ее кнутиком и говорит:
— Вот загадка есть!
Едет дальше, видит змею, взял ее убил копьем и думает:
— Вот другая загадка!
Приезжает к царю; его приняли и велят загадывать загадки.
Он говорит:
— Ехал я к вам, вижу — на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало.
Царевнахватила книжку, смотрит: нету этой загадки; не знает разгадать и говорит отцу:
— Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю.
Отложили до завтра.
Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает ее к Ивану-дураку.
— Поди, — говорит, — спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно.
Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпер двери, она вошла и спрашивает отгадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит:
— На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоит всю ночь не спавши в моей горнице, тогда скажу отгадку.
Царевна услышала это, согласилась; стояла всю ночь — не спала.
Иван-дурак утром сказал отгадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.
Иван-дурак стал другую загадывать:
— Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло.
Царевна опятьхватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра.
Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака отгадку.

— Сули, — говорит, — ему денег!

— На что мне деньги! У меня своих много, — отвечает Иван-дурак, — пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда скажу отгадку.

Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иван-дурак не просто загадывал, а велел собрать всех сенаторов и загадал про то, как царевна неумела отгадывать его загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги.

Царевна не могла отгадать и этой загадки; опять к нему спрашивать — сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой. Не тут-то было!

Опять пришлось стоять ночь.

Как сказал он ей, о чем загадка, а разгадывать-то нельзя; о ней самой загадка, значит, узнают все, как она отгадки выпытывала у Ивана-дурака.

И ответила царевна:

— Не знаю.

Вот веселым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ БОННСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета.

Простачок-мужичок думать стал: «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвеличился; выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился: такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться.

Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает:

— Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?

— Я, — сказал Голь, — а ты кто?

— Чурила Пленкович! — отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится».

— Ступай в науку, поезжай по левую руку! — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая.

Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Го-ля?

Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился.

— Погоняй в ряду по правую руку,— сказал ему Голь.

На ту пору нагоняет их еще богатырь, Бова — королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял, отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славных богатыря — Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова — королевин сын Голю да об имени спрашивал.

— Голь Воинской, сам себе большой, — отвечал простачок, — а ты кто?

— Я Бова — королевин сын, — отвечал богатырь.

— Милости просим на подвиги, — сказал Голь, — ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки.

— Тут заказан путь, — сказал Еруслан.

— Не беда! — молвил Голь. — Много она Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!

— Голь Воянской! — сказал Еруслан. — У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат.

— С меня мало, — сказал Голь, — будет ли на долю твою? Я всех, как мух, перебью.

— Ну, ин быть так! — сказал Еруслан. — Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаются.

Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер; пустили коней на траву, а сами вошли в шатер, сели да поглядывают; один Голь лег отдыхать, и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел.

— Голь надеется на себя! — сказал Бова — королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя:

— Вставай! Силы много на нас.

Голь встал и, спросонья зевая, сказал:

— Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары; не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурило, переведайся с ними; оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!

Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя.

— Эге! — сказал Голь.— Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу. Королевин сын, поди справься один! Да оставь одного послать к королевне. — Сказав, пошел спать.

Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались.

Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут.

— Ого, сколько высыпало, — сказал Голь, вставая. — Туча лихая! Двенадцать слепней, а

комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то мы пособим.

Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминуемую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовет, как трубой, переведаться в бой.

— Видно, мне очередь, — сказал Голь. «Нечего делать, — подумал он, — ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!»

Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурив глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали». И, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу.

«Нет ли тут умысла? — думал он. — Мужичонка прилег к лошаденке — что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит».

Зилант оглядывается — нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг приободрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором; сдернул шолом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота: принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится: в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит:

— Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала.

Тут она Голю руку пожалала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать.

— Защищай мое царство! — королевна сказала. — Тебе нас стеречь.

А Голь поклонился и думал, как бы голову свою убересть.

Королевна велела в беседу принести крепкого меду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил:

— Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!

— У нас есть в запас вода богатырская, — сказала королевна.

— А много ль ее? — спросил Голь.

— Бутыль полна, — отвечала королевна.

— Да такая ль она, как у нас? — спросил Голь. — Иная бутыль склянки не стоит.

— Отведай, — сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой.

Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королевна знать желала, какова вода.

— Еще вкуса не доберусь, — сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша.

— Полно, полно! — закричала королевна. — Ты и мне воды не оставишь!

— Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая. — Какова-то теперь

сила моя?

Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлюю, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разбежался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал; приосанился, на королевне женился. От ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь, на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

ПРО ГЛУПОГО ЗМЕЯ И УМНОГО СОЛДАТА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат. Отвоевал он войну и пошел домой. Идет, трубочку покуривает да песни распевает.

Шел он, шел и пришел под вечер в какую-то деревушку. Подошел к ближней избенке и стучит в окно:

— Эй, хозяйева, пустите солдата переночевать!

Никто не отзывается.

Пошел солдат к другой избе, постучал. И здесь молчат. Пошел солдат к третьей. Поднялся на крылечко, давай стучать в дверь. И здесь ни ответа, ни привета. Открыл солдат дверь, вошел в избу. Смотрит — никого нет, все кругом пылью да паутиной покрыто.

«Что за диво? — думает солдат. — Куда все люди из этой деревни подевались?»

Стал ходить по избам. Куда ни заглянет — везде пусто...

Вошел он наконец в последнюю избушку. Сидит там на печке старик, вздыхает да плачет.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит солдат.

— Здравствуй, служивый. Как ты сюда попал? Видно, жизнь тебе надоела. На войне уцелел, а здесь ни за что пропадешь.

— Это почему?

— А потому, что повадился к нам змей летать, людей пожирать. Всех проглотил, меня одного до утра оставил. А завтра прилетит и меня съест, да и тебе несдобровать. Разом двух проглотит!

— А может, и подавится? — говорит солдат. — Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра, какой такой змей к вам летает.

Легли, переночевали.

Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба — прилетел змей. Сунул голову в дверь, увидел старика и солдата.

— Ага, — говорит, — прибыль есть! Оставил одного, а нашел двух — будет чем позавтракать!

— Будто и взаправду съешь? — спрашивает солдат.

— Съем да облизнусь!

— Врешь, подавишься!

— Да ты разве сильнее меня?

— Еще бы! Небось сам знаешь, что солдатская сила куда больше твоей.

— А ну давай попробуем, кто кого сильнее!

— Давай!

Поднял змей большущий камень и говорит:

— Смотри, солдат: я этот камень одной лапой раздавлю — только песок посыплется!

— Дави, посмотрю!

Змей взял камень в горсть и стиснул, да так крепко, что он в мелкий песок обратился, искры во все стороны посыпались.

— Экое диво! — говорит солдат. — А ты попробуй так сожми камень, чтобы из него вода потекла.

— Этого я не могу,— говорит змей.

— А я могу! Сейчас покажу.

Вошел солдат в избу — он еще с вечера углядел на столе узелок творогу, — вынес этот узелок и ну давить! Сыворотка так и потекла наземь.

— Что, видел? У кого силы больше?

— Правда, солдат, рука у тебя сильнее моей... А вот попробуем, кто из нас громче свистнет!

— Ну, свистни!

Змей как свистнул — деревья закачались, все листья с них осыпались.

— Хорошо ты свистишь, а все не лучше моего,— говорит солдат.— Завяжи-ка наперед свои глазищи, а то как я свистну, они у тебя изо лба выскочат!

Змей послушался и завязал глаза рогожей.

— А ну, свистни!

Солдат взял дубину да как стукнет змея по голове! Змей зашатался, во все горло закричал:

— Полно, полно, солдат, не свисти больше! И с одного раза глаза чуть не вылезли, а в ушах и сейчас звенит.

— Ну, как знаешь, а я, пожалуй, готов и еще разок-другой свистнуть.

— Нет, не надо! Не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старшим братом, а я — меньшим.

— Не к лицу мне с тобой брататься, ну да ладно уж, будь по-твоему!

— Ну, брат, — говорит змей, — бросим мы этого старика, будем своим хозяйством жить.

Ступай в степь, там стадо волов пасется. Выбери самого жирного и тащи сюда!

Нечего делать, пошел солдат в степь.

Видит — пасется большое стадо волов. Солдат давай их ловить да за хвосты связывать.

Змей ждал, ждал — не выдержал и сам побежал.

— Что так долго? — спрашивает.

— А вот постой,— отвечает солдат,— свяжу штук пятьдесят да за один раз и поволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило.

— Экий ты! Разве нам здесь век вековать? Хватит и одного.

Ухватил змей самого жирного вола за хвост, взвалил на плечи и потащил в деревню.

— Как же это так,— говорит солдат,— я столько волов связал — неужели их бросить?

— Брось, — отвечает змей. — На что они нам!

Пришли в избу, наложили два котла говядины, а воды нету.

— На тебе воловью шкуру,— говорит змей солдату. — Ступай набери полную воды и неси сюда — станем обед варить.

Солдат взял шкуру, потащил к колодцу. Еле-еле порожнюю тащит.

Пришел к колодцу и давай окапывать его кругом. Змей ждал, ждал — не выдержал, побежал сам:

— Что это ты, брат, делаешь?

— Хочу колодец кругом окопать да в избу перетащить, чтоб не нужно было каждый день ходить по воду.

— Экий ты! Что затеваешь! На это много времени уйдет, а нам обед варить!

Опустил змей в колодец воловью шкуру, набрал полную воды, вытащил и понес домой.

— А ты, брат, — говорит он солдату, — ступай в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу: пора огонь разводить.

Пошел солдат в лес, начал лыко драть да веревку вить. Свил длинную-предлинную веревку и принялся дубы опутывать.

Змей ждал, ждал — не выдержал, сам побежал в лес:

— Что так мешкаешь?

— Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкою да и тащить, чтоб надолго дров хватило.

— Экий ты, все по-своему делаешь! — говорит змей.

Вырвал с корнем толстый дуб и сам поволок к избе.

Солдат сделал вид, что крепко сердит: курит свою трубочку, сам ни словечка не говорит.

Наварил змей говядины, зовет солдата обедать. А солдат сердито отвечает:

— Не хочу!

Вот змей съел один целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал солдата выпрашивать:

— Скажи, брат, за что сердишься?

— А за то и сержусь,— отвечает солдат, — что я ни сделаю, все не так, все не по-твоему.

— Ну не сердись, помиримся!

— Если хочешь со мной помириться, вези меня в мою деревню.

— Изволь, брат, отвезу.

Сел солдат змею на спину и полетел на нем. Подлетел змей к деревне, спустился на землю. Увидели его ребяташки. Бегут, во все горло кричат:

— Солдат приехал! Змея привез!

Змей испугался и спрашивает:

— Что, что они кричат? Никак я не разберу.

— А то и кричат, что сейчас за тебя примутся!

«Ну, — думает змей, — коли в этих местах малые ребята таковы, то взрослые и подавно спуску не дадут!»

Сбросил солдата — да бежать.

Убежал и пропал, как в воду канул. Перестал по деревням летать да людей пожирать — так напугался!

ШАБАРША

Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дива дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша уж как взялся за гуж, так неча сказать — на все дюж!

Пошел Шабарша по батракам жить, да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей не родилось.

Вот и думает думу хозяин, думу глубокую: как разогнать злую кручину, чем жить-поживать, откуда деньги брать?

— Эх, не тужи, хозяин! — говорит ему Шабарша. — Был бы день — хлеб да деньги будут!

И пошел Шабарша на мельничную плотину. «Авось, — думает, — рыбки поймаю; продам — ан вот и деньги! Эге, да веревочки-то нет на удочку... Постой, сейчас совью».

Выпросил у мельника горсть пеньки, сел на бережку и ну вить уду. Вил, вил, а из воды прыг на берег мальчик в черной курточке да в красной шапочке.

— Дядюшка! Что ты здесь поделываешь? — спросил он.

— А вот веревку вяю. — Зачем?

— Да хочу пруд вычищать да вас, чертей, из воды таскать.

— Э, нет! погоди маленько, я пойду скажу дедушке. Чертенек нырнул вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, — думает, — сыграю я с вами, окаянными, шутку, принесете вы мне и злата и серебра».

И начал Шабарша копать яму; выкопал и наставил на нее свою шапку с вырезанной верхушкой.

— Шабарша, а Шабарша! Дедушка говорит, чтобы я с тобой сторговался. Что возьмешь, чтобы нас из воды не таскать?

— Да вот эту шапочку насыпьте полную злата и серебра. Нырнул чертенек в воду; воротился назад:

— Дедушка говорит, чтобы я с тобой сперва поборолся.

— О, да где ж тебе со мною бороться! Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкой.

— А где твой Мишка?

— А вон, смотри, отдыхает в яру под кустиком.

— Как же мне его вызвать?

— А ты подойди да ударь его по боку, так он и сам встанет.

Пошел чертенек в яр, нашел медведя и хватил его дубинкой по боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутил чертенка так, что у него все кости затрещали. Насилу вырвался из медвежьих лап, прибежал к водяному старику.

— Ну, дедушка, — рассказывает он в испуге, — у Шабарши есть средний брат Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что ж было бы, если б сам-то Шабарша стал бороться?

— Гм! Ступай, попробуй побегать с Шабаршей взапуски: кто кого обгонит?

И вот мальчик в красной шапочке воротился к Шабарше, передал ему дедушкины речи,

а тот ему в ответ:

— Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька — и тот тебя далеко за собой оставит!

— А где твой брат Заинька?

— Да вон — в травке лег, отдохнуть захотел. Подойди к нему поближе да тронь за ушко — вот он и побежит с тобою!

Побежал чертенок к Заиньке, тронул его за ушко; заяц так и прыснул! Чертенок было вслед за ним:

— Пстой, пстой, Заинька, дай с тобой поравняться... Эх, ушел!

— Ну, дедушка, — говорит водяному, — я было бросился резво бежать. Куда! И поравняться не дал; а то еще не сам Шабарша, а меньшей его брат бегал!

— Гм! — проворчал старик, нахмурив брови. — Ступай к Шабарше и попробуйте: кто сильнее свистнет?

Пришел чертенок к Шабарше:

— Шабарша, а Шабарша! Дедушка велел попробовать: кто из нас крепче свистнет?

— Ну, свисти ты прежде.

Свистнул чертенок, да так громко, что Шабарша насилу на ногах устоял, а с дерев так листья и посыпались.

— Хорошо свистишь, — говорит Шабарша, — а все не по-моему! Как я свистну — тебе на ногах не устоять, и уши твои не вынесут... Ложись ничком наземь да затыкай уши пальцами.

Лег чертенок ничком на землю и заткнул уши пальцами; Шабарша взял дубину да со всего размаху как хватит его по шее, а сам — фю-фю-фю!.. — посвистывает.

— Ох, дедушка, дедушка! Да как же здорово свистнул Шабарша — ажио у меня искры из глаз посыпались; еле-еле с земли поднялся, а на шее да на пояснице, кажись, все косточки поломались!

— Ого! Не силен, знать, ты, бесенок! Пойди-тка, возьми там, в тростнике, мою железную дубинку, да попробуйте: кто из вас выше вскинет ее на воздух?

Взял чертенок дубинку, взвалил на плечо и пошел к Шабарше.

— Ну, Шабарша, дедушка велел в последний раз попробовать: кто из нас выше вскинет на воздух эту дубинку?

— Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю.

Вскинул чертенок дубинку — высоко-высоко полетела она, словно точка в вышине чернеет! Насилу дождались, пока на землю упала...

Взял Шабарша дубинку — тяжела! Поставил ее на конец ноги, оперся ладонью и начал пристально глядеть на небо.

— Что же ты не бросаешь? Чего ждешь? — спрашивает чертенок.

— Жду, когда вон энта тучка подойдет — я на нее дубинку вскину; там сидит мой брат кузнец, ему железо на дело пригодится.

— Э, нет, Шабарша! Не бросай дубинки на тучку, а то дедушка рассердится!

Выхватил бесенок дубинку и нырнул к дедушке.

Дедушка как услышал от внука, что Шабарша чуть-чуть не закинул его дубинки,

испугался не на шутку и велел таскать из омута деньги да откупаться. Чертенюк таскал, таскал деньги, много уж перетаскал — а шапка все не полна!

— Ну, дедушка, на диво у Шабарши шапочка! Все деньги в нее перетаскал, а она все еще пуста. Теперь остался твой последний сундучок.

— Неси и его скорее! Веревку-то он вьет?

— Вьет, дедушка!

— То-то!

Нечего делать, почал чертенюк заветный дедушкин сундучок, стал насыпать Шабаршову шапочку, сыпал, сыпал... насилу дополнил! С той поры, с того времени зажил батрак на славу; звали меня к нему мед-пиво пить, да я не пошел: мед, говорят, был горек, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое умных, третий дурак. Помер старик. Сыновья разделили имение по жеребью. Умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка. Умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит:

— И я, братцы, поведу своего быка продавать.

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая, сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит.

«Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка?»

— Ну, — говорит, — коли хочешь покупать так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!

Береза ничего ему не отвечает, только скрипит, а дураку чудится, что она быка в долг просит.

— Изволь, я подожду до завтра!

Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой.

Вот приехали умные братья и стали спрашивать: — Ну что, дурак, продал быка?

— Продал.

— За дорого?

— За двадцать рублей.

— А деньги где?

— Денег еще не получал; сказано — завтра приходить.

— Эх ты, простота!

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза, от ветра качается, а быка нету: ночью волки съели.

— Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сего дня заплатишь.

Ветер подул — береза заскрипела, а дурак говорит:

— Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: «Завтра отдам» — и нынче то же сулишь. Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны.

Воротился домой. Братья опять к нему пристают:

— Что, получил деньги?

— Нет, братцы! Пришлось еще денег подождать.

— Да кому ты продал?

— Сухой березе в лесу.

— Экой дурак!

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит.

— Нет, земляк! Коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь.

Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны.

В той березе было дупло... а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой. Принес и показывает братьям.

— Где ты, дурак, добыл столько?

— Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай, и половины домой не притащил. Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное.

Пошли в лес, забрали деньги и понесли домой. Сказке — конец, а мне — меду корец.

ДОЧЬ-СЕМИЛЕТКА

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?

И положил им сроку три дня:

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманек?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего в свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего в свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвертая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошел или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подает отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросна: было бы на чем полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора цыплят.

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернешься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было

поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит;

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку.

Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подает ему перепелку.

Царь протянул было руку, перепелка — порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!

— А ты умен? Когда видано, чтобы телега жеребенка принесла?

Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой. Стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и начали его корить родичи и знакомцы.

— Вишь,— говорят,— двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!

Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть.

Пришел во дворец. Царь спрашивает: — Зачем, солдат?

— Так и так, ваше царское величество! Служил я тебе целых двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал: пришел смотреть.

— Ну смотри!

Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает:

— Хорош ли я?

— Хорош,— отвечает солдат.

— Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?

— Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно.

— А широка ли земля?

— Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!

— А глубока ли земля?

— Да был у меня дед, умер тому`назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!

Царь отослал солдата в темницу и наказал ему:

— Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей: умеи по перу выдернуть.

— Ладно!

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал. Они думали-думали, не могли ответа дать, и велел их царь посадить в темницу. Спрашивает их солдат:

— Купцы-молодцы, вас за что посадили?

— Да, вишь, государь нас допрашивает, далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока, а мы — люди темные, не могли ответа дать.

— Дайте мне каждый по тысяче рублей, я вам правду скажу.

— Изволь, брат, только научи.

Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадывать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата. Задал купцам те же самые загадки и, как скоро они отгадали, отпустил их по своим местам.

— Ну, служба! Сумел по перу сдернуть?

— Сумел, царь-государь, да еще по золотому!

— А далеко ль тебе до дому?

— Отсюда не видно — далеко, стало быть!

— Вот тебе тысячу рублей, ступай с миром! Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой. А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне годишься? Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

По щучьему веленью,
По моему хотенью.

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота! Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю. — Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится;

— Это что за чудо? Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет. Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

пускай царская дочь меня полюбит... И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь заведовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля; видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просит:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его золотом-серебром и отпустил его на все четыре стороны.

Вот получил солдат отставку и пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

— Неужели на протинах не поднесешь, а прежде ведь мы хорошо жили?

Вот солдат и начал подносить своим товарищам; подносил-подносил — глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идет наш солдат. Близко ли, далеко ли, видит: стоит в сторонке кабачок; зашел солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошел далее. Прошел немного, встретила ему старуха и стала милостыню просить; солдат и подал ей пятак. Прошел опять

немного, смотрит, а та же старуха опять идет навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется: как это старуха опять очутилась впереди? Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал.

Прошел опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню. Разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит:

— Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно!

И хотел было уж бросить — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему:

— Что вам угодно?

Солдат удивился и ничего не мог им сказать, а потом закричал:

— Что вам от меня надобно?

Один из них подошел поближе к служивому и говорит:

— Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай.

Солдат думал, что все это ему грезится, протер глаза, решился попробовать да и говорит:

— Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска и трубка с табаком!

Не успел солдат еще и кончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку.

Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему:

— А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

— Сколько угодно, — сказал молодец.

— Ну так убери все, — сказал солдат и пошел дальше.

Вот шел он после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом — в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

— Где барин живет?

А мужики и говорят:

— Да что тебе в нашем барине?

— Да ночевать бы надо попроситься!

— Ну, — говорят мужики, — только поди, так он уж отправит тебя чертям на обед!

— Ничего, — говорит солдат, — и с чертями разделаться можно. А скажите, где барин-то живет?

Мужики показали ему барский дом, и солдат пошел к нему и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит:

— Пустить-то я, пожалуй, и пушу, да только у меня там не тихо!

— Ничего, — говорит солдат.

Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей

волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать все, а молодец говорит:

— Я не могу убрать — не все на столе. Солдат посмотрел да и говорит:

— Ты, барин, для чего ложку взял?

— Я не брал,— говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости запер на замок все двери.

Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил их и стал чертей дожидаться.

Около полуночи слышит, что кто-то у дверей пищит. Подождал еще солдат немного, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один кричит:

— Напирай, напирай! А другой кричит:

— Да куда напирать, коли крестов наставлено!.. Солдат слушал, слушал, а у самого волосы дыбом встают, даром что нетрусливого десятка был. Наконец и закричал:

— Да что вам тут от меня надо, босоногие? - Пусти! — кричат ему из-за двери черти.

— Да на что я вас пущу сюда?

— Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гириями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

— А что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок?

— Все войдем,— говорят ему из-за двери черти. Солдат наделал на мешке крестов углем, притворил немного двери да и говорит:

— Ну-ка, я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете?

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирю да и давай по мешку бить. Бьет, бьет да и пощупает: мягко ли?

Вот видит солдат, что наконец мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается.

Вот солдат как крикнет:

— А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а?

Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку:

— Еще придете сюда, так я вам не то еще задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит:

— Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошел себе дальше.

Вот шел и шел он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

— Что тебе надо от меня, старая? Хочешь, тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

— Я послана господом взять у тебя душу!

Вздрогнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит:

— Смилуйся, матушка смерть, дай мне сроку только три года; прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

— Нет,— говорит смерть,— не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года.

— Дай хоть на три месяца.

— Не дам и на три недели.

— Дай хоть на три дня.

— Не дам тебе и на три минуты,— сказала смерть, махнула косой и уморила солдата.

Вот очутился солдат на том свете да и пошел было в рай, да его туда не пустили: недостойн, значит, был. Пошел солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

— Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а?

Черти все побежали от него, а сатана и кричит:

— Вы куда, детки, побежали-то?

— Ой, батька,— говорят ему чертенята,— ведь солдат-то тот здесь!

Как услышал это сатана, да и сам побежал в огонь. Вот солдат походил, походил по аду — скучно ему стало; пошел в рай да и говорит господу:

— Господи, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошел к тебе, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

— Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружье и стой на часах у райских дверей!

Пошел солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружье да и стал на часы к райским дверям.

Вот стоял он так, долго ли, коротко ли, и видит, что идет смерть, да и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

— А тебе что там надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет!

Смерть и говорит:

— Я пришла к господу спросить, каких на этот год велит людей морить.

Солдат и говорит:

— Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружье-то по держи, а я схожу спрошу.

Пришел служивый в рай, а господь и говорит:

— Зачем ты, служба, пришел?

— Пришла смерть, господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

— Пусть морит самых старых!

Пошел солдат назад да и думает:

«Самых старых велит господь людей морить; а что, если у меня отец еще жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!»

Пришел да и говорит смерти:

— Смерть, господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старее нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у ней ружье и стал опять у райских дверей ходить.

Прошел на белом свете год, смерть опять пришла спросить, каких на этот год велит ей господь людей морить.

Солдат отдал ей ружье, а сам и пошел к господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матерых, а солдат опять и думает:

«А ведь у меня там есть еще братья да сестры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызет дубов, а там, быть может, нашего брата-солдата и миловать станет!»

Пришел да и послал смерть грызть самые ядреные, матерые дубы.

Прошел и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал ее молодые дубы грызть.

Вот, как пришла смерть на четвертый раз, солдат и говорит:

— Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела!

Пошла смерть к господу, а господь и говорит ей:

— Что ты, смерть, худая такая стала?

— Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, господи, на меня так прогневался?

— Что ты, что ты, смерть,— говорит ей господь,— с чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть?

— Да так мне солдат сказал,— говорит смерть.

— Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка, приведите ко мне солдата!

Пошли ангелы и привели солдата, а господь и говорит:

— С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

— Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

— Ну, так поди-ка теперь,— говорит господь,— да откармливай-ка ее три года! Ангелы! Выведите его на белый свет!

Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть.

Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит:

— Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял еще палок да каменья положил туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят!

Смерть и говорит:

— Да что ты, служивый, потише!

— Вот еще, потише, еще чего скажешь, а по-моему, так: сиди, коли посажена!

Вот шел он так два дня, а на третий пришел к свату-целовальнику да и говорит:

— Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришел солдат домой, а отец еще жив. Обрадовался, а еще больше обрадовались родные.

Вот жил так солдат и здорово и весело целый год.

Пришел солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

— Смерть, жива ли ты?

— Ой,— говорит смерть,— едва не задохлась!

— Ну ладно,— говорит солдат.

Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул. Смерть и говорит:

— Служивый, дай-ка мне!

Она все просила, что увидит у солдата. Солдат и говорит:

— Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь.

Только что смерть залезла в табакерку, солдат захлопнул да и носил ее целый год. Потом он опять отворил табаоерку да и говорит:

— Что, смерть, нанюхалась?

— Ой,— говорит смерть,— тяжело!

— Ну,— говорит солдат,— пойдем, я теперь покормлю тебя!

Пришел он домой да и посадил ее за стол, а смерть ела да ела за семерых. Рассердился солдат и говорит:

— Ишь, прорва, за семерых съела! Эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая?

Посадил ее в мешок да и понес на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал ее туда.

Вот прошло три года, господь вспомнил про смерть и послал ангелов ее отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскивали солдата да и говорят ему:

— Куда ты, служивый, смерть-то девал?

— Куда девал? А в могилу зарыл!

— Да ведь господь ее к себе требует,— говорят ангелы.

Пришел солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли ее к господу, а он и говорит:

— Что ты, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала господу все, а он и говорит:

— Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, поди-ка кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить.

МЕНА

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть.

Шел мимо старик, мужичок-серячок, услышал крик, кинулся и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиной с конскую голову.

Взял золото мужичок и идет домой, а навстречу ему барышник целый табун лошадей гонит.

— Здравствуй, старик! Откуда бредешь?

— Из города, от богатого купца.

— Что же тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошел дальше. Ёдет старик, а навстречу ему пастух волов гонит.

— Здравствуй, старик! Откуда бредешь?

— Из города, от купца.

— Что ж тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— А где ж оно?

— Променял на коня.

— Променяй мне коня на любого вола. Старик выбрал вола, поблагодарил и пошел.

Идет старичок, а навстречу овчар гонит овечье стадо.

— Здравствуй, старичок! Откуда бредешь?

— От богатого купца, из города.

— Что же тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошел дальше.

Идет старик, а навстречу свинопас поросят гонит.

— Здравствуй, старик! Где был?

— В городе, у богатого купца.

— Что же тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

— Давай мне барана, бери себе лучшего поросенка. Выбрал старик поросенка, поблагодарил пастуха и пошел. Идет старик, а навстречу ему коробейник с коробом за спиной.

— Здравствуй, старик! Откуда идешь?

— От купца, из города.

— А что тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана

— А баран где?

— Променял на порося.

— Променяй мне поросенка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошел домой. Пришел старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял. Выбежала старику навстречу старушка:

— Ах, голубчик мой, я без тебя здесь совсем пропала! Ну, рассказывай: был ты у купца?

— Был.

— Что тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

— А баран где?

— Променял на поросенка.

— А поросенок где?

— Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.

— Ну хорошо, голубчик, что ты хоть сам вернулся! Пойдем в избу ужинать.

И теперь живет старичок со старушкой, счастливы и без золота.

ДВА МОРОЗА

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родные брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали. Говорит один Мороз другому:

— Братец Мороз — Багровый нос! как бы нам позабавиться — людей поморозить?

Отвечает ему другой:

— Братец Мороз — Синий нос! коль людей морозить — не по чистому нам полю гулять. Поле все снегом занесло, все проезжие дороги замело; никто не пройдет, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору! Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Все нет-нет да кто-нибудь и встретится по дороге.

Сказано — сделано. Побежали два Мороза, два родные брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по елкам, по сосенкам пощелкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут — кора ледяная; былинка ль из-под снега выглядывает — дунут, словно бисером ее всю унижут.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок.

Стали Морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз — Синий нос, как был моложе, говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорее дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, ничего. Он же, никак, дрова рубить едет... А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нем шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не совладаю.

Мороз — Багровый нос только подсмеивается.

— Молод еще ты,— говорит,— братец!... Ну, да уж быть по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдемся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!

— Прощай, братец! Свистнули, щелкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга:

— Что?

— То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то,—

говорит младший,— а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

— Эх,— говорит,— братец Мороз — Синий нос, молод ты и прост. Я его так уважил, что он час будет греться — не отогреется.

— А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги да как зачал знобить!.. Он-то ежится, он-то жмется да кутается; думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него — чуть живого в городе из повозки выпустил. Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

— Эх, братец Мороз — Багровый нос! Плохую ты со мною шутку сшутил, что вовремя не образумил. Думал — заморожу мужика, а вышло — он же отломал мне бока.

— Как так?

— Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его понимать: только он все не робеет — еще ругается: такой, говорит, сякой этот мороз! Совсем даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: «Тут мне

сломить его». Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал даже пот его прошибать. Вижу: плохо — не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю: «Как быть?» А мужик все работает да работает. Чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди ж, говорю, вот я тебе покажу себя». Полушубок весь мокрехонек. Я в него — забрался везде, заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик свое дело да подошел к полушубку, у меня и сердце выиграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать — все слова перебрал, что нет их хуже. «Ругайся! — думаю я себе, — ругайся! А меня все не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался. Выбрал полено подлиннее да посучковатее да как примется по полушубку бить! По полушубку бьет, а меня все ругает. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз — выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушел. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Закаялся я мужиков морозить.

— То-то!

ПРО ОДНОГО СОЛДАТА

Прослужил солдат у царя три года, и царь за службу дал ему три копейки. Ну, он и пошел домой. Идет, а по дороге попадается мышь:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, мышь!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Три копейки!

— Дай мне одну копейку, я тебе, может, пригожусь. «Ну,— подумал солдат,— не было денег, да и тут не деньги!»

Взял и отдал мышке копейку. И пошел дальше. Идет, попадается ему жук:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, жук!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Дал три копейки, да я отдал мышке одну копейку, осталось две!

— Дай мне копейку, я тебе, может, тоже пригожусь.

Отдал солдат копейку и пошел дальше. Идет, попадается рак:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, рак!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Дал три копейки, а я мышке отдал копейку, жуку — копейку, еще осталась одна.

— Дай мне тоже копейку, я тебе тоже, может, пригожусь!

Отдал и эту копейку, пошел без денег. И как раз пришлось солдату идти через Питер и с Васильевского острова по мосту переезжать Неву. Это как раз к Зимнему дворцу мост-то подходит. А на мосту народу — протолкнуться некуда, не то чтобы солдату пройти. Солдат спрашивает у народа:

— Что такое тут делается?

А ему отвечают:

— Вот что, солдат. У царя дочь положила зарок: кто рассмешит ее, за того и замуж выйти. Видишь, она сидит на балконе, а на площади по-всякому стараются, как бы рассмешить царевну, но придумать ничего не могут!

Ну, делать нечего, мостом идти нельзя, пошел солдат позади перил. Но шинель-то у него была рваная, как-то за гайку дыркой задел, и сдернуло его с моста в Неву. Вдруг, откуда ни возьмись,— мышь, жук, рак, солдата из Невы вытащили, и как раз против Зимнего дворца, где стояла царевна на балконе. Вот мышь разувает его, жук портянки выжимает, а рак вилки свои расставил да на солнышке портянки и сушит. День-то был хороший!

А царевна на балконе увидела, рассмеялась и в ладони захлопала:

— Ой, как хорошо за солдатом ухаживают!

Ну, солдата сейчас же забрали, привели к царю, царь и говорит:

— Так вот что, солдат, царское слово назад не берется, и дочернин зарок я должен исполнить, выдать за тебя замуж дочку!

Ну, недолго думавши, честным пирком да за свадебку. Да недолго солдату пришлось жить у царя, захотелось ему домой. Царь и говорит ему:

— Чтобы тебе, зять, пешком не идти, дам тебе я лошадь!

И дал он ледяную кобылу, гороховую плетку, синий кафтан да красную шапку. Вот солдат сел на кобылу и поехал домой. Ну, на такой кобыле круто не поедешь. Ехал он целую зиму до Пудожа, весной остановился на Филимонихе. День-то был веселый, жаркий, заснул солдат, ледяная кобыла и растаяла, а гороховую плетку сороки да вороны расклевали; остался у него синь кафтан да красная шапка, и пошел солдат на Заречье пешком. Идет он по деревне Истоминой, а ребята и кричат:

— У Федьки синь кафтан!

А ему почудилось «скинь кафтан». Солдат кафтан снял да и повесил на кол и пошел дальше. Идет по деревне Сениной, а ребята кричат:

— У Федьки красная шапка!

А солдату почудилось «крадена шапка». Он и ее на кол повесил. Перешел через деревню, а тут хлебные зароды, ворона сидит и каркает:

— Бурлак идет! Бурлак идет! А сорока на колу кричит:

— Чики, чики из Питера, чики, чики из Питера! Дошел солдат до дому, петух у крыльца кричит:

— Без денег, без денег!

Заходит в сени, а курица на сарае сидит кричит:

— Как это так? Как это так? Как это так?

Зашел в избу, а кошка с печи спрыгнула и кричит:

— Профурал, профурал, профурал!
Вот так ничего у солдата и не осталось.

ПРО НУЖДУ

Жил в деревне бедный мужичок. Вот однажды работает он в мороз в худенькой своей одежонке, дрова рубит — не нагреется; лицо его от мороза разгорается. Въезжает в деревню барин, остановился около мужика:

— В какую стужу ты рубишь!
— Эх, сударь, нужда рубит! Барин изумился, спрашивает кучера:
— А что, кучер, какая это нужда? Знаешь ли ты ее?
— Я только сейчас, сударь, слышу, спрашивает барин мужика:

— Какая же это, мужичок, нужда? Где она у тебя? Мужик и говорит:

— А на что тебе, сударь?

— Да охота мне ее поглядеть.

Увидал мужик: в чистом поле на бугринке стоит былинка вся в снегу.

— А вот,— сказал мужик,— на бугре, сударь, нужда стоит! Вот она как от ветру шатается, и никто не догадается!

Барин и говорит:

— Нет ли времечка тебе ее нам указать?

— Пожалуй, можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле нужду глядеть. Выехали они на бугринку, а другая былинка дальше стоит. И указывает мужик рукой:

— А вот, сударь, она в стороне. Нам ехать нельзя: снег глубок.

— Покарауль-ка,— сказал барин,— тройку лошадей, я схожу погляжу.

Барин слез и пошел, а кучер-то и говорит:

— Сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть.

И полезли по снегу оба. Одну былинку пройдут, другую найдут, а еще нужду не видят. А мужичок-то был не промах, выпряг лошадей, сел на одну, а других стегнул да и полетел. Только они его и видели. Полазили по снегу два дурака, на дорожку вышли, к повозке подошли, а лошадушек след простыл. Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет, а повозку бросить жалко. Говорит барин кучеру:

— Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть в пристежку.

Кучер говорит:

— Нет, вы, барин, поисправнее, немножко посильнее — вы в корень, а я — в пристежку.

Ну, нечего делать, запрягся барин в корень. Везут да везут, повезут да встанут. А мужик припрятал лошадей и пошел навстречу.

— Что это вы, барин, повозку на себе везете? Барин сердито говорит:

— Уйди! Нужда везет.

— Какая же это нужда?

— Ступай в поле, вот там на бугре стоит!

А сам везет да везет. Приехал домой еле жив. Нужду увидел и тройку лошадей потерял.

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе жила барыня — и до того сердитая, никому житья не было! Староста придет спросить что — она его не отпустит, пока не отхлещет. А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак.

Вот раз приходит солдат на побывку домой. Рассказали ему про барыню, а он и говорит: «Я ее проучу».

Настала ночь, барыня уснула. Велел солдат лошадей запрячь.

Подъехал к усадьбе, тихонько вынес барыню и отвез в избу к сапожнику. А сапожникову жену отвез в усадьбу.

Пробудилась на заре жена сапожника, видит — дом преотличный. Тотчас служанки к ней подбежали, подают умываться. Помылась — подали полотенце, вытерлась. Подают самовар. Села она чай пить. Староста приходит к ней на цыпочках. Она взглянула на него: что за мужик?

— Тебе,— говорит,— что надо?

— Я, барыня, пришел спросить, какой наряд на сегодня дадите.

А она догадалась, как ответить:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел на кухню и говорит:

— Сегодня барыня добрая, просто отроду такая не бывала!

Живет сапожникова жена в усадьбе месяц и другой, и так ее расхвалили крестьяне — по всей округе нет лучше барыни! А барыня пробудилась утром у сапожника и кричит:

— Слуги! Сапожник сидит и шьет:

— Подымайся, баба, пора печь топить!

— А ты кто такой! Подавай умываться!

— Ах ты, барыня! Сама поди по воду: солнышко давно встало. — Вскочил со стула, сдернул ремень и давай ее хлестать. — Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того хлестал ее, пока не устал. Барыня взмолилась. Побрела по воду, потом за дровами, затопила печь, кое-чего сварила.

И так жила она месяца два. За что ни возьмется, ничего у нее не выходит, все из рук валится: то щи недоварит, то воду разольет. Сапожник ее не раз колотил. И сделалась барыня добрая, работающая.

Как услышал об этом солдат, переменял ночью барыню и сапожникову жену.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты:

«Что это, я в старом доме? Откуда я взялась?»

Спросила служанок:

— Служанки! Как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-мягкая сделалась. А сапожникова жена стала жить по-старому.

УМНЫЙ РАБОТНИК

У бедного старика было три сына. Посылает отец старшего:

— Поди наймись в батраки, все чего-нибудь заработаешь.

Пошел старший сын в другую волость, а навстречу ему поп:

— Наймись, свет, ко мне, только, чур, уговор такой: коли хоть на день раньше срока уйдешь — не видать тебе твоего заработка, ни копейки не дам.

Молодец перечить не стал и нанялся к попу на год.

Будит поп работника до солнышка, работать заставляет дотемна, а кормит один раз в день не досыта.

От голода да от тяжелой работы парень совсем отощал — насилу ноги волочит.

«Коли до срока жить — живому не быть, совсем изведусь».

Махнул рукой на заработок и с пустыми руками воротился домой.

А попу того и надо, чтобы работник до срока ушел. Все тяжелые работы справлены, и деньги целы.

На другой год пошел средний брат в работники наниматься. И таким же манером, как и старший брат, полгода у попа мучился и тоже без копейки, чуть живой домой приплелся.

На третий год настал черед младшему брату в люди идти.

Пошел он прямо к тому попу, где старшие братья горе мыкали.

— Вот и хорошо,— обрадовался поп,— я как раз работника ищу. Рядись, платой не обижу, а уговор такой: до срока проживешь — получай все сполна, что ряжено; если раньше уйдешь — пеняй на себя, копейки не заплачу.

— Ладно,— отвечает молодец.

И ударили по рукам.

На другое утро — ни свет ни заря — будит поп работника:

— Вставай, скорей запрягай, поедем за сеном на дальний покос.

Покуда работник коней запрягал, поп успел плотно позавтракать, а работнику попадья дала всего две вчерашние картофелины.

— Позавтракаешь в дороге — видишь, батюшка торопится, сердится...

Поехали. Только миновали околицу, соскочил парень с саней и закричал:

— Постой, батюшка! Я веревки забыл, сейчас сбегаяю.

Поп коня придержал, бранится.

А работник прибежал, постучался:

— Ох, матушка, батюшка велел принести каравай белого хлеба да три пирога с рыбой.

Попадья припасы завернула, подала.

Молодец прихватил в сенях веревки, воротился.

— Трогай, батюшка, веревки принес.

— Ладно, хоть недалеко отъехали,— ворчит поп.

Покуда до места добрались, сено укладывали да увязывали — времени прошло много.

Только к вечеру тронулись в обратный путь. Поп с переднего воза кричит:

— Дорога ровная, без раскатов, я подремлю! А ты, парень, гляди, как доедем до развилки, надо влево держать!

После того завернулся с головой в теплый дорожный тулуп и улегся спать.

Работник пирогов наелся да белого хлеба, лежит на своем возу. Доехали до развилки, и направил молодец коней не влево, как поп наказывал, а вправо. Влез на воз, посмеивается. «Проучу долговолосого, попомнит меня».

Верст пятнадцать еще отъехали. Тут поп проснулся, огляделся — видит, едут не туда, куда надо, заругался:

— Ох, будь ты неладен! Ведь говорил — держи влево. И о чем только ты думал, куда глядел?

— Как куда глядел? Да ведь сам ты и кричал: «Держись правой руки!»

«Видно, я обмолвился», — подумал поп и говорит:

— Ну, делать нечего, надо кружным путем ехать. Тут верст через десять деревня будет, придется переночевать. Время позднее, да и есть смертельно охота, прямо терпенья нет.

— А ты, батюшка, сенца попробуй, — работник говорит, — я вот так славно подкрепился, сыт-сытехонек.

Поп надергал травы, что помягче, пожевал, пожевал, выплюнул:

— Нет, не по мне это кушанье.

Ехали еще час ли, два ли — показалась деревня. Привернули к самой богатой избе, к лавочнику.

— Ступай, — поп говорит, — просись ночевать, у меня от голода руки-ноги трясутся.

Работник постучался:

— Добрые люди, пустите переночевать! Вышел хозяин:

— Заезжай, заезжай, ночлега с собой не возят.

— Да я не один, — шепотом говорит молодец, — со мной батюшка нездоровый — вроде не в своем уме. Так смирный, тихий, а как услышит, что два раза одно и то же скажут, как лютый зверь становится, на людей кидается.

— Ладно,— хозяин отвечает,— буду знать и своим закажу.

Работник коней распряг, задал корм и помог попу слезть с воза.

Зашли в избу. Хозяева с опаской поглядывают на попа, помалкивают.

Подошло время к ужину, накрыли стол.

Хозяйка промолвила:

— Садитесь, гости, с нами хлеба-соли отведать.

Работник сразу за стол, а поп ждет, когда еще раз попотчуют.

Хозяева другой раз не зовут, не смеют.

Сели ужинать. Сидит поп в сторонке, злится на себя: «Надо бы сразу за стол садиться».

Так и просидел весь ужин не солоно хлебавши.

Хозяйка убрала со стола, постелила попу с работником постель.

Молодец только голову на подушку уронил, сразу крепко уснул. И хозяева уснули.

А голодному попу не до сна.

Растолкал, разбудил работника:

— Ой, есть хочу, терпенья нет.

— А чего ужинать не стал?

— Думал, еще попотчуют.

— Приметил я,— шепчет работник,— около печки на полке горшок с кашей, поди поешь.

Поп вскочил и через минуту снова будит работника:

— Горшок с кашей нашел, а ложки нет. Рассердился парень:

— Ну где я тебе ложку возьму! Засучи рукава и ешь рукой.

Поп от жадности сунул в горшок обе руки, а в горшке был горячий вар. Третий раз будит работника, трясет горшком:

— Ох, мочи нет, руки горят и вынуть не могу!

— Беда с тобой,— парень ворчит.— Гляди, у стены точильный камень. Разбей горшок, и вся недолга.

Поп изо всех сил хватил горшком, только черепки полетели. В эту же минуту кто-то истошно завопил:

— Караул, убили!

Поп кинулся вон из избы.

Вся семья всполошилась, зажгли огонь и видят: у хозяина вся голова залита варом. Стонет старик. Сыновья хозяина приступили к работнику:

— Зачем старика изувечили?

— Кто кого изувечил? И знать не знаю, и ведать не ведаю. А вот куда вы нездорового попа девали?

Хозяева — туда-сюда: и в сени и на сеновал. Все обыскали — нигде нет попа.

— Вот видите,— работник говорит,— хозяин-то уж очухался, а попа нет. Люди вы справные, отпустите товару из лавки на сотню рублей — замнем дело, а не то в волость поеду, придется вам в ответе быть.

Хозяева помялись, помялись, дали товару на сто рублей.

Молодец подарки прихватил, коней запряг и поехал домой.

Версту от деревни отъехал, глядь — из соломенного омета поп вылезает:

— Боялся, что хозяева тебя не выпустят.

— Хозяина-то ведь не я, а ты убил,— работник отвечает,— тебе и в остроге сидеть. Кто меня держать станет?

— Так разве до смерти?

— А ты как думал? Сейчас за урядником поедут. Поп руками всплеснул, трясется весь:

— Ох, горе горькое! Неужто нельзя как-нибудь уладить?

— Уладить можно,— работник говорит,— я уж просил хозяев: мол, все равно старика не оживишь.

— Ну и что?

— Да известно что: дорожатся.

— Я ничего не пожалею, все отдам, только бы замять дело!

— Просят пару коней да триста рублей денег. Ну, и мне за хлопоты хоть сотню надо.
«Слава богу,— думает поп,— дешево отделался». Отвалил работнику четыре сотенки, отдал коней.

— Беги скорее, покуда не раздумали!

Работник отвел коней на гумно, привязал, помешкал там малое время, воротился к попу.

— Ступай домой, ничего не бойся, все дело улажено.

Поп пустился наутек, от радости ног не чувствует.

А работник привел отцу пару коней, отдал деньги. И за себя и за братьев получил от попа сполна.

ГЛУПАЯ БАРЫНЯ

Жила-была барыня, глупая-преглупая. Что ни забьет себе в голову — умри, а исполни.

Вот задумала барыня вывести сорок цыплят, и чтобы все были черненькие.

Горничная говорит:

— Да разве это, барыня, возможно?

— Хоть и невозможно, а хочется, — отвечает барыня. Зовет она своего кучера и приказывает:

— Садись в лукошко, выводил сорок цыплят, да чтобы были они все черненькие.

— Помилуй, барыня! — говорит кучер. — Где же это видано — человека наседкой сажать?

Барыня и слушать не хочет.

— Тебе, — говорит, — привычно на козлах сидеть, посидишь и в лукошке.

«Вот проклятые господа! — думает кучер. — Всю шею нам обвели, хоть бы все околели!»

— Что ж, — говорит, — воля ваша. Только дай мне, барыня, то, что я попрошу. А нужно мне чаю, сахару, харчей побольше, тулуп, валенки и шапку.

Барыня на все согласна.

Отвели кучера в баню. Дали ему все, что просил. Посадил он наседкой курицу. Стали к нему друзья ходить, он их — чаем поить. Сидит с ними, чаек попивает, барыню дурой обзывает.

Ни мало ни много времени прошло, вывела наседка цыплят, из них три черненьких.

Берет кучер черненьких пискунов в лукошко, идет к барскому окошку:

— Вот, барыня, трех уже высидел. Получай да харчей прибавляй. Сама видишь: тяжело мне их высиживать.

Барыня обрадовалась, харчей прибавила, кучера досиживать заставила.

Каждый день слуг шлет узнать, сколько еще черненьких наклюнулось.

Видит кучер: дело плохо. Говорит своим друзьям:

— Вы, ребята, зажигайте баню да меня держите. Буду я рваться, в огонь кидаться, а вы не пускайте.

Ладно, так и сделали. Баню подожгли. И барыне доложили. Загорелась, мол, баня по неизвестной причине.

Вышла барыня на крыльцо и видит: горит баня, пылает, а кучер убивается, в огонь кидается. Слуги его держат, не пускают, а он одно:

— Клу-клу!.. Клу-клу!.. Клу-клу!..

Слуги говорят:

— Ой, барыня, смотри, как он сокрушается, как его материнское сердце разрывается!

А барыня кричит:

— Держите его, покрепче держите! Цыплят теперь не спасешь, так его бы удержать — очень хороша наседка!

Не успели пожар потушить, приказывает барыня кучеру опять цыплят выводить.

А он, не будь глуп, взял валенки да тулуп — только его и видели.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину: — Ты всему дому голова — тебе голову. Потом отрезал задок, подает барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подает сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал. Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем. Одного дал сыновьям:

— И вас,— говорит,— трое. Одного дал дочерям;
— И вас трое.
А себе взял двух гусей:
— Вот,— говорит,— и нас трое с гусями, всё поровну.
Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

МУЖИК И БАРИН

Жил-был мужик да баба, у них было два сына. Братьям не приходилось вместе дома жить, один брат все ходил по чужой стороне.

Вот раз собрался он на чужую сторону, надел черный армяк и черный башлык, а желтый армяк и такой же башлык взял про запас. Идет путем-дорожкой, попадаетея ему навстречу барин, едет на паре.

Приказал барин кучеру остановиться. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика:

— А,— говорит,— добрый человек, вижу ты на чужой стороне бывал?

— Да, точно так,— говорит,— бывал.

— И много народу видал?

— Видал порядочно.

— Скажи, пожалуйста, кто лучше — поп, или судья, или из нашего брата, барин?

Мужик думал-думал и говорит:

— Из попов так половина дураков.

— Как так?

— А потому, что иной поп служит-торопится — чего не пропоет!

— А из судей?

— Из судей две трети дураков есть.

— Почему же?

— А потому что судьи — кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду льют.

— Ну, и это хорошо! А из нашего брата, из бар?

— Из вашего брата две трети дураков да треть безумников.

Барин говорит:

— Кучер, погоняй! — и поехал. Отъехали недалеко — говорит барин кучеру:

— Кучер, а кучер, ведь он нас ни во что поставил!

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой ты чудака! Ты бы давно сказал! Давай поворачивай коней, да спросим, почему он нас ни во что поставил.

Завертели коней и поехали.

Завидел мужик барина, скоро снял черный армяк и черный башлык, надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужичка в черном армяке да черном башлыке?

— Да, — говорит, — сейчас мимо прошел.
— Можем мы его догнать?
— Догнать-то можно, да вот дорог-то много.
— А не знаешь, которой он дорогой пошел?
— Как не знать! Я бы сразу нашел его.
— Так сделай милость, приведи его сюда.
— Мне нельзя уйти-то: сосна на озимь упадет.
— Ну мы с кучером подержим сосну.
— Давай, могу сходить. Пешком-то вот только не догнать — надо лошадь.
— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин взялся за сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и поскакал. Съездил в лесок — и назад скачет.

— Вот что, — говорит, — я там его догнал, посадил на лошадь, он поехал было да неладно, а как ежели мне сидеть, так он за мной не идет. Давайте другую лошадь, мы скоро приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Сел мужик на одну, а другую в поводу рядом погнал.

Приехал в то село, из которого был барин. Пришел к барыне и просит пять тысяч денег.

— Барыня, — говорит, — давай скорее пять тысяч, барин купил сто десятин лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— Какая записка?! Видишь, его кони!

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику. Он еще у нее спросил какую-нибудь повозку. Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, вон возьми ту, стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не потянут, давайте еще лошадь.

— Запрягай в корень молодого сивка, — говорит барыня.

Сел мужик в повозку и поехал домой.

А барин с кучером стояли, стояли, вот и говорит барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-от?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не смею сказать.

Барин и закричал:

— Ой ты фирюль! Я бы давно оставил сосну, пускай на озимь падет. Отбегай, чтобы не задавило.

Кучер отскочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай, — говорит барин, — толкнем.

Толкали, толкали — не могут спихнуть.

— Давай, — говорит барин, — разбежимся да толкнем, она и слетит.

Как ни разбегутся, кучер все раньше барина прибежит. Говорит барин кучеру:

— Ты отойди подальше, а я стану поближе, так вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер подальше, стал барин поближе, побежали к сосне. Подбегает кучер к

сосне и упал, а барин через него да лбом о сосну, лоб-от весь и расшиб.

Встал и пошел к своей повозке. Спрашивает у кучера:

— Что тяжелее: тарантас везти или хомуты нести?

Говорит кучер:

— Конечно, сами знаете, лошадь в тарантасе идет, так никогда не вспотеет, а под хомутом всегда мокро. Как хомут не тяжелее?!

— Так неси ты, кучер, хомуты, а я тарантас повезу: мне тяжелого не унести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легошенько пошел, а барин тарантас потащил — потом обливается.

Отстал барин от кучера — из виду потерял, кричит:

— Подожди, подожди! Остановился кучер — подождал барина. Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас да повезем вместе. Кучер положил хомуты в тарантас, а сам сунул в колеса по толстой палке — стягу. Взялись за тарантас. Барин понатужился — не может с места сдернуть.

— Нет,— говорит,— возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села. Выскочила барыня навстречу и говорит:

— Поздравляем вас с новой купчей! Барин вытаращил глаза и спрашивает!

— С какой купчей?

— Да ведь вы послали мужика, он увез пять тысяч денег на ваших конях да стеклянную повозку.

Барин отдышался да и захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, а и барыню.

БАРИН И ПЛОТНИК

Ехал плотник из лесу, толстое бревно вез. Навстречу ему барин на тройке катит.

— Эй, мужик, вороти с дороги!

— Нет, барин, ты вороти. Я с возом, а ты порожняком — тебе и воротить.

Не стал барин много разговаривать, крикнул кучеру да слуге:

— Свалите, ребята, воз с дороги да всыпьте мужику хорошенько, чтобы знал, как барину перечить!

Слуга с кучером не посмели барина послушаться, с козел соскочили, воз опрокинули в канаву, а плотника побили. Потом сели и поехали, только пыль столбом завилась.

Бился, бился плотник, вызволил кой-как воз из канавы, а сам думает:

«Ладно, барин, даром тебе это не пройдет, будешь помнить, как мастерового человека обижать».

Добрался до дому, свалил бревно, захватил пилу да топор и отправился в помещичью усадьбу. Идет мимо барского дома и кричит:

— Кому теплые сени сработать, кому баню срубить?
А барин строиться любил. Услыхал и зовет плотника:
— Да сумеешь ли ты хорошо сени построить?
— Отчего не сумею? Вот неподалеку отсюда такой лес растет, что коли из того леса сени построить, так и зимой их топить не надо, всегда будет тепло.
И зовет барина:
— Пойдем со мной строевой лес выбирать.
Пришли в лес. Ходит плотник от дерева к дереву да обухом поколачивает. Ударит, потом ухом приложится, послушает.
— Это нам не годится. А вот это — в самый раз подойдет.
Спрашивает барин:
— Как это ты можешь узнать, какое дерево годится? Научи и меня.
Подвел его плотник к толстому дереву:
— Обними вот это дерево и ухом крепче приложись. Я буду постукивать, а ты слушай, только крепче прижмись.
— Да у меня рук не хватает обнять дерево.
— Ничего, давай тебя привяжу.
Привязал барина за руки к дереву, выломал березовый прут и давай его тем прутом потчевать. Бьет да приговаривает:
— Я тебе и еще взбучку дам, будешь знать, как мужика напрасно обижать.
Бил, бил и оставил барина к дереву привязанным. Сам ушел.
Только на другой день нашли барина, отвязали его и привезли домой.
Слег барин с тех побоев в постель, хворает.
А плотник прикинулся знахарем, переоделся так, что узнать нельзя, и пришел в усадьбу.
— Не надо ли кого полечить, поправить?
Барин услышал и зовет:
— Полечи, братец, меня. Кони понесли, да вот упал и с тех пор ни сесть, ни встать не могу.
— Отчего не полечить? Прикажи истопить баню да скажи, чтобы никто к нам входить не смел, а то сглазят и все лечение пропадет, еще хуже тебе будет.
Баню вытопили, привел плотник барина, двери запер и говорит:
— Раздевайся и ложись на скамью, буду тебя едучей мазью мазать да парить; придется тебе потерпеть.
— Лучше ты меня привяжи к скамье, а то как бы не упасть.
Плотнику того и надо. Привязал барина к скамье крепко-накрепко и давай ремнем стегать. Бьет да приговаривает:
— Не обижай напрасно мастерового человека, не обижай мужика...
Напотчевал барина сколько надо и ушел домой.

На другой день приехал барин в город, увидел на базаре плотника и спрашивает:

— Скажи, мужичок, ты ведь вчерашний?

А плотник смекнул, в чем дело, и отвечает:

— Никак нет, мне сорок шесть лет, какой же я вчерашний!

БАРИН И СОБАКА

В одной деревне был крестьянин, а тут недалеко жил барин в своем имении. Крестьянину случилось раз пройти мимо имения. А у барина собака была злющая. Собака накинулась на крестьянина, а он ударил собаку посохом и убил ее.

Барин подал в суд. Позвали этого крестьянина судиться с бариним. И вот когда пришли на суд, судьи спрашивают барина:

— Что ты хочешь от этого мужичка, какое наказание ему дать?

— А я вот что хочу сделать — лишить его человеческого звания и голоса, и пусть он станет собакой, охраняет мое имение и живет у меня при дворе.

Ну конечно, суд это и решил. Лишили мужичка человеческого звания и заставили жить у барина, охранять барское имущество.

Мужичку пришлось прийти к барину и стать вместо собаки: лаять по ночам и охранять его имущество.

И вот в одно прекрасное время сговорился он с ворами:

— Приходите, воры, в такую-то ночь, пограбите, а там раз делим.

И вот в одну ночь приехали воры. Когда барин утром встал — видит, что имущества у него увезли много. И он подает на собаку в суд, что она худо охраняла: были воры и ограбили. Когда пришли на суд, то судьи стали спрашивать барина:

— Ну, барин, скажи, лаяла ли у тебя в ту ночь собака?

— Очень хорошо лаяла, сильно лаяла в ту ночь, когда была покража.

Тогда судьи отвечают барину:

— Так что же тебе надо от собаки? Что же она могла еще сделать, раз она лишена человеческого голоса?

И решили судьи, что собака права, и дали ему право человеческим голосом опять говорить.

Тогда барин был недоволен судом и повез этого мужичка в город, на пересуд. И поехали они с ним вместе. Заехали в лес. А уж было темно. Мужик и говорит барину:

— Смотри-ка, барин, медведь стоит на дороге!

— Ну, мужичок, пугай!

— Да нет, я теперь лаять не стану — я получил человецье право. Лай, барин, сам, а то медведь-то может нас съесть.

— Мужичок, полай немножко, хоть поучи меня. Мужичок полаял немного и говорит:

— Теперь лай сам, а то медведь нас съест.

И вот барин начинает лаять. А мужик ему говорит:

— Лай, барин, лай, медведь-то ближе подошел!

А сам сидит, не смеется. И барин до того долаял, что рассвело. Мужичок и говорит:

— Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам повиделась кокура.

Тогда барин заговорил:

— А, так ты меня обманул! Теперь я тебя отдам под суд.
— Ну ладно, барин, отдавай, а я всем скажу, что ты всю ночь по-собачьи лаял.
— Послушай, мужичок, я тебя отпущу домой и дам тебе денег и корову. Иди, живи с богом, только никому не рассказывай, что я по-собачьи лаял!

И вот они вернулись домой. Барин дал мужичку корову да денег, и мужичок пошел домой.

И стал он жить, ни в чем нужды не зная с тех пор, как барина обдурил.

БАРИН И МУЖИК

Поехал старик в поле пахать и выпахал клад денег, много золота — целый воз. Привез клад домой и спрятал его. А сам говорит жене:

— Старуха, никому не сказывай! — И начал он следить за старухой.

А старуха-то пошла к соседке и говорит:

— Соседка, старик клад нашел, только ты никому не сказывай.

Старик услышал, что она про клад рассказывает, и велел ей напечь пирогов и блинов. Утром, как встал, позвал старуху, сели они в телегу и поехали в поле. И пироги с блинами старик захватил. А старуху посадил задом наперед. Раскидал он пироги по дороге. Старуха увидала и кричит:

— Старик, пирогов-то сколько!

А он говорит:

— Собирай, старуха, это туча пирожная. Старуха собрала и поклала все в мешок. Поехали дальше. А старик и блины раскидал. Старуха кричит:

— Старик, а блинов-то сколько!

А старик говорит:

— Это туча выпала, старуха, блинная, собирай. Старуха и блины собрала.

Поехали они лесом.

— погоди, старуха, — говорит старик. — Я пойду погляжу: сеть тут у меня стоит.

Пошел и принес рыбу. До речки доехали. Старик пошел и принес оттуда капкан с зайцем.

День проработали. Вечером с поля поехали. Старик повез старуху мимо барского дома. А у барина бал был. Старик и говорит:

— Вон как орут: видно, барина черти дерут.

Через несколько дней разнеслась молва и дошла до барина: старик деньги нашел. Захотел барин этот клад отобрать. Призывает он старика и спрашивает:

— Ты, старик, клад нашел?

— Какой, — говорит старик, — клад? Я никакого клада не знаю.

— Как не знаешь? Твоя старуха говорит, что нашел. Призвали старуху. Стали ее спрашивать:

— Ведь правда, бабушка? Старик говорит:

— Нет, я никакого клада не знаю.

А старуха заверяет старика:

— Как не нашел? Нашел ведь, старый. Помнишь, старик, когда мы с тобой поехали в поле, пирожная-то туча выпала?

— Не знаю,— говорит старик.

— Как не знаешь? — уверяет старуха. — А блинная-то туча выпала? Забыл, старый?

Старик все отказывается.

— А помнишь,— говорит она,— когда мы рыбу-то поймали в лесу, а капканом-то зайца в речке поймали?

— Не знаю,— твердит старик.

Старуха рассердилась:

— Как не знаю? Помнишь, мы ехали мимо баринова двора, когда барина-то черти драли?

Рассердился тут барин и говорит:

— Выгнать ее в шею!

Так у старика деньги и остались.

БАРИН-КУЗНЕЦ

Позавидовал один барин кузнецу: «Живешь-живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучал — и с деньгами. Дай кузницу заведу!»

Завел барин кузницу; велел лакею мехи раздувать. Стоит ждет заказчиков. Едет мимо мужик, шины заказать хочет на все четыре колеса.

— Эй, стой! Заезжай сюда! — крикнул барин. Мужик подъехал.

— Чего тебе?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан.

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить?

— Полтора ста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, возьму всего сто.

— Ладно.

Стал барин огонь раздувать, лакей — в мехи дуть. Взял барин железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет: ковал, ковал да и пережег железо.

— Ну,— говорит,— мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок.

— Один так один,— согласился мужик. Ковал, ковал барин и говорит:

— Не выйдет, мужичок, и один шинок, а выйдет ли, нет ли сошничок.

— Ну ладно, хоть сошничок,— отвечает мужик.

Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничок, а выйдет ли, нет ли кочедычок.

— Ну хоть кочедычок!

Только у барина и на него железа не хватило: все пережег.

— Ну, мужичок, — говорит барин, — не выйдет и кочедык!

Получился у барина один «пшик»: сунул он в воду оставшийся кусочек раскаленного железа, оно и зашипело — «пшик!».

КАК БАРИН ОВЦУ КУПИЛ

Жил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца обьягчилась, и взял он ее со двора в избу с ягненокком. Приходит вечер. Едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужик,пустишь ночевать?

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночьку проспять.

— Заезжай, барин.

Въехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Вошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:

— Здорово живете, хозяин с хозяйшкой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидела и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ — и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает, что ты волк, волчий дух чует. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десятков поймала.

— Ах, дорого бы за нее я дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога.

— Эх, мужичок, да не дороже денег, у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пятьсот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут навстречу три волка. Вот овца увидела волков, так и прыгает на санях. Барин говорит кучеру:

— Надо пускать: вишь, она как раззадорилась. Сейчас поймает.

А она боится. Кучер и говорит:

— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу;

овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздувается, а кучер за ней собирается. Поколе лошадушек выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу поймали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали. Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась.

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь, барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

Был у одного барина холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу, в самую ночь, сходить в лес, сорвать папоротник, чтобы клад достать.

Дождлся он этой ночи, уложил барина спать и в одиннадцать часов пошел в лес.

Входит в лес. Раздался тут свист, шум, гам, хохот. Жутко стало, но он все ничего: хоть жутко, а идет. Глядит — черт на индейском петухе верхом едет. И это ничего: прошел холоп — слова не сказал.

И тут увидел: растет вдали цветок, сияет — точно на стебельке в огне уголек лежит.

Обрадовался холоп, бегом к цветку побежал, а черти ну его останавливать: кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится, чтобы он упал. Уж почти добежал холоп до цветка, но тут не вытерпел да как ругнет чертей:

— Отойдите,— говорит,— вы от меня, проклятые!

Не успел выговорить, его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся, опять пошел, видит: на прежнем месте блестит цветок. Опять его стали останавливать, опять дергают. Он все терпит; идет и идет, не оглянется, словечка не скажет, не перекрестится, а сзади его такие-то строят чудеса, что страшно подумать!

Подошел холоп к цветку; нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядит — вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес.

Не вытерпел холоп да как плюнет:

— Тьфу ты!

Не успел проговорить, вдруг его опять назад отбросило. Убился больно, да делать нечего.

Он встал, опять пошел. Опять по-прежнему блестит цветок на прежнем месте. Опять его стали останавливать, дергают. Все стерпел холоп, тихонько подполз к цветку — и сорвал его!

Пустился он со цветком домой бежать и боль забыл. Уж на какие только хитрости ни поднимались черти — ничего; холоп бежит, ни на что не глядит — раз десять упал, пока домой прибежал.

Прибегает к дому, а из калитки барин выходит и давай ругать холопа на чем свет стоит:

— Алешка! Где ты, бездельник, был? Как ты смел без спросу уйти?

Злой был барин у холопа да и вышел с палкой. Повинился холоп.

— Виноват, — говорит, — за цветком ходил, клад достать.

Пуще прежнего барин озлился.

— Я тебе, — говорит, — дам за цветком ходить, я тебя ждал-ждал! Подай мне цветок! Клад найдем — разделим.

Холоп и тому рад, что барин хочет клад разделить с ним. Подал цветок — и вдруг провалился барин сквозь землю. Цветка не стало! Тут и петухи пропели.

Глянул холоп кругом — стоит он один; заплакал, бедняга, побрел в дом. Приходит, смотрит — а барин спит, как его уложил. Потужил, потужил холоп, да так и остался ни с чем — только лишь с синяками.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

Жил кузнец припеваючи, никакого лиха не знал.

— Что это,— говорит кузнец,— никакого я лиха на веку своем в глаза не видал! Хоть посмотрел бы, какое там такое лихо на свете.

Вот и пошел кузнец лиха искать. Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит: неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, нехорошо. Забрался кузнец на печь и лег спать не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась, и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо — баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит:

— Э, да у меня, никак, гости; будет мне, Лиху, что позавтракать: давненько я человеческого мяса не едала.

Вздуло Лихо лучину и стащило кузнеца с печи, словно ребенка малого.

— Добро пожаловать, неожиданный гость! Спасибо, что забрел; чай, ты проголодался и отошал, — и щупает Лихо кузнеца, жирен ли, а у того от страха все животики подвело.

— Ну, нечего делать, давай сперва поужинаем,— говорит Лихо.

Принесло большое беремья дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана за раз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, даром что целый день ничего не ел. Спрашивает Лихо у кузнеца:

— Кто ты таков, добрый человек?

— Кузнец.

— А что умеешь ковать?

— Да все умею.

— Скуй мне глаз!

— Изволь, — говорит кузнец, — да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз.

Лихо принесло две веревки: одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потоньше, связал Лихо да и говорит:

— А ну-ка, бабушка, повернись!

Повернулось Лихо и разорвало веревку.

Вот кузнец взял уже толстую веревку, скрутил бабушку хорошенько.

— А ну-ка, теперь повернись!

Повернулось Лихо и не разорвало веревок.

Тогда кузнец нашел в избе железный шкворень, разжег его в печи добела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню молотом — так глаз только зашипел. Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило как бешеное, село на порог и крикнуло:

— Хорошо же, злодей! Теперь ты не уйдешь от меня!

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив ни мертв; так всю ночь и просидел, даром что спать хотелось. Поутру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, хватит за спину да и выкинет за двери. Кузнец

вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо пощупало: чует — баран; схватило кузнеца за спину да и выкинуло из избы.

Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой, знакомые его спрашивают:

— Отчего это ты поседел?

— У Лиха переночевал,— говорит кузнец.— Знаю я теперь, что такое лихо: и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, да не спишь.

КЛАД

В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошел старик по соседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и соседи и знакомые, зная его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу; а у них на селе был поп куда жадный, несовестливый.

— Потрудись,— говорит,— батюшка, старуху похоронить.

— А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!

— Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу; право слово, заплачу!

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

— Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

«Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху».

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и стал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал, копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знамое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него;

— Сказано тебе толком, старый, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

— Не серчай, батюшка! — просит его старик. — Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!

Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умирить:

— Ну, старичок, будь в надеже, все будет сделано.

Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьей стал про него разговаривать:

— Вишь, говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал.

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось: и вино-то, и кушанья, и закуски разные — всего вдоволь! Гость сидит, за троих объедается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться; вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор, поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

— Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь, на поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?

— Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажио затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка и получил этакую силу денег.

Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?»

Сказал про то попадьё; стали вдвоем совет держать и присоветали.

— Слушай, матка! Ведь у нас козел есть?

— Есть.

— Ну ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадьё:

— Бери, матка, иглу с ниткою, закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапать. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там?

— Черт...

— Наше место свято! — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

— Слушай, старик! — говорит поп. — От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами, не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил!

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик. — Наперед того без денег жил и опосля без них проживу!»

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустился домой.

Воротился.

— Ну, — говорит, — деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как польется кровь, как заорет

он:

— Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнет она пороть в ином месте — то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло: так и осталась на попе козлиная шкура.

ЧЕРТ И МУЖИК

В некотором царстве, в некотором государстве было озеро. Берега у этого озера были высокие, обрывистые. Повалился ходить на берег черт. И ходил каждую ночь. Как только настанет полночь, выходит из воды косматый, седой старик, сядет на берег и закричит:

— Год года хуже! Год года хуже!

Надоело это мужику — он жил недалеко от берега. Припас мужик березовую дубину и стал ждать.

Вот наступила полночь, выходит из воды черт. Сел на берег, поджал ноги под себя и ну кричать:

— Год года хуже! Год года хуже!

А мужик подкрался сзади да как тяпнет дубиной черта по затылку, тот только и крикнул:

— Хуже не будет!

И скрылся в воде.

Больше с той поры черт не выходил на берег.

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Говорит поп в церкви дьякону:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Старуха идет, крынку масла несет! — отвечает дьякон. А дьячок поет:

— Подай, господи! Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Старуха идет, ржи мешок несет! — отвечал дьякон. Дьячок опять поет:

— Подай, господи! Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину! — отвечает дьякон.

Тут поп и дьякон как запоют:

— Тебе, господи!

ПОП И БАТРАК

Потребовался одному попу батрак. Но так как поп был очень скупой и все искал, чтобы кто к нему пошел как можно подешевле, то никто к нему не нанимался.

Вот раз приходит к нему мужик-шутник и просит сена для лошади.

А поп ему говорит:

— Ты такой здоровый, молодой, а ходишь собираешь. Наймись-ка, свет, ко мне в работники.

— Можно. А сколько дашь?

— Буду платить смотря по твоей работе.

И сказал мужику цену. А как был тогда сенокос, то поп накормил его и повел в луга указывать свой покос. Работник осмотрелся, а когда поп ушел, лег на траву и проспал весь день до вечера.

Каждый день мужик-шутник ходил на покос, и поп всегда давал ему с собой хлеба и сала. И вот раз батрак говорит:

— Больше я у тебя работать не буду, давай мне расчет. Траву я у тебя всю скосил до единой травинки.

Дал ему поп всего несколько копеек. Работник остался недоволен и говорит:

— Прибавь еще хоть кусок сала.

Но поп ему отказал наотрез:

— Я и то тебе переплатил, дал больше обещанного.

— Ну, раз ты мне не дашь сала, — сказал работник, — так пусть вся твоя травонька обратно встанет как некошенная!

И уехал. А поп пошел на луга, посмотрел и удивился: «Этот батрак не простой, а колдун: в самом деле стоит трава как некошенная».

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жили старик со старухой: не было у них ни одного детища, только и был, что козел: тут все и животи. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним.

Вот однажды случилось идти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет; щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю; начал рыться и вырыл котелок с золотом.

Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик. — Эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор стали они жалеть и беречь козла пуще себя, стали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми

грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою. У меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе!

— Ах ты окаянный, что выдумал — вонючего козла хоронить!

— Да ведь этот козел, батюшка, был совсем православный, он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрыч,— сказал поп,— я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя уж давно помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовился; сейчас козла хоронить пойдем.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудишься, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер.

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик.— Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон.— Что же ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорее к дьячку: пуцай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал!

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольную и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла?! Ах вы безбожники!

— Да ведь этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла почоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

ЧЕРТ-ЗАИМОДАВЕЦ

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к черту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит:

— Дай, черт, взаймы денег.

— На что тебе?

— На беду.

— Много ли?

— Тысячу.

— Когда отдашь?

— Завтра.

— Изволь,— сказал черт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему:

— Приходи завтра.

На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик снова говорит ему:

— Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходиться за долгом.

— Ладно,— ответил черт и ушел.

Мужик написал на доске: «Приходи завтра» — и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел — на воротах все одна надпись.

«Дай,— говорит он сам с собой,— не пойду завтра к мужику!»

И не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди».

— Эко мне не повезло! — сказал черт.— Не мог вчера я прийти... Видно, пропали мои денежки!

КАК ПОП РАБОТНИЦУ НАНИМАЛ

Тебе, девка, житье у меня будет легкое,— не столько работать, сколько отдыхать будешь!

Утром станешь, как подобат, — до свету. Избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь, на поскотину выпустишь, в хлеву приберешься и —

спи-отдыхай!

Завтрак состряпашь, самовар согреешь, нас с матушкой завтраком накормишь —

спи-отдыхай!

В поле поработаешь али в огороде пополешь, коли зимой — за дровами али за сеном съездишь и —

спи-отдыхай!

Обед сварить, пирогов напечешь — мы с матушкой обедать сядем, а ты —

спи-отдыхай!

После обеда посуду вымоешь, избу приберешь и —

спи-отдыхай!

Коли время подходяче — в лес по ягоду, по грибы сходишь али матушка в город спосылает, дак сбегашь. До городу рукой подать, и восьми верст не будет, а потом —

спи-отдыхай!

Из городу прибежишь, самовар поставишь. Мы с матушкой чай станем пить, а ты —

спи-отдыхай!

Вечером коров встретишь, подоишь, попоишь, корм задашь и —

спи-отдыхай!

Ужну сварить, мы с матушкой съедим, а ты —

спи-отдыхай!

Воды наносишь, дров наколешь — это к завтраму, и —

спи-отдыхай!

Постели наладишь, нас с матушкой спать повалишь. А ты, девка, день-деньской проспишь-проотдыхашь — во што ночь-то будешь спать?

Ночью попрядешь, поткешь, повышивашь, пошьешь и опять —

спи-отдыхай!

Ну, под утро белье постираешь, которо надо — поштопашь да зашьешь и —

спи-отдыхай!

Да ведь, девка, не даром. Деньги платить буду. Каждой год по рублю! Сама подумай. Сто годов — сто рублей. Богатейкой станешь!

ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый.

Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет.

Говорит он однова своей жене:

— Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришел к богатому:

— Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

— Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба:

— Вот тебе за труды!
— И за то спасибо! — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.
— Пстой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины.
— Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

— Ничего, приходи! И тебе будет место.
— Хорошо, братец, приду.
Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:
— Слушай, жена! На завтра нас с тобой в гости звали.
— Как в гости? Кто звал?
— Брат: он завтра именинник.
— Ну что ж, пойдем.

Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйшкой благодарить, и бедный тоже — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом.

— Дай-ка, — говорит жене, — и мы запоем песню!
— Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петъ вздумал?

— Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...

— Ну пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену:

— Это ты мне подсобляла петъ тоненьким голоском?

— Что с тобой? Я вовсе и не думала.

— Так кто же?

— Не знаю! — сказала баба. — А ну запой, я послушаю.

Он опять запел: поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

— Это ты, Горе, мне петъ пособляешь?

Горе отозвалось:

— Да, хозяин! Это я пособляю.

— Ну, Горе, пойдем с нами вместе.

— Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит:

— У меня денег нет!

— Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало — с

похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить.

— Денег нет,— говорит мужик.

— Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху.

Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес.

Горе опять пристаёт к нему:

— Пойдем да пойдем в кабак!

— Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

— Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает:

«Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

— Хозяин!

— Что, Горе?

— А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошел мужик к соседу.

— Дай,— просит,— на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

— На что тебе?

— В лес за дровами съездить.

— Ну возьми; только не велик воз накладывай.

— И, что ты, кормилец!

Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

— Хозяин,— спрашивает Горе,— знаешь ли ты на этом поле большой камень?

— Как не знать!

— А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднимать камень. Мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана.

— Ну, что глядишь? — рассказывает Горе мужику. — Таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом; все из ямы повыбрал до последнего червонца, видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

— Посмотри-ка, Горе, никак, там еще деньги остались?

Горе наклонилось:

— Где? Я что-то не вижу!

— Да вон в углу светятся!

— Нет, не вижу.

— Полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

— Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик. — Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

— Вот что выдумал! — сказал ему богатый брат. — У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!

— Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь.

— Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

— Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке всё свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому.

«Дай, — думает, — поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мною своим богатством чваниться».

Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем. Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

— А, — кричит, — ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

— Послушай, Горе, — сказал купец, — вовсе не я засадил тебя под камень...

— А кто же, как не ты?

— Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить.

— Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко на село Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло.

«Этак несходно жить! — думает про себя купец. — Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал, думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю:

— Что ты, Горе, все на боку лежишь?

— А что ж мне больше делать?

— Что делать? Пойдем на двор в гулючки играть.

А Горе и радо. Вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло; после того черед Горю прятаться.

— Ну, — говорит, — меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!

— Куда тебе! — отвечает купец. — Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!

— В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку.

Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Жили в одном монастыре триста монахов да игумен. Монастырь был богатый, доходов много. И живут монахи припеваючи. Пьют, едят сладко, спят долго, а работы нет никакой.

Прослышал про беззаботное монастырское житье царь Петр Великий и задумался: «Как так? Весь наш народ и сам я все в трудах да в заботах, отдохнуть некогда. Ни днем, ни ночью покоя нет, а тут триста человек живут, как сыр в масле катаются. Пьют, едят сладко, спят долго. Ни заботы, ни работы не знают. Совсем ожирели на легких хлебах». И послал царь в тот монастырь гонца:

— Поезжай, скажи игумну: приказал-де царь сосчитать звезды на небе и узнать, глубока ли земля, да пусть тот игумен узнает, о чем я думаю, что у меня, у царя, на уме. Сроку дай три дня. На четвертый день пусть сам игумен с ответом ко мне придет. Коли не исполнит приказания, всех монахов и самого игумна велю на работу отправить, а монастырь закрыть.

Получил игумен беззаботного монастыря царский приказ и затужил, запечалился:

— Ох, беда пришла неминуемая!

И рассказал монахам все как есть. Монахи головы повесили. Думали, думали, ничего придумать не могли.

А в ту пору зашел в монастырь отставной солдат и спрашивает:

— Чего, старцы, горюете? Жили всегда без нужды, без печали, а теперь головы повесили.

Монахи ему отвечают:

— Ох, солдат, не знаешь нашего горя великого! Велел царь три загадки отгадать и через три дня игумну с ответом во дворец прийти.

— Какие такие загадки царь загадал? — спрашивает солдат.

— Надо сосчитать, сколько есть звезд на небе, узнать, глубока ли земля, и сказать, что у царя на уме, о чем он думает.

Выслушал солдат и говорит:

— Знал бы я, как царю ответ держать, как был бы на вашем месте.

Монахи побежали к игумну:

— Вот солдат берется загадки отгадать и царю ответить.

Просит игумен солдата:

— Бери, служивый, чего хочешь, только пособи нашему горю, научи, как царю отвечать!

А солдат и говорит:

— Ничего мне не надо. Давай твою одежду, я вместо тебя к царю пойду.

Обрадовался игумен, и все монахи повеселели:

— Ну, слава богу, та беда миновала! Как гора с плеч долой!

Стали солдата угощать:

— Пей, ешь, чего только душа пожелает.

И сами себя не забывали — так наугощались, что сутки после отлеживались. А тут приспела пора и к царю идти. Переоделся солдат в игуменскую одежду и пошел во дворец.

Спрашивает царь:

— Ну как, отгадал ли мои загадки?

— Отгадал, ваше царское величество.

— Сколько звезд насчитал на небе? — спрашивает царь.

— Семьсот сорок две тысячи четыреста восемьдесят девять звезд.

— Правду говоришь?

— Я, царское величество, сосчитал правильно, а коли не веришь, сосчитай сам, проверь.

Царь усмехнулся и спрашивает:

— Ну ладно. А велика ли земная глубина? — Земная глубина крепко велика.

— А ты как узнал?

— Да вот, мой батюшка ушел в землю, скоро будет тридцать лет и до сей поры назад не воротился — значит, крепко велика земная глубина.

— Ну, а теперь скажи, — спрашивает царь, — о чем я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Ты, царское величество, сейчас думаешь: «Молодец игумен — сумел он мне ответ дать!»

Царь похвалил:

— Правда твоя! Молодец игумен, все мои загадки отгадал!

А солдат говорит:

— Вот тут-то ты и дал маху, ваше царское величество.

— Как так? — нахмурился царь.

— Да вот так: принял ты меня, своего отставного солдата, за игумна.

Удивился царь, стал спрашивать и узнал, кто ему загадки отгадал. Солдат всю правду рассказал. Царь посмеялся и велел солдата наградить, а игумна да монахов приказал на работу послать.

ПЕТР I И МУЖИК

Наехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит. Царь и говорит:

— Божья помощь, мужик! Мужик и говорит:

— И то мне нужна божья, помощь. Царь спрашивает:

— А велика ли у тебя семья?

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых — долг плачу, в-других — в долг даю, в-третьих — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет. А старик говорит:

— Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей рашу.

Царь и говорит:

— Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду.

Мужик говорит:

— Найдешь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо. Царь и говорит:

— Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня.

— Мне, сударь, водить некогда, нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь — пойдем.

Сели они на одноколку, поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать:

— Далече ли ты, мужичок, бывал?

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо бы посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле, и увидишь царя.

— А как я его узндю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все поснимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя. Вот он и спрашивает:

— А где же царь?

Говорит ему Петр Алексеевич:

— Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь.

ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич.

— Мир по дороге! Горшеня оглянулся.

— Благодарим, просим со смиреньем.

— Знать, вздремал?

— Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет.

— Экой ты смелый, горшеня! Люблю эдаких. Ямщик! Поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

— Сызмолоду, да вот и середовой стал.

— Кормишь детей?

— Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет.

— Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа.
— Да, ваше царское величество! На свете есть три худа.
— А какие три худа, горшенюшка?
— Первое худо — худой шабер, а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разум.

— А скажи мне, которое худо всех хуже?
— От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой.

— Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!

— Годится, так покину, как придет! А то и наголо.

— Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

— Ты наделаешь мне эдаких?

— Сколько угодно вашему царскому величеству?

— Возов десяток надо.

— Много ли дашь времени?

— Месяц.

— Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня.

— Спасибо, горшенюшка!

— А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?

— Буду в доме у купца в гостях.

Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему:

— Бог за товаром, горшеня!

— Просим покорно.

— Продай мне весь товар.

— Нельзя, по заказу.

— А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не дал задатку под работу. Ну, что возьмешь?

— А вот что: каждую посудину насыпать полну денег.

— Полно, горшенюшка, много!

— Ну хорошо: одну насыпать, а две отдать — хочешь?

И сладили.

— Ты для меня, а я для тебя.

Насыпают да высыпают. Сыпали, сыпали — денег не стало, а товару *еще* много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют — товару все

много.

— Как быть, горшенюшка?

— Ну что? Нечего делать, я тебя уважаю, только знаешь что? Свези меня на себе до этого двора — отдам и товар и все деньги.

Боярин мялся, мялся: жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин: в споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет.

— До коих же мест везти тебя?

— Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбег на крыльцо — признал горшеню.

— Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!

— Благодарю, ваше царское величество.

— Да на чем ты едешь?

— На худом-то разуме, государь.

— Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, — кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипал, а по правильному покинул?

— Нет, наголо, великий государь, — всего ощипал.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп. Нанял себе работника, привел его домой.

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка.

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыха.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им и обедать. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты.

Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать так полудновать!

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.
— За равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем и заночуем на поле — завтра раньше на работу успеем.
— Давай, батюшка.
Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола.
Работник схватил свой армяк и собирается вон.
— Куда ты, свет? — спрашивает поп.
— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.
Пошел в сарай и проспал до света.
С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

КАК ДЬЯКОНА МЕДОМ УГОЩАЛИ

В старое время жил да был мужичок. У мужичка была пчела. В той же деревне жил дьякон, больно до меда лаком.
Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть — захотелось это ему попробовать медку.
Ребенка окрестили, мужик кумом стал.
На другой день приходит к мужичку дьякон и просит для крестника меду. Мужичок ему дал.
Не прошло и недели, а дьякон опять за медом. Как ему отказать?..
Стал дьякон весь мед у мужичка забирать, только успевай наливать. Придет и говорит:
— Кум, а кум! Твой крестник просит меду. Еще и выговорить не может, а уже кричит «ме» да «ме».
Не стало терпения у мужичка, решил он проучить жадного дьякона.
— Ладно,— говорит,— дам тебе меду. Только сам за ним ступай; сколько хочешь, столько и набирай.
Обрадовался дьякон. «Вот,— думает,— теперь я поем вволю медку!»
Приводит его мужичок к дубку. А на том дубку было осиное гнездо. Приставил мужичок лестницу и говорит:
— Полезай, кум дьякон, угощайся. Вон улей у меня наверху. Только не ругай мою пчелу, а то она от этого злой становится.
Залез дьякон на дуб, а мужичок взял лестницу да и прибрал. Осы налетели, со всех сторон дьякона облепили. Стали его жалить. Он только отмахивается да приговаривает:
— Ну вас, пчелки, к богу в рай!..
А они еще пуще жалят.
Не вытерпел дьякон, кличет кума:
— Кум, подай ту...
С перепугу забыл, как лестница называется.
Подает ему мужик лопату.
Дьякон еще громче кричит:

— Кум, не это, а то!

Вынес ему мужик долото.

А осы дьякона всё жалят и жалят. Кричит он:

— Кум! Больше терпеть нет силы!..

Подает ему мужик вилы.

Не выдержал дьякон, с дуба сорвался. Вниз летел, за сучки цеплялся.

— Ой, какие злые пчелы! — говорит. — Какой плохой мед!..

С тех пор зарекся за даровым медом ходить.

МУЖИК И ПОП

Шел мужик дорогой. Догоняет батюшку.

— Здравствуй,— говорит,— батюшка!

— Здравствуй,— говорит,— свет! Куда идешь, мужичок?

— А иду, батюшка, в деревню Хмельное.

— А зачем, мужичок?

— Да там, батюшка, сказывают, лошадка продажная есть.

— А у тебя что, лошадки-то не было?

— Да была — волк съел.

— Вот это плохо,— батюшка сказал.

Вот идут — находят они кошель на дороге.

— Вот, батюшка, видно, бедный мужик потерял кошель.

Подходят они к этому кошелю. Батюшка и говорит:

— Что, поделим напополам?

Мужик и говорит:

— А что ж, батюшка, разделить можно, если там кусок хлеба есть.

Они развязывают кошель. Там жареный поросенок. Батюшке этот поросенок понравился, он и говорит мужику:

— Мужик!

— А что, батюшка?

— Да этого поросенка не стоит нам делить.

— Да как же, батюшка? Кто первый увидал, тому поросенка?

А батюшка мужику:

— Нам придется ночевать почти что в лесу. Мы этого поросенка не будем делить, а ляжем спать. Кому лучший сон приснится, тому и поросенок будет.

Они обночевались. Расстлали огонек и ложатся спать. Ну, мужик, как по привычке ходить, так он не очень и устал, а батюшка утомился, заснул. Мужик видит, что батюшка спит уже, достает кошель, вынимает поросенка и начал есть. Съел и ложится спать.

— Ладно,— говорит,— сон снися, не снися, а мне легче будет спать.

Мужик и спит спокойно. Вот наутро встают. Батюшка и говорит:

— Мужик, расскажи-ка, что тебе снилось сегодня?

— Не знаю, батюшка. А вы раньше расскажите, что вам снилось, а потом и я расскажу.

Вот батюшка:

— Ну, я расскажу свой сон.

Мужик и смеется:

— Так, верно, батюшка, и поросенок будет твой?

Батюшка:

— Да, да! Чей будет лучше сон, того и поросенок.

— Ну расскажи, батюшка.

Вот батюшка начинает:

— Я вот, мужичок, сплю. Передо мною оказалась лестница по самые небеса. Вот я по этой лестнице полез да полез и на самое небо влез. А там бог угощается курятиной, гусятиной, поросятиной, и я наелся до горла.

— У вас, батюшка, сон хороший,— мужик рассказывает.— Я тоже,— говорит,— проснулся, вижу, что ты полез по лестнице. Я след за тобой тихонько. Тебя бог позвал, стал угощать. Я глядел, глядел, а мне даже не кивнул. Я скорей с лестницы спустился, достал кошель да и поросенка съел.

Батюшка и крикнул:

— Да я ж там не был!

— Был, не был, а поросенка уже нет, батюшка!

Батюшка не поверил; открывает кошель — в кошелье пусто.

ПЕТУХАН КУРИХАНЫЧ

Жила-была старуха, у нее сын Иван. Раз Иван уехал в город, а старуха одна осталась дома. Зашли к ней два солдата и просят чего-нибудь поесть горяченького. А старуха скупа была и говорит:

— Ничего у меня нет горяченького, печка не топлена и щички не варены.

А у самой в печке петух варился. Проведали это солдаты и говорят между собой:

— погоди, старая! Мы тебя научим, как служивых людей обманывать.

Вышли во двор, выпустили скотину, пришли и говорят:

— Бабушка! Скотина-то на улицу вышла.

Старуха заохала и выбежала скотину загонять. Солдаты между тем достали из печки горшок с похлебкой, петуха вынули и положили в ранец, а вместо него в горшок сунули лапоть.

Старуха загнала скотину, пришла в избу и говорит:

— Загадаю я вам, служивые, загадку.

— Загадай, бабушка.

— Слушайте: в Печинске-Горшечинске, под Сковородинском, сидит Петухан Куриханых.

— Эх, старая! Поздно хватилась: в Печинске-Горшечинске был Петухан Куриханых, да переведен в Суму-Заплетенску, а теперь там Заплетай Расплетай. Отгадай-ка вот, бабушка, нашу загадку.

Но старуха не поняла солдатской загадки.

Солдаты посидели, поели черствой корочки с кислым квасом, пошутили со старухой, посмеялись над ее загадкой, простились и ушли.

Приехал из города сын и просит у матери обедать. Старуха собрала на стол, достала из печи горшок, ткнула в лапоть вилкой и не может вытащить. «Ай да петушок, — думает про себя, — вишь как разварился — достать не могу». Достала, ан... лапоть!

ЧЕГО НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ

Жил-был барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

— Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую маленьку, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на черте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же: чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю, — говорит, — барин, кажись, взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра — может, и вздумаю.

— Ну пойдй подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: «Может, это и бывает, только я не знаю. Ну да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает!»

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости; видят — мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленьку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях — так сплошь и рядом. Ступай с богом до завтра. Придумаешь — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, все надежда плохая на барские деньги. «Хитры немцы, — думает, — у них, может, все бывает. Ну да скажу еще что-нибудь!»

Приходит наутро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет, — говорит, — это бывает; по неметчине и все так. Поди подумай последний раз. Скажешь — бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик; идучи домой, думает: «Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!»

Все-таки через ночь опять идет к барину. «Наскажу,— думает,— ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет».

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает барин.— Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку. Повидался с ней, с ребятишками и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе... как! А сходил домой, принес лопату, выкопался, да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну, что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то, не будь плох, догадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели окоlesiцы!

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Говорил барин с солдатом, стал солдат хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в головах положу шинель, и покроюсь шинелью.

Стал барин просить солдата продать ему шинель. Вот они за двадцать пять рублей сторговались. Пришел барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла: постелю шинель, и в головах положу шинель, и оденусь шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в головах положить и одеться нечем, да и лежать-то ему жестко.

Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел позвать солдата.

Привели солдата.

— Что же ты, брат, — говорит командир, — обманул барина?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечает солдат.

Взял солдат шинель, расстелил, голову положил на рукав и накрылся полою.

— Куда как хорошо, — говорит, — на шинели после походу спится!

Полковой командир похвалил солдата и дал ему еще на чарочку. А барину сказал:

— Кто поработает да устанет, тот и на камне спит, а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет!

КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ

Один старик все ругал свою жену:

— Вот, — говорит, — я пашу, у меня работа тяжелая, а ты дома сидишь, ничего не делаешь.

А она говорит:

— Ну что ж, давай поменяемся: я пахать поеду, а ты дома оставайся, тут дела немного, ты и отдохнешь.

Так и сделали: она в поле поехала, а старика дома оставила. А дела дала ему совсем мало: хлебы испечь, масло сбить да клушку с цыплятами покараулить. Вот и все, всего три дела.

Остался старик дома. Хочется ему поскорее все дела переделать. Вот он всех цыплят на одну ниточку к клушке привязал, чтобы коршун не утащил, хлебы замесил, печку истопил, посажал в печку хлебы, а сам сел масло сбивать. Бьет он масло, услышал — клушка кричит. Он выбежал, видит — понес коршун всех цыплят вместе с клушкой. Они все на одной ниточке привязаны, ну, коршун всех и потащил. Старик думает: «Он далеко не улетит, ему тяжело, где-нибудь сядет». И вот он пахталку на спину привязал и побежал за коршуном. Думал так: «Пока я бегаяю, масло-то и собьется. Два дела сделаю: и коршуна догоню, и масло собью».

Бегал старик за коршуном, бегал, споткнулся да упал, пахталка разбилась, сметана по земле потекла. И цыплят не отнял и сметану пролил. Вот тебе и два дела! Ну, что же делать? Надо идти домой.

Пришел старик домой. Надо хлебы вынимать. Заглянул в печку, а хлебы-то в уголь сгорели. Нахозяйничал старик: цыплят у него коршун утащил, сметану пролил, хлебы сгорели. Плохое дело. Жена приедет — что ей сказать? И надумал старик: «Хоть цыплят до нее высижу, поменьше ругаться будет». Положил он яиц в кошелку, залез в подпечку и сел цыплят высиживать.

Вот приехала старикова жена с поля, стала лошадь выпрягать, сама думает: «Что же старик плохо встречает? Хоть бы лошадь выпряг». Прибрала она лошадь, идет в избу. Старика нет, а под печкой клушка клохчет. Она поглядела, а там не клушка, а старик. Она его вытащила, стала спрашивать:

— Давай сказывай, что ты дома делал?

Стал старик рассказывать. И тут уж старикова жена увидала, что у ее старика ничего с

домашними делами не получается.

И все у них пошло, как и прежде: старик пашет, а старуха дома со всеми делами управляется. Только с тех пор перестал старик жену за безделье ругать.

ЧТО ДАЛЬШЕ СЛЫШНО

Жил вдовый крестьянин, было у него три сына, и все были женаты. Все было хорошо, да одно неладно: невестки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все из-за того, что каждая из них хотела большухой быть. Все были исправны, и каждая из них могла быть большухой.

Наскучили старику перекоры невесток; однажды он призвал сыновей и говорит им:

— У невесток каждый день споры, дым коромыслом. Надо это прикончить. Я надумал задать им загадку; которая отгадает, та пусть и большухой будет. Только чтобы после этого уж спору не было; если они будут согласны, то и делу конец.

Призвали невесток, и те на это согласились.

Поздно вечером старик и говорит невесткам:

— Вы согласились отгадать загадку, так вот на целую ночь вам загадка, отгадайте: «Что дальше слышно?» Завтра рано спрошу у вас, и которая отгадает, та и будет большухой.

Утром старик позвал сыновей с невестками и спрашивает у старшей:

— Что, отгадала ли?

— Петуха голос, когда он весной поет на заре, дальше всего слышно.

— Да, петуха далеко слышно, — говорит старик. — Ну, а ты? — спрашивает он у средней.

— Когда весной собака лает на заре, то гораздо дальше петуха слышно.

— Да, — говорит старик, — пожалуй, собаку и дальше слышно. Ну, а ты что скажешь, меньшая невестка?

— Хлеб да соль дальше всего слышно.

— Да, — говорит старик, — хлеб да соль за тысячи верст слышно! Будь же ты большухой.

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА

Одному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел — ему все еще хотелось есть. Купил другой калач и съел — ему все еще хотелось есть. Он купил третий калач и съел — ему все еще хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт.

Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

— Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА

Жили-были муж с женой. Смолоду они жили всем на загляденье, а под старость —

словно их кто подменил. Только спустит утром старик ноги с печки, как уж и пошла промеж ним и старухой перебранка. Он старухе слово, а она ему два, он ей два, а она ему пять, он пять, а она десять. И такой вихорь завьется промеж них, хоть из избы вон беги. А разбираться начнут — виноватого нет.

— Да с чего б это у нас, старуха, а? — скажет старик.

— Да все ты, старый, ты все!..

— Да полно! Я ли? Не ты ли? С долгим-то языком!

— Не я, да ты!

— Ты, да не я!

И снова здорово: опять ссора промеж них затеялась. Вот раз слушала, слушала их соседка и говорит:

— Маремьянушка, что это у тебя со старым-то всё нелады да нелады. Сходила б ты на край села к бобылке. Бобылка на водицу шепчет... Людям помогает, авось и тебе поможет.

«А и впрямь,— подумала старуха,— схожу к бобылке...» Пришла к бобылке,— постучала в окошко. Та вышла.

— Что, — спрашивает, — старушечка, тебе надобно?

— Да вот, — отвечает бабка, — пошли у нас нелады со стариком.

— А подожди, — говорит бобылка, — немного.

И сама — в дом.

Вынесла старухе воды в деревянном ковше да при ней же на ту воду пошептала. Потом перелила ее в стеклянную посудину, подает и говорит:

— Как домой придешь да как зашумит у тебя старик-то, так ты водицы-то и хлебни; да не плюнь, не глотни, а держи во рту-то, пока он не уgomонится... Все ладно и будет!

Поклонилась старуха бобылке, взяла посудину с водой — и домой. И только ногу за порог занесла, как старик на нее и напустился:

— Ох уж мне эти бабы-стрекотухи! Как пойдут, так словно провалятся! Давным-давно самовар пора ставить, а ты думать забыла! И где это ты запропала?..

Отхлебнула старуха из стеклянной посуды, да не плюнула, не проглотила, а, как велела бобылка, держит во рту.

А старик видит, что она не отвечает, и сам замолчал. Обрадовалась старуха: «А и впрямь, видать, что водица эта наговорная целебная!»

Поставила посудину с водой, а сама — за самовар да и загреми трубой.

Услышал это старик:

— Эка нескладна-неладна! Не тем концом руки, видать, воткнуты!

А старуха хотела было ему ответить, да вспомнила наказ бобылки — и опять за водицу! Хлебнула и держит во рту.

Видит старик, что старуха ни словечка ему супротивного не говорит, дался диву и... замолчал.

И пошло промеж них с той поры все как по-писаному: снова, как в молодые годы, людям на загляденье жить стали. Потому, как только начнет старик шуметь, старуха сейчас — за наговорную водицу!

Вот она, сила-то, в ней какая!

КАШИЦА ИЗ ТОПОРА

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу! — И полез было с кулаками.—

Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор, я из топора сварю!

«Что за диво! — думает баба.— Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит!»

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить.

Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашлица взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит:

— Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да принимайся за ложку: станем кашлицу есть!

Похлебали вдвоем кашлицу. Старуха спрашивает:

— Служивый! Когда ж топор будем есть?

— Да, вишь, он не уварился,— отвечал солдат,— где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашлицы поел и топор унес!

ХОРОШО, ДА ХУДО

Встретились на дороге барин да мужик.

— Мужик, откуда ты?

— Издалеча, барин!

— А откуда?

— Из города Ростова, а барина Толстова.

— А велик ли город?

— Не мерил.

— А силен?
— Не боролся.
— Что ж там почем?
— Рожь да овес по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам.
— А за чем ездил?
— За покупкой дорогою: за мерою гороха.
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Ехал да рассыпал.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!
— А вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже! — Да что ж?
— Посеял, да редок.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Хоть редок, да стручист!
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не совсем!
— А что ж?
— Поповы свиньи повадились горох топтать-топтать да и вытоптали.
— Этак худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил.
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Поповы собаки повадились свежину таскать-таскать да повытаскали.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я тех собак убил да жене шубу сшил.
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Пошла моя жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял.
— Вот это худо!

— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я с попом судился-судился, сивого мерина да рыжую корову спустил — вот мое дело и выгорело.

ХЛЫСТ И ПОДЛЫГАЛО

Вот приехали в деревню два друга, и надо им ночевать. Один попросился в избу к богатому, а другой — к бедному, по соседству.

Тот, что заночевал у богатого, говорит хозяевам:

— Что это у вас за дома! Вот у нас дома-то: курицы с неба звезды склеывают. Не верите — спросите у дружка: он у соседей ночует.

Пошли те к соседям. Дружок говорит:

— Да, так, правда. Я видел: у нас петух волочил полмесяца, как краюшку.

Не поверили друзьям — прозвали одного Хлыстом, а другого — Подлыгалом.

СОЛДАТ И ЧЕРТ

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы,— говорит,— черт меня туда снес! А он тут как тут.

— Ты,— говорит,— меня звал?

— Звал.

— Изволь, — говорит, — давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов сойду?

— Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт это время прослужит на службе.

— Ну, скидавай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, и все на одном плече.

— Это что?

Черт — и так и сяк, не может надеть. Тот его — в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом, — говорит начальство, — сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности.

Пороли черта весь год.

Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас,— говорит,— с вашей и службой-то солдатской! Как это вы терпите?

И убежал.

СОЛДАТСКАЯ ШКОЛА

Шел солдат из деревни в город на службу и остановился ночевать у одной старухи. Много он насказал ей всякого вздора, а та, известное дело, в лесу родилась, пню молилась, дальше поскотины не бывала и ничего не видала, слушает развеся уши, всему верит и дивится.

— Где же вас, служивый, учат так мудрости? — наконец спрашивает старуха солдата.

— У нас, бабушка, в полку есть такая школа, где не только человека, но и скотину выучат так, что и не узнаешь, как есть, человеком сделают!

— Вот бы мне, родимый, своего бычка отдать в вашу школу!

— И то дело! Собирайся и веди его в город; не бойся — я его пристрою к делу, спасибо скажешь!

Старуха бычка на веревочку и повела в город. Пришли с солдатом в казармы.

— Вот, бабушка, и школа наша! — говорит солдат. — Оставь бычка да денег дай на корм и за ученье!

Старуха раскошелилась, дала денег, оставила бычка и ушла домой. А солдаты бычка на бойню — и зарезали, мясо съели, шкуру продали и деньги пропили. Прошло времени около года. Вот старуха опять бредет в город; пришла в казармы и спрашивает про бычка: что он, каково учится, здоров ли?

— Эх, бабушка, — отвечают ей солдаты, — ты опоздала, твой бычок уж давно выучился и в купцы произведен; вон дом-то каменный — это его; сходи повидай, может, и признает тебя или ты его!

Старуха пришла к каменному дому и спрашивает у дворника:

— Не здесь ли, почтенный, бычок живет?

— Бычков? Купец Бычков? Здесь, бабушка, здесь; коли дело есть, заходи в дом!

Старуха зашла в дом; вышел к ней хозяин и спрашивает:

— Чего тебе надобно, бабушка?

Старуха смотрит на Бычкова и глазам не верит: как есть человек!

— Ах ты мой батюшка! Скотинушка благословенная! — вымолвила наконец старуха и принялась Бычкова гладить и ласкать, приговаривая: — Вишь ты как выправился, и не узнать, что скотина... Прусь! Прусь!.. Пойдем-ка в деревню!

И старуха хотела уже на Бычкова накинуть обротку, чтобы вести в деревню, но тот ее оттолкнул и прогнал от себя.

КАК ИВАН-ДУРАК ДВЕРЬ СТЕРЕГ

Жили старик со старухой. Было у них три сына: двое умных, а третий — дурачок.

Стали братья с родителями собираться на работу. Иван-

дурак тоже стал собираться — взял сухарей, налил воды в баклажку.

Его спрашивают:

— Ты куда собираешься?

— С вами на работу.

— Никуда ты не поедешь. Стереги хорошенько дверь, чтобы воры не зашли.

Остался дурак один дома. Поздно вечером снял он с петель дверь, взвалил ее на спину и понес. Пришел на пашню. Братья спрашивают:

- Зачем пришел?
- Я есть захотел.
- Мы же тебе наказывали стеречь дверь.
- Да вот она!

СОЛДАТ И ПЕЛЬМЕНИ

Шел солдат со службы домой. Дорогой выпросился ночевать.

Вечером хозяева стали пельмени стряпать. Старик хозяин сидит на лавке. Сел солдат рядом и завел разговор:

- Видно, поедим, дедушка?
- Поедим, да не все! — отвечает старик.
- А ты разве не хочешь? — спрашивает солдат.

Сели хозяева ужинать, посадили за стол и солдата. Они делят пельмени вилкой надвое, обмакивают в уксус и едят, закусывают хлебом. А солдат вилкой пельмень ткнет — и в рот.

Не вытерпел старик:

- Ты, солдат, двой!

Солдат будто не понял: давай по два пельменя поддевать на вилку.

Старик говорит:

- Ешь по-старому!

РАЗГОВОР

Повстречались под вечер два приятеля. Один другого и спрашивает:

- Чего сегодня делал?
- Рукавицы искал.
- Нашел?
- Нашел.
- Где ж они были?
- Да за поясом. А ты куда шагаешь?
- За семь верст.
- Киселя хлебать?
- Нет, комара искать.
- Это которого ж комара?
- Да того, который за нос укусить меня хочет.
- Да он же при тебе!
- Где это при мне?
- Да на носу у тебя!

РИФМЫ

Шиш по своим делам в город пошел. Дело было летом, жарко.

Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек! А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки? Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит. Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма. Шиш говорит:

— Я твоего Кузьму
За бороду возьму!

Дядька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

— Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твою дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму; тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя. Дядька говорит:

— Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя.
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.
Дядька говорит:

— Если ты Степан,
Садись на ероплан.
На ероплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.
Дядька говорит:

— Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».
— Хотя и нет, все равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

ПРИВЫЧКИ

Ехали три молодых парня по реке в легоньком стружке. У одного была привычка утирать под носом указательным пальцем, у другого — постоянно зачесывать волосы рукою, а у третьего почесывать бока.

Разговорились они между собой. Тот, который утирал под носом пальцем, сказал:

— Братцы! Не худо бы нам отстать от своих привычек!

Другие согласились с ним.

Посидели так какое-то время, а у каждого рука так и чешется: у одного тянется к носу, у другого — к голове, у третьего к бокам.

Тут увидели, что к ним подплывает лодка.

Первый парень крепился, крепился, да и сказал, подтирая под носом:

— А воно наши-то едут, воно! Другой, зачесывая волосы, крикнул:

— Сюда, наши! Сюда, наши!

А третий привскочил радостный и, почесывая бока, сказал:

— Наши едут, скоро будут!

ЛЕНЬ ДА ОТЕТЬ

Жили-были Лень да Отеть.

Про Лень все знают: кто от других слыхал, кто встречался, кто знается и дружбу ведет. Лень — она прилипчива: в ногах путается, руки связывает, а если голову обхватит — спать повалит.

Отеть Лени ленивее была.

День был легкий, солнышко пригревало, ветерком обдувало.

Лежали под яблоней Лень да Отеть. Яблоки спелые, румянятся и над самыми головами висят.

Лень и говорит:

— Кабы яблоко упало да мне в рот, я бы съела. Отеть говорит:

— Лень, как тебе говорить-то не лень?

Упали яблоки Лени и Отети в рот. Лень стала зубами двигать тихо, с передышкой, а съела-таки яблоко. Отеть говорит:

— Лень, как тебе зубами-то двигать не лень?

Надвинулась темная туча, молния ударила в яблоню. Загорела яблоня большим огнем. Жарко стало.

Лень и говорит:

— Отеть, сшевелимся от огня; как жар не будет доставать, будет только тепло доходить, мы и остановимся.

Стала Лень чуть шевелить себя, далеконько сшевелилась. Отеть говорит:

— Лень, как тебе себя шевелить-то не лень?

Так Отеть голодом да огнем себя извела.

Стали люди учиться, хоть и с леностью, а учиться. Стали работать уметь, хоть и с ленью, а работать. Меньше стали драку заводить из-за каждого куска, лоскутка.

А как лень изживем — счастливо заживем.

ЛУТОН ЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоней занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке, я бы его ведь ушибла поленом-то!

Ну и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба что ни есть мочи. Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали, о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь,

старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну, — сказал Лутоня, — исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!

И ушел. Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня. Они сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет, — сказал Лутоня, — у меня таких дураков еще много по белу свету!

И пошел дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

— Ах вы дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

— Как зачем? — возразила старуха охриплым голосом. — Ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то, у тебя дело пошло бы по масличку!

— И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

ГЛУПЫЙ ЖЕНИХ

Раз один жених свататься пошел. Он очень нескладно говорил. Вот сват ему и дает совет:

— Ты, брат, с невестой-то как покруглее говори.

Ну, он пришел в дом к невесте. Помолчал, помолчал, а как наелся, напился, развеселился, так невесте и говорит:

— Колесо.

Да помолчит, помолчит и опять:

— Колесо.

Ведь круглое колесо-то, а ему «покруглее» говорить велели, вон он круглое и выбрал. Невеста увидала, что жених глуп, и не пошла за него.

КАК ДЕЛА В РОСТОВЕ?

— Брат, здорово!

— Брату челом!

— Ты, брат, отколе?

— Я из Ростова.

— А что, говорят, в Ростове-то архиерей женится?

— Вчерась я пошел, сегодня пришел; случилось мне мимо ростовского архиерейского дома идти: стоят кареты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засвистали, поскакали, не знаю куда.

— А что, говорят, в Ростове бабы-то пшеницу на печке посеяли?

— Вчерась я пошел, сегодня пришел; случилось мне мимо ростовских печей идти — жнут бабы пшеницу.

— А что, говорят, в Ростове-то озеро сгорело?

— Случилось мне мимо Ростовского озера идти: щука да караси по лугам, язи да окуньи по елям, а плавают ершишко-голышка, глазоньки покраснели, перышки подгорели.

ИВАНУШКО-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям.

День был солнечный; только вышел Иванушко за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

«Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно, клецок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да всё и поел!

— Какой такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать. Всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе, радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умаялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много ни мало прошло времени, послали старики Иванушка-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет!

«А что, — думает себе Иванушко, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре, так стол-от и сам добежит».

Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и выются над ним да все каркают.

«Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать:

— Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье.

А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые.

«Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!»

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет.

«Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову — и убил наповал. Остался у Иванушка один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет — ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! И он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко-ду-рак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушко-дурак! Вот вам Иванушко-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил, а ложки дразнятся —

так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких — и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди! Дурака не дразни! — говорит Иванушко.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать:

— Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак,— сказал барин,— я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду.

Пришли братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!

Завидно стало братьям, говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушка колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

ИВАНУШКА И ДОМОВОЙ

Иванушка ходил в лаптях. Заходит он в свою избу. Матери дома не было. Услыхал — кто-то в избе пыхтит. Испугался он, дверями хлопнул и побежал. У него оборка от лаптя на ноге развязалась. Прицемило ее в дверях, он и упал. И закричал:

— Батюшки! Спасите! Домовой меня держит!

Прибежали соседи, подняли Иванушку, а он чуть жив.

И тут разобрали, в чем дело: испугался он лаптя на своей ноге, оборки и квашни. То-то смеху было!

ЗА ДУРНОЙ ГОЛОВОЙ - НОГАМ РАБОТА!

Затопила баба печь и дыму в избу напустила — не продыхнуть. «Надо попросить у соседей решето — дым из избы вынести»,— подумала баба и пошла к соседям, а дверь за собой не прикрыла.

Пришла к соседям. А те говорят:

— Нет у нас решета. Догадаихе одолжили.

Отправилась баба к Догадаихе, на край села, взяла у нее решето и пошла домой.

Вошла в избу, а дыму в ней как не бывало.

Смекнула тут баба, что, пока она ноги била, за решетом ходила, дым в дверь ушел, и закорили сама себя: «За дурной головой — ногам работа!»

ЗАЯЦ

Бедный мужик шел по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына. На те деньги куплю свинушку. Она принесет мне двенадцать поросеночков. Поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю. Мясо продам, а на денежки дом заведу да сам женюсь. Жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки наводить: «Эй вы, ребятки, — крикну, — Васька да Ванька! Шибко людей на работе не подгоняйте, видно, сами бедно не жили!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал.

ЗАВЕЩАНИЕ

Жил-был мужик. Умирает у него отец и говорит:

— Ты, мой сын, живи так: чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с медом!

Умер отец. А этот мужик живет год — прожил сто рублей: никому не кланялся и все калачи ел с медом. Живет другой — прожил другую сотню. На третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни у меня не прибавляются, а все убавляются!» Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал:

— Эх, ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться, а тебе все будут кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калач-то будет казаться с медом.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «бритое», а уж она непременно кричит: «стриженое!» Всякой день бранились!

Надоела жена мужу, вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладина. «Постой, — думает он, — вот теперь-то я ее изведу».

Как стала она переходить по перекладине, он и говорит:

— Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!

— Так вот же нарочно буду! Тряслась, тряслась, да и бултых в воду!

Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде вверх по течению.

— Что ты тут ищешь? — говорят ему прохожие мужики.
— А вот жена утонула, вон с этой перекладины упала.
— Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло.
— Эх, братцы, молчите; она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды.

НЕУМЕЛАЯ ЖЕНА

Мужик стащил из лавки куль пшеничной муки. Захотелось к празднику гостей позвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку да и задумался.

— Жена! — говорит он своей бабе.— Муки-то я украл, да боюсь — узнают! Спросят: отколь ты взял такую белую муку?

— Не кручинься, мой кормилец! Я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных!

БЕСПАМЯТНЫЙ ЗЯТЬ

Пришел зять к теще в гости. Теща угостила его киселем. Зять съел кисель и спрашивает:

— Это что за кушанье?

— Кисель.

Зятю кисель очень пришелся по вкусу; думает он: «Дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть, как зовется».

Вот пошел он домой и твердит про себя: «Кисель, кисель, кисель!»

Случилась на дороге канава. Хотел зятек перескочить через нее, да поскользнулся и упал. Встал — и забыл, что ел у тещи. Думал, думал — никак не может вспомнить.

Едет мимо барин на шестерке и видит: мужик бродит в канаве.

Остановился и спрашивает:

— Что потерял, мужичок?

— Сто рублей.

— Кучер, поди поищи,— говорит барин,— а найдешь — разделим пополам.

Кучер подошел к канаве и говорит:

— Вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!..

— Нашел, нашел! — закричал зять, выскочил из канавы и со всех ног пустился домой, а сам все кричит:— Кисель, кисель!

БЕЗЗАБОТНАЯ ЖЕНА

Жили-были муж с женой. Жена была баба ленивая и беззаботная, да к тому же еще и большая лакомка: все проела на орешках да на пряничках, так что наконец осталась в одной рубахе, и то в худой — изорванной.

Вот подходит большой праздник, а у бабы нечего и надеть, кроме этой рубахи. И говорит она мужу:

— Сходи-ка, муж, на рынок да купи мне к празднику рубаху.
Муж пошел на рынок, увидел, что продают гуся, и купил его вместо рубахи.
Приходит домой, жена его и спрашивает:
— Купил мне рубаху?
— Купил,— отвечает муж,— да только гуська. А жена недослышала и говорит:
— Ну и узка, да изношу!
Сняла с себя изорванную рубаху и бросила в печку. А потом и спрашивает:
— Где же рубаха? Дай я надену.
— Да ведь я сказал, что купил гуська, а не рубаху. Так и осталась баба без рубахи, нагишом.

БРАТ И СЕСТРА

Шли проселком брат и сестра, стали подходить к деревне. Брат говорит:
— Я здесь молока куплю.
А сестра:
— А я в молоко хлеба накрошу!
Брат ухватил сестру за косу и давай за нее дергать и приговаривать:
— Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!
Пришли в деревню, а молока никто им и не продал.

ГОРШОК

Жили-были мужик да баба. Оба были такие ленивые... Так и норовят дело на чужие плечи столкнуть, самим бы только не делать... И дверь-то в избу никогда на крюк не закладывали: утром-де вставай да руки протягивай, да опять крюк скидывай... И так проживем.

Вот раз баба и свари каши. А уж и каша сварилась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупинки так и отваливается. Вынула баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила. Съели кашу и ложки оближали... Глядь, а в горшке-то сбоку да на донышке приварилась каша, мыть горшок надобно. Вот баба и говорит:

— Ну, мужик, я свое дело сделала — кашу сварила, а горшок тебе мыть!
— Да полно тебе! Мужиково ли дело горшки мыть! И сама вымоешь.
— А и не подумаю!
— И я не стану.
— А не станешь — пусть так стоит!

Сказала баба, сунула горшок на шесток, а сама на лавку. Стоит горшок невымытый.
— Баба, а баба! Надобно горшок-то вымыть!
— Сказано — твое дело, ты и мой!

— Ну вот что, баба! Уговор дороже денег: кто завтра первый встанет да перво слово скажет, тому и горшок мыть.

— Ладно, лезь на печь, там видно будет.

Улеглись. Мужик на печи, баба на лавке. Пришла темна ноченька, потом утро настало.

Утром-то никто и не встает. Ни тот, ни другой и не шелохнутся — не хотят горшка мыть.

Бабе надо коровушку поить, доить да в стадо гнать, а она с лавки-то и не подымается.

Соседки уже коровушек прогнали.

— Что это Маланьи-то не видать? Уж все ли поздорову?

— Да, бывает, позапозднилась. Обратно пойдем — не встретим ли...

И обратно идут — нет Маланьи.

— Да нет уж! Видно, что приключилось!

Соседка и сунься в избу. Хвать! — и дверь не заложена. Неладно что-то. Вошла, огляделась.

— Маланья, матушка!

А баба-то лежит на лавке, во все глаза глядит, сама не шелохнется.

— Почто коровушку-то не прогоняла? Ай нездоровилось? Молчит баба.

— Да что с тобой приключилось-то? Почто молчишь? Молчит баба, ни слова не говорит.

— Господи помилуй! Да где у тебя мужик-то?.. Василий, а Василий!

Глянула на печь, а Василий там лежит, глаза открыты — и не ворохнется.

— Что у тебя с женой-то? Ай попритчилось?

Молчит мужик, что воды в рот набрал. Всполошилась соседка:

— Пойти сказать бабам!

Побежала по деревне:

— Ой, бабоньки! Неладно ведь у Маланьи с Василием: лежат — пластом — одна на лавке, другой на печи. Глазоньками глядят, а словечушка не молвят. Уж не порча ли напущена?

Прибежали бабы, причитают около них:

— Матушки! Да что это с вами подеялось-то?.. Маланьюшка! Васильюшка! Да почто молчите-то?

Молчат оба что убитые.

— Да бегите, бабы, за попом! Дело-то совсем неладно выходит.

Сбегали. Пришел поп.

— Вот, батюшка, лежат оба — не шелохнутся; глазоньки открыты, а словечушка не молвят. Уж не попорчены ли?

Поп бороду расправил — да к печке:

— Василий, раб божий! Что приключилось-то?

Молчит мужик.

Поп — к лавке:

— Раба божия! Что с мужем-то?

Молчит баба.

Соседки поговорили, поговорили — да и вон из избы. Дело не стоит: кому печку топить, кому ребят кормить, у кого цыплята, у кого поросята.

Поп и говорит:

— Ну, православные, уж так-то оставить их боязно, посидите кто-нибудь.

Той некогда, другой некогда.

— Да вот,— говорит,— бабка-то Степанида пусть посидит, у нее не ребята плачут — одна живет.

А бабка Степанида поклонилась и говорит:

— Да нет, батюшка, даром никто работать не станет! А положи жалованье, так посижу.

— Да какое же тебе жалованье положить? — спрашивает поп да повел глазами-то по избе. А у двери висит на стенке рваная Маланьина кацавейка, вата клоками болтается. — Да вот,— говорит поп,— возьми кацавейку-то. Плоха, плоха, а все годится хоть ноги прикрыть.

Только это он проговорил, а баба-то, как ошпарена, скок с лавки, середь избы стала, руки в боки.

— Это что же такое? — говорит. — Мое-то добро отдавать? Сама еще поношу да из своих рученок кому хочу, тому отдам!

Ошалели все. А мужик-то этак тихонько ноги с печи спустил, склонился да и говорит:

— Ну вот, баба, ты перво слово молвила — тебе и горшок мыть.

ШЕМЯКИН СУД

Жили два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе.

Пошел он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

— Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат.

— Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай, а вперед на меня не надейся: сегодня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привел бедняк коня домой и вспомнил:

— Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат. Кое-как привязал покрепче дровни к хвосту братнина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидал богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

— Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывают братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает:

«Сам в суде не бывал, а пословицу слышал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вез старика отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

— Пойдем к судье!

И пошли в город трое: бедняк да богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился:

«Теперь уж наверняка засудят».

Тут он увидал на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху:

«Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынет из-за пазухи камень в тряпке да и шепчет судье:

— Суди, судья, да поглядывай сюда.

Так раз, и другой, и третий. Судья увидал и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Еще раз взглянул — посул большой.

«Коли и серебро, денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрасли.

А купцу сказал:

— За то, что этот человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты скачи на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился. Богатый брат говорит:

— Ну ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

— Что ты, братец, — бедняк отвечает. — Уж пусть будет, как судья присудил: поддержку твоего коня до тех пор, покуда хвост не вырастет.

Стал богатый брат уговаривать:

— Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

— Ну ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

— Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, все равно родителя не воротишь.

— Нет, уж пойдем, коли суд присудил, скачи на меня с моста.

— Не хочу твоей смерти, помирись со мной, а я тебе сто рублей дам, — просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

— Ну, давай посуленное.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень.

— Вот чего тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо,— думает судья,— что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк веселый, с песенками, домой пришел.

НА СУДЕ

Мужик вывел на базар продавать быка. Подходит покупатель, сторговал у мужика быка, дал задатку, указал, куда вести его; в такой-то, дескать, дом.

Ведет мужик быка: попадаетеся ему навстречу еще купец.

— Мужик, продай быка!

— Изволь, господин купец.

Сторговались, и этот дал задатку, указал, куда вести.

— Я,— говорит,— сейчас приду!

Повел мужик быка дальше. Подходит третий покупатель, и с этим сторговался, взял и у этого задаток, ведет к нему быка, а тут и прежние двое покупателей подошли: тот тащит к себе покупку, другой — к себе...

Дело добром не ладилось, пошли в суд. Покуда просители объясняли судье свое дело, мужик стоял в прихожей.

К нему выбегает чиновник и говорит мужику:

— Если дашь мне на чай, я тебя научу, как оправдаться!

— Сделай божескую милость, батюшка, будь отцом родным — заплачу!

— Идет. Что бы тебя ни спросили, сперва отвечай: «Ну так что?», а потом: «Вот еще!»

Позвали мужика пред судью.

— Ты, мужик, вот этому купцу продал быка? — спрашивает судья.

— Ну так что? — говорит мужик.

— А деньги получал?

— Вот еще!

— А этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Ну, и этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Да что ты — сумасшедший, что ли?

— Ну так что?

— Пошел вон, вот я тебя в кутузку запрячу! — Вот еще!

Только мужик за порог вышел, как чиновник догоняет его:

— Давай, мужик, обещанное, ты обещал мне на чай!

— Ну так что?

— Давай, братец!

— Вот еще!
Так и отбился этим мужик.

МЕСТНЫЕ И УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Ажно — даже.
Али, аль — или.
Алтын — в старину монета стоимостью в три копейки.
Ан — а, ну.
Артель — здесь: коллектив; делать что-либо артелью — объединив усилия.
Архиерей — высший духовный чин.
Баять — говорить, рассказывать.
Беремя — ноша, охапка, сколько можно обхватить руками.
Бирюк — волк.
Большуха — старшая в доме, хозяйка.
Боровинка, боров и на — сухое, песчаное место, суходол, пригорье.
Брус — здесь: средняя балка, бревно.
Ватажиться — знаться, общаться, дружить, вести знакомство.
Веретено, веретёшечко, веретёнышко — стержень для навивания нити.
Верста — старая мера длины, чуть больше километра.
Вершник — посыльный, верховой.
Вершок — старая мера длины, равна 4,4 см.
Вживе нет — нет в живых,
В корень (запрячь) — о лошади в оглоблях в отличие от пристяжки.
Волокита — здесь; беспокойство по судебным делам.
Волость — административный центр в сельской местности.
Враз — все вместе, разом, одновременно.
В споре дело — дело спорится, идет.
В сугон — в погоню.
Вчистую — об окончательной отставке, уволен вчистую.
Вырыснуть — ехать рысью.
Высить — возвышать, высоко подвешивать.
Гвоздь — деревянная затычка в бочке.
Гнус — таежная мошка.
Година — здесь: время, час.
Голик — березовый веник без листьев.
Голь — оборванцы, нищие.
Горнишна — горничная, служанка.
Гребелька — узкая плотина на реке.
Гривна — денежная единица в Древней Руси — серебряный слиток весом около фунта.

Грядка — перекладина в избе.

Гумно — место, где молотят, а также — сарай для сжатого хлеба.

Двоить — делить надвое.

Девушка-покоевка — служанка, в обязанности которой входили уборка покоя — комнаты и прислуживание госпоже.

Деяться — здесь: происходить, свершаться.

Донце — дощечка у прялки, на нее садится пряжа.

Доселева — до сих пор.

Доспеть — сработать, добыть, доставить.

Досюль — доселе, в давние времена.

Дровни — сани для возки дров, леса и тяжестей.

Епанча — старинный длинный плащ-накидка.

Жерновцы — небольшая меленка: два камня, между которыми зерно смалывается в муку.

Животы — здесь: достаток, богатство, имущество.

Загнетка — место перед топкой, куда сгребают жар — угли.

Загодя — заранее.

Задолить (о сне) — здесь: осилить, сморить.

Заповедовать — приказывать, наказывать, велеть.

Запустошить — опустошить.

Зарод — скирда продольной кладки.

Заспать — придавить во сне.

Заставка — запрудный заслон, щит, которым задерживают воду.

Иван Купала, Иванов день — день 24 июня, народный крестьянский праздник; в этот день собирали травы, прыгали через костры, купались; в ночь на Купалу будто бы расцветает папоротник и им открывают клады.

Игумен — настоятель монастыря, старший над монахами.

Идучи — идя.

Ильин день — день 20 июля, народный крестьянский праздник в честь Ильи-пророка; поспевшую к этому дню рожь начинают жать.

Инда — даже, так что, что даже.

Ископыт — земля из-под копыта бегущего коня.

Исповедь — признание в чем-либо; на исповеди священник выслушивал признание верующего в совершенных «грехах».

Исполать вам! — хвала, слава вам!

Ихний — их.

Калика перехожая — странник, от слова «калига» — название обуви странника.

Калиновые мосты — мощенная калиной — хворостом — дорога по болоту; просто — мосты.

Канун — мед и пиво, приготавливаемые к церковному празднику.

Квашня — деревянная кадка для теста.

Кокора — сухое дерево, вырванное с корнем; кокбрина — коряга.

Кокошник — женский головной убор в виде округлого щитка.

Колода — павшее толстое дерево, а также толстый обрубок.

Колодочка — обструганный короткий деревянный брусочек.

Колпак земли греческой — головной убор странника по святым местам в Византии («земля греческая») и других странах.

Копари — землекопы.

Корец — ковш.

Корить — укорять, упрекать, ставить в вину, бранить.

Косая сажень — древнерусская мера длины, расстояние от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой руки по диагонали, равна 216 см.

Кочедычок, кочедык — лапотное шило.

Кочеток — петух.

Кропачишко — от слова «кропотать», у которого был разный смысл — суетиться, браниться, заботиться; здесь (о Ерше): забияка, суетливый и драчливый.

Кросна — домашний ткацкий станок.

Крутище — почти отвесная круча.

Круто — быстро.

Кудель — пучок льна или шерсти, приготовленный для пряжи.

Кутья — ячменная или пшеничная каша с изюмом, еда на поминках.

Лабаз — амбар.

Ладонь — ток, ровное, очищенное от травы место, где молотят.

Лощина — ложбина, низменность.

Лубяной — от слова «луб» — плотная часть липового, под корья; из луба делали короба, крыши и пр.

Лытать — уклоняться от дела, празднично проводить время.

Маленка — мера для измерения сыпучих тел; считали ее равной 16 кг овса, 24 кг ржи и 32 кг пшеницы.

Матереть — входить в возраст, становиться сильным.

Матёрый — в возрасте, большой, огромный, здоровый, тучный.

Мёд стоялый — хмельной напиток из меда с водою, приправленный пряностями; стоялый — старый, выдержанный.

Мера — то же, что маленка.

Мережка — сеть; здесь: паутина.

Моль — мелкая рыба.

Московские крепости — в Древней Руси судебный документ, выданный московскими властями на право владения собственностью.

Мотыга — ручное земледельческое орудие, служит для прополки, рыхления, окучивания и пр.

Музыка — здесь: музыкальные инструменты.

Набольший — самый большой, старший.

На весь стан — на все колеса.

Названный—(со словами: отец, брат и пр.) — неродной,

приемный.
Наполдень — на юг.
Натакать — здесь: научить, посоветовать, настроить.
Немцы — чужестранцы.
Неряшиться — ходить неряхой, одеваться неряшливо, небрежно.
Нетель, нетелка — молодая, нетелившаяся корова.
Новина — еще не паханная земля; здесь: вырубленное место.
Обедня — церковная служба, совершаемая утром или в первую половину дня.
Обкатиться — облить себя водой.
Обночеваться — приготовиться ко сну.
Обротка, обротъ — узда без удила и с одним поводом для привязи; здесь: веревка.
Овчина — овчинная шкура.
Однава — один раз, только раз.
Околица — изгородь вокруг селения, округа.
Оконница — рама, оконный переплет.
Омёт — большой ворох, стог сена или соломы.
Опара — тесто в квашне, заправленное дрожжами или закваской.
Оправирь — оправдать.
Опричь — кроме, помимо.
Орать — пахать.
Остатний — последний.
Остов — костяк, скелет.
Отеть — крайняя степень лени.
Отжить — здесь: отогнать, отвадить, прогнать.
Падла — падаль.
Палица — тяжелая дубина, в старину — боевое оружие.
Пахталка — кадушка для сбивания масла, маслобойка.
Перст — палец.
Петров день — 29 июня по старому стилю.
Плачя — плакальщица, ее нанимали оплакивать покойника.
Плетушка — небольшая ручная корзина.
Побаталиться (от слова «баталия» — сражение, бой) — воевать, сражаться.
Побелить и в трубы покатаь (о холсте) — холстины выбеливали на солнце, а затем скатывали.
Повой — прием новорожденного.
Поднести — здесь: угостить вином.
Подпахать — подмести, убрать.
Показаться — здесь: понравиться.
Покинуть — здесь: оставить.
Покой — комната, горница, палата.
Полая вода — весенняя, разлившаяся после вскрытия реки.
Поленица — богатырка.

Полон — плен.
Полонянка — пленница.
Полпоприща — длина пути около двадцати верст.
Понынче — по сей день, по настоящее время.
Понятой — лицо, привлекаемое властями при обыске и других действиях для засвидетельствования фактов.
Попритчиться — здесь: случиться, произойти.
Порешить — убить.
Поруха — урон.
Порушить — разрушить.
Порчу напустить — наслать болезнь посредством наговора и магических действий.
Поскотина — выгон, место, где пасут скот.
Посох — длинная трость.
Постилка — здесь: пеленка.
Посул — обещание; здесь: взятка, подарок.
Потничек — войлок под седлом.
Похитник — похититель, вор.
Почать — начать.
Правильное перо — крайнее в крыле, особого вида.
Прельщать — увлекать, манить; здесь: хитрить, обмануть.
Прикорнать — погубить.
Принять закон — жениться.
Притираться — здесь: натираться разными мазями, надушиться благовониями.
Притча — здесь: непонятное, труднообъяснимое явление.
Прихожане — люди одного церковного прихода.
Причитывать — говорить заговорные слова.
Провалище — вход в подземелье.
Промаячить — здесь: прожить.
Промысел — здесь: добыча.
Просвира — хлебцы особой формы, которым духовенство придавало священное значение.
Просвирня — женщина при церкви, пекла просвиры — священный хлеб.
Простень — количество пряжи, выпрядываемой на одно веретено.
Простины — прощанье.
Профурать — здесь: раскидать по дороге, утратить, растерять.
Прыск (лошадиный) — мах, скок.
Пряжон (от «пряжить») — жарить в масле) — жарен.
Пуд — старая мера веса — 16 кг.
Расстлать огонек — разложить костер, огонек.
Рука мертва я. — Существовало поверье, что рука от мертвеца наводит на спящих непробудный сон.
Рушник — полотенце.

Ряда — договор, условие.
Рядиться — уговариваться.
Рядить — здесь: судить, выносить решение.
Сажень — древнерусская мера длины, расстояние размаха рук от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.
Саламата — жидкий кисель, мучная каша.
Сарацинский — восточный, азиатский вообще.
Свежина — свежее мясо.
Сверстаться — здесь: поравняться.
Сговор — обряды, предшествующие свадьбе: сватовство, смотрины, рукобитье и пр.
Седало — насест, жердь, на которой ночует домашняя птица.
Седок — ездок, путник.
Сквозь строй прогуляться — быть подвергнутому наказанию: наказуемого вели сквозь строй солдат, и каждый бил его палкой.
Скирд, скирда — долгая большая кладь сена или хлеба.
Словеса — слова; здесь: речь.
Соборовать — свершать церковный обряд помазания особым маслом.
Сорога — рыба плотва.
Сорок сороков. — В старину считали сороками: первое сорок, второе сорок и пр.
Сошничок — сошник, наконечник сохи или плуга, подрезающий пласт земли.
Срочное время — определенное время, положенное по сроку.
Становище — приют, стан в лесу, а также бухта, пристань.
Стояростовое — прямо растущее, стоящее стоймя.
Строевая одежда — форма, форменная одежда.
Стружок — струг, лодка, челн.
Супротив — против.
Сусек — ларь, в котором хранится мука или зерно.
Сычёное (о яблоке) — мочёное; в сладком сиропе.
Таровастый — щедрый.
Теребень — постоянный посетитель кабака, завсегдатай.
Тесак — палаш, короткая сабля.
Токмо — только.
Торжище — торг, рынок.
Тьма — здесь: множество.
Убраться — нарядиться.
Ужина — вечерний стол, ужин.
Уздечка наборная — узда с медными бляхами разного вида.
Урочный (день) — условленный, определенный.
Урядник — нижний чин в полиции.
Устье, устьеце — наружное отверстие в русской печи.
Ухват — палка с металлической рогаткой для подхватывания горшков, чугунов, которые ставят в печь.

Фунт — старинная мера веса, чуть больше 400 г.

Хлеб да соль — здесь: гостеприимство.

Хлебы — питание, сытость.

Хоромы — строение, палаты, большой дом.

Целовальник — трактирщик, содержатель кабака.

Чёрная (о рубахе) — грубая, будничная, рабочая.

Шабер — сосед.

Шесток — площадка перед топкой у русской печи.

Шинок — шина, железный обруч на колесе.

Ширинка — полотенце.

Шкворень — шворень, болт, стержень, на котором ходит передок повозки.

Яруга — крутой овраг.